

0042-18

уральский **2**
1992
СЛЕДОПЫТ

СРЕТЕНИЕ

ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Е

Александр
Медведев

вангелист Лука повествует о рождении Христа: «А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа... Тогда был в Иерусалиме человек именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый... И Дух Святой был на нем. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего».

Этот сюжет лежит в основе христианского праздника Сретение. Само это слово означает встречу. Речь идет о встрече в Иерусалимском храме праведного старца Симеона с Иисусом, которого родители через сорок дней после рождения принесли в храм. Симеон первым приветствует в лице Христа бога и объявляет его мессией и царем иудейским.

Смысл праздника — в исполнении церковных обрядов с раннего детства. Пример «святого семейства» должен убедить в этом. Сретение — не просто встреча старца и младенца, это встреча человека и бога, олицетворяющая обряд воцерковления младенца. Родители дают лишь физическую жизнь, а истинную, духовную человек приобретает, общаясь к церкви — в этом суть Сретения.

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2 А. Медведев
СРЕТЕНИЕ

3 О. Лузянинов
ДА ИСПРАВИТСЯ МОЛИТВА МОЯ!

5 Н. Мезенин
ВЛАДЕЛЕЦ ТАГИЛЬСКИХ ЗАВОДОВ

11 И. Быховский
ДЕКАБРИСТ — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
ВОДОМЕТА

12
КНИГА И РЫНОК

13, 63 А. Ромов
ФУФЕЛЬ. Детективный роман.

23 П. Евладов
АРКТИКА, ПРОСТОРНАЯ И ТЕСНАЯ...

28 А. Абрамов
ЗА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ДО ТАЛАЛИХИНА...

30 И. Сахновский
СТИХИ

31 В. Крапивин
ЛОЦМАН. Фантастическая повесть.

53 А. Понизовкин
МАЛЕНЬКАЯ МОЯ ИРЛАНДИЯ

75 В. Глотов
ЗВЕЗД БУДЕТ БОЛЬШЕ

77 Л. Щипко
РАДЕТЕЛЬ СИБИРИ

79 А. Шишкин
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГ-
СКОЙ КОПЕЙКИ

80 Г. Рыженков
НАРОДНОЕ ПОГОДОВЕДЕНИЕ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ ЧИТАТЕЛИ!

Прежде всего, спасибо за верность журналу. Многие авторитетные издания, как вы знаете, потеряли нынешней подписной осенью своих читателей. «Следопыт» же, с вашей помощью, один из немногих в стране не только не упал в тираже, а, напротив, обрел новых друзей. В прошлом году читательская аудитория составила 406 тысяч, нынче — 460. Вы проголосовали рублем за творческий курс нашего издания — спасибо вам! Впервые журнал получил самый высокий за все годы своего существования доход — 8,3 млн. руб. ваших денег!

Но к радости примешивается горечь. Мы дважды, как помните, не по своей вине повышали цену подписки, доведя ее до 18 руб. в год.

Все экономические расчеты (по состоянию на август-сентябрь 1991 г.) свидетельствовали, что журнал будет жить и процветать. Грозные беды обрушились на редакцию, а значит, и на вас, читатели, в канун 1992 года. (Эти строки пишутся 26 декабря). Российское министерство печати и средств массовой информации внезапно сообщило, что журналы лишаются государственного заказа, и предложило покупать бумагу по биржевой цене. Министерство связи повысило стоимость своих услуг в 3,6 раза. Чтобы у читателя создалось ясное представление о финансовом состоянии журнала, приведем несколько цифр: нам в год требуется порядка 1 тысячи тонн бумаги, затраты по по биржевому курсу — 10 млн. руб. Только за то, чтобы доставить вам журнал на дом, связисты затребовали 8 млн. руб. (это вся сумма нашей с вами подписки) и т. д. и т. п. — диктат идет со всех сторон. Словом, собранных нами денег (ваших денег) хватит всего лишь на выпуск 3-х номеров журнала.

Не мы одни — вся периодическая печать оказалась в глубокой долговой яме. Ряд изданий уже официально объявил о своем закрытии. Такую возможность министерство связи милостиво предоставило и нам: либо вернуть подписные деньги, либо выпустить три прощальных номера.

Редакция и издатель журнала — Средне-Уральское книжное издательство — выбрали самый трудный путь: противостоять дикому рынку, продолжать выпуск журнала, но для этого вам, читатель, придется пойти на дополнительные и весьма значительные траты. Стоимость одного номера в 1992 году составит 5 руб., годовая подписка — 60 руб.

Честно предупреждаем, что и эта сумма ориентировочная. — кто в декабре может предсказать цены второго полугодия, когда, к примеру, уже сейчас за килограммовый кусок мяса на базаре запрашивают сто рублей...

Так или иначе, с 15 марта по 1 мая в России, по всей видимости, пройдет новая подписная кампания на 1992 год. (Надеемся, что так же поступят и другие государства бывшего СССР). Именно тогда и будет точно определена стоимость подписки.

Редакция глубоко сожалеет, что этим сообщением вносит в вашу семью новые огорчения. Мы всегда гордились своим читателем — демократическим и, по нашему мнению, отнюдь не принадлежащим к толстосумам. Но у нас нет иного пути. Не мы по своей воле залезаем в тощий кошелек читателя, нас заставляет это делать диктат монополий.

Впервые за 34 года перед «Следопытом» жестко стоит выбор: жить или не жить. Редакция сделала свой выбор: жить! С вашей помощью! Решающее слово за вами, читатели.

уральский 2
1992
СЛЕДОПЫТ

Празднуется оно 15 февраля по новому стилю. В народном сознании Сретение воспринималось и как встреча зимы с весной. Целый комплекс народных обрядовых действий символизировал собою первую встречу весны. Со Сретением были связаны многочисленные приметы и народное прогнозирование погоды, что нашло выражение в поговорках:

*На Сретение в день тепло льды
оптает.
На Сретение кафтан с шубой
встретились.
На Сретение цыган шубу
продает.*

Если на Сретение установится оттепель — весна ранняя и теплая, коли холода завернут — весна холодная, снег выпал — затяжная и дождливая весна.

Встречу зимы и весны знаменовала собою Масленица — народный праздник, уходящий своими корнями в седую древность. Он не связан ни с какими церковными обрядами, и лишь время его определялось по церковному календарю.

Масленные праздничные обряды длились неделю. Эта неделя — восьмая до пасхи. И поскольку пасха — подвижный праздник, масленица также не имела постоянной даты. В этом году она празднуется со 2 по 8 марта.

Неделя, на которую приходится масленица, называлась сырной неделей. Своей полускоромной пищей она готовила крестьян к длительному семинедельному посту, который предшествовал пасхе. Но масленица стала и синонимом самого широкого, безбрежного веселья.

Каждый день недели имел свое название и отличался особыми обрядовыми действиями. Понедельник — «встреча». В этот день устраивались и раскатывались горки, люди готовились к веселью, забавам и потехам. Вторник — «загрыш» — день начала игр и гуляний. Среда — «лакомка». Четверг — «разгул» или «перелом», именно с этого дня масленица становилась «широкой», этот день так и назывался «разгуляй-четвертак». Пятница — «тещины вечерни», обязательно ездили к родителям жены, к теще на блины. Считают, что в древности масленица была исключительно праздником молодежи. В масленичную неделю окончательно устанавливались родственные семейные отношения между новобрачными и их близкими. Суббота — «золовкины посиделки». В этот, предпоследний день масленицы, непременно было посещение родственников. В кругу родных и близких поминали умерших. День так и назывался — родительская суббота. Торжественным завершением масленицы было воскресенье, оно называлось —

«проводы», «прощенный день», или «целовальник». Родственники, соседи, односельчане просили друг у друга прощения за содеянные вольно или невольно в течение года зло и обиды. Это был день примирения, согласия и любви.

Центральным персонажем праздника была Масленица. Ее чучело делали из соломы, наряжали в женские одежды. В некоторых местах России Масленицу называли «молодашкой». В песнях ее нарекали женским именем, обращались к ней с комплиментами:

*Дорога наша гостя Масленица,
Авдотьюшка Изотьевна,
Дуня Белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, деуполтинная...*

В одну руку Масленицу вкладывали блин — символ солнца и приближения весны. Блин, тройка, езда по кругу — все это были символы солнца. Звон поддужных колокольчиков должен был разбудить спящую землю, прогнать долгий зимний сон. Эти символы имеют давнее языческое происхождение.

Главными обрядовыми действиями были встреча и проводы Масленицы, которые как бы обрамляли масленичную неделю. В начале недели выезжали за околицу встречать Масленицу. Поставив чучело в сани, раскрасив его разноцветными лентами и плакатами, весело возвращались, ездили по улицам, распевая песни, в которых восславляли Масленицу:

*Ой, да вот Масленица,
оx на двор въезжает,
Да, широкая, на двор
въезжает.
Да вот, Масленица, оx,
иди поскорее,*

Да, широкая, ой, иди поскорее.
В пятницу, субботу выезжали Масленица во селению, всюду ее встречали с песнями и смехом. Потех ради в сани садился местный балагур и шутник. Смех вообще занимал большое место как в святочных, так и в масленичных празднествах. Смех был обязательен, и потому смеялись много и безудержно.

В конце недели, в воскресенье, Масленицу вывозили за околицу, выезд опять же сопровождался песнями, однако теперь песни носили иной характер, в них ее ругали, называли «полизухой», «широкошеей»:

*Да вот, Масленица, оx,
со двора съезжает,
Да, кургузая, оx, с широкого
подворья съезжает,
Ее девушки ее провожают,
Ее красные, оx, ее провожают.
Оx, вот Масленица, оx,
ты поста не бойся,
Да, кургузая, оx, ты поста
не бойся...*

Многолюдные проводы Масленицы носили характер шуточных похорон с участием ряженых. Надевали маски, молодежь переодевалась в стариков и старух, выворачивали шубы наизнанку, превращаясь в медведей — все это символизировало переход в иную, сказочную и веселую жизнь.

Уже накануне, в субботу собирались по дворам пришедшие в негодность старые вещи для масленичного костра. Костер готовился для сожжения Масленицы, в него бросали также и остатки масленичной обильной еды — блины, яйца, другие продукты. Сжигание чучела и старых вещей символизировало похороны зимы и встречу весны. «Масленица — весны племянница», — так воспринимали люди весь цикл масленичных обрядов.

Остатки золы или чучела развевали или разбрасывали по полю для того, чтобы будущий урожай был богаче.

Традиционным развлечением во время масленицы было катание на лошадях. Выезд был своеобразным смотром коней и упряжи. Большой популярностью пользовались и катания с гор. Не только дети, но и взрослые не отказывали себе в этом удовольствии. Горки делали заранее, собола и старательно. Готовили и различные приспособления. Для детей из широких, толстых досок изготавливали кореги, которые были и удобны, и безопасны. Взрослые катались на слегах, скатывались с горы стоя, парами, держась друг за друга. Старались уехать с горки как можно дальше, чтобы лен вырос длиннее — даже самое простое увеселение носило ритуальный характер.

Еще одна забава-игра, особенно в Сибири, — взятие снежного городка. К игре готовились загодя, тщательно подбирая «армии» защитников и наступающих, разрабатывая с дотошностью военных все ходы будущей операции. Вообще были широко распространены забавы, связанные с соревнованием, единоборством. Борьба в различных формах занимала немалое место в увеселениях наших предков. Именно борьба, а не драка, борьба, подчиняющаяся строгому этикету, одно из правил которого было — лежащего не бьют.

Всем дням сырной недели сопутствовали различные приметы, гадания, ритуальная еда. Разгулье, смех, радость создавали поистине веселую атмосферу масленичных дней. Недаром говаривали: «не житье, а масленица».

Олег
ЛУЗЯНИНОВ

ДА ИСПРАВИТСЯ МОЛИТВА МОЯ!

Редакция обещала читателям время от времени возвращаться к судьбам малых городов, о которых писал «Уральский следопыт». В этом номере тагильчанин Олег Лузянинов продолжает разговор о Верхотурье.

Город Верхотурье создали, сотворили и воздвигли личности. И не может того быть, что сегодняшние поколения не унаследовали от богатых духом предков хоть самую малую частицу жажды духовного подвига во имя и во славу поруганного, обезличенного во многом народа, когда молитва его пошла вкривь и вкось. В кресте, символе веры, кроме двух перекладин, есть еще одна — «косая». Это как бы повод подсказать взирающему на символ: ты вправе сделать выбор — или вознестись душой, или сверзиться разумом ближе к твари скотоподобной, смотря куда пойдешь в мыслях по этой «косой» перекладине — вверх или вниз.

Первым поколениям верхотурцев удалось по этой «косой» вознести свой дух «в самое ангельское поднебесье».

Основание города относится к 1595—1598 годам, когда Тобольск в Сибири уже существовал. В 1598 году заложена первая деревянная соборная церковь — Свято-Троицкий собор «во имя Пресвятыя, Живоначальныя Троицы» с одним приделом во имя святого мученика Федора Стратилата. В 1607 году пристроен еще придел — в честь Рождества Христова.

Известно, что царем Алексеем Михайловичем церковь вместе с штатом «была обложена денежною и хлебною ругою для священнослужителей», то есть население по-нуждалось к оказанию помощи причту. А после от него же, царя, по челобитью соборного протоиерея Ивана Михайлова, церковь пожалована иконами, книгами, прочими предметами священнодействия. Сам же Михайлов привез из Москвы «кадило серебряное под золотом, весом 1 фунт 50 золотников, с чеканной надписью: сие кадило построил в соборную церковь Пресвятой Живоначальной Троицы, что на Верхотурье, пожаловал Великий Государь, царь и Великий князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец в лето 7148 (1640) года...» Еще привез Михайлов на престольный крест серебряный чеканной работы, осьмиконечный, внутри его 12 частиц от мощей разных святых. Главный же дар царя — икона с изображением Троицы в образе трех странников, посетивших Авраама. Высота иконы 2 аршина и два с половиной вершка, при ширине 2 аршина. Внизу дарственная надпись: «Сей Пресвятыя и Живоначальныя Троицы образ благоволением и помощию того самого Отца и Сына и Святого Духа, Истинного Бога нашего и повелением Благодетельнейшего и Христолюбивого Великого государя нашего, царя и Великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца написан в царствующем и Богоспасаемом граде Москве иконописцем Григорием Аврамовым и поставлен в Богоспасаемом граде Верхотурье в сей соборной церкви во славу Пресвятого и Великолепного ея имени в лето от создания мира 7178 года, а от воплощения Единосущного Безначального Отца слова в 1670 году при протопопе тоя святыя церкви Иоанне Михайлове».

Но исторический тот храм уничтожен пожаром в 1683 году, хотя вся церковная утварь была спасена. О построении нового собора Иоанн Михайлов лично ходатайствовал перед царем, и 25 февраля 1684 года дана грамота воеводе Григорию Нарышкину о постройке церкви на месте сгоревшей. И эта церковь была деревянной, освящена в 1691 году по благословенной грамоте митрополита Сибирского и Тобольского Павла. Церковь просуществовала недолго. По повелениям Петра Великого в 1699 и 1700 годах велено на Верхотурье построить вместе с каменным городом и каменную соборную церковь, коя и была заложена настоятелем Верхотурского монастыря архимандритом Израилем в 1703 году. Постройка ее обошлась в 5253 рубля — «при воспоможении градских и уездных людей».

В 1738 году собор во время страшного пожара обгорел, но через год возобновлен и освящен. А сто лет спустя в Верхотурье родился человек, оказавший городу и его святыням огромную помощь. Разрешите представить: Мухлынин Иван Александрович. Фамилия эта ведет свою родословную от выкликинцев Ямской пригородной слободы Верхотурья, где селились выходцы из поморских городов Руси. Отсюда же, кстати, вышел и строитель Богословских заводов, многих церквей и домов М. М. Походяшин. Выкликинцами ямских слободжан называли, видимо, потому, что они привезли с собой древние, с языческих времен, обычаи — выкликать, например, незнамо откуда весну или просо, чтоб оно скорее уродилось. Выкликали и порчу из беснующихся баб...

Иван Александрович унаследовал от отца купеческий капитал и очень скоро приумножил его. В 1869 году он был избран первым городским головой и нес эту обязанность в течение трех четырехлетий. По избранию своему он прежде всего озаботился открытием городской общественной библиотеки, о чем до этого в Верхотурье и не помышляли. По его же инициативе в 1875 году открыто

трехклассное женское училище, а в существовавших уже училищах введены классы ремесленного труда.

Иждивением Ивана Александровича реставрирован придел в Троицком соборе, что обошлось в 7 тысяч рублей. Заведены серебряные оклады для икон, паникадила, дорогие облачения. Соборному причту пожертвован капитал в 3 тысячи рублей, проценты с которого шли на содержание причта. Для беднейшего населения города Иван Александрович оставил капитал в 3220 рублей, процент с которого выдавался безвозмездно в виде пособий тем, кто строил для себя дома.

Двенадцатилетняя служба в должности городского головы была для И. А. Мухлынина безвозмездной: жалование он оставлял в кассе, и оно расходовалось на пособия бедным служащим и жителям города.

Общественная деятельность И. А. Мухлынина была оценена современниками: верхотурцы присвоили ему звание почетного гражданина города, портрет его поместили в присутствии городской Думы. В ответ Иван Александрович в завещании пожертвовал 5 тысяч рублей на призрение бедных и столько же на санитарные нужды. Супруга его Мария Андреевна по смерти своей оставила капитал в 3 тысячи на детский приют в Верхотурье.

На соборы и на жизнь бедных пожертвовали многие. Тут и четыре поколения Мухлыниных, и Поповы, и Походящины. А красносельский почетный гражданин Василий Никифорович Власьевский подарил церкви колокол весом около 110 пудов, позолоченный потир с прибором к нему и капитал на поминание в 500 рублей.

Но постепенно славу Верхотурья отнимают города Ирбит и Екатеринбург. Теперь путь в Сибирь лежит по новому тракту. К началу XX века Верхотурье — уездный город Пермской губернии, бедный и немногочисленный, в нем чуть более 3 тысяч жителей, промышленности почти нет, торговля ничтожна. Дома почти все деревянные. Часть мешан занимается хлебопашеством, другие скупают в таежной глубинке дичь, кедровые орехи, бруснику и клюкву, звериные шкуры, сбывая все это по ярмаркам, прежде всего в Ирбите. Оживление в городе бывает с Великого поста, на Пасху и до середины сентября, когда сюда на богомолье наезжают тысячи паломников — поклониться мощам святого Симеона, кои покоятся тут с 12 сентября 1704 года.

В 1915 и 1916 годах Верхотурье посетил Григорий Распутин, жил в доме купчихи В. И. Мухлыниной. Он отстоял обедню в Кресто-Воздвиженском соборе, приложился к мощам Симеона, был с почестями принят архимандритом Ксенофонтом и... пьянствовал, дебоширил, врывался в женский монастырь, как утверждает краевед, житель Верхотурья, ныне покойный Н. М. Лиханов.

Разорение монастыря началось с августа 1917 года во время правления А. Ф. Керенского. Первый красногвардейский отряд в Верхотурье потеснил монахов и занял часть монастырской гостиницы. Но в октябре 1918 года в город пришел белогвардейский отряд, один из «Северной боевой колонны правительственных войск», под командованием капитана Казагранди. Штаб его расположился в апартаментах настоятельского корпуса.

В июле 1919 года полк регулярной Красной Армии под командованием И. В. Боряева освободил город от белых, заняв под свой штаб все тот же настоятельский корпус. В монастыре сразу объявилась пропаша — белые, отступая, увезли серебряную раку, наполнив ее монастырскими драгоценностями. Гроб с мощами остался в соборе. Отряд красногвардейцев догнал хитников на Сибирском тракте и отбил драгоценности. В 1921 году, в голодное время, рака и другие ценности были проданы иностранцам, и на эти деньги куплен хлеб. Теперь, по некоторым данным, рака находится в американском городе Джорданвилле, в центре русского зарубежного православия.

В 1920 году монастыри были ликвидированы, монахи и монахини выселены, наиболее враждебно настроенные

из них «строго наказаны», в том числе и последний архимандрит Ксенофонт.

Новая власть разместила в Покровском женском монастыре детдом № 1 для школьниц, в Успенском женском монастыре детдом № 2 для дошкольниц. Николаевский монастырь частично отдан детдому № 3 для детей старшего возраста и юношества. Помещения монастырей и городских церквей переоборудованы и перестроены. В них — клуб, районные библиотеки для взрослых и детей, спортивный зал, промышленные мастерские, гараж, мельница, пекарня, городская баня (работает и по сей день!), котельная, складские помещения. В филнале женского монастыря расположились предприятия лесной промышленности, в филнале мужского — один из лучших домов отдыха на Урале «Актая». Заречная церковь и все часовни за ненадобностью снесены и вместо них построены жилые дома и торговые помещения. А в 1921 году в Николаевском монастыре разместили 96-е пехотные командные курсы. На куполах вместо крестов — красные флаги. На зубцах западной стены огромными буквами выложен лозунг-призыв: «Только красный командир из числа рабочих и крестьян поведет Красную Армию от одной победы к другой!». На южной стороне монастырской стены тоже на каждом зубце по букве: «Третий коммунистический Интернационал подписал смертный приговор капиталу всего мира!». В Николаевском соборе курсанты организовали свой клуб. Естественно, бывший алтарь — сцена. Первая постановка в клубе — «На дне» по пьесе М. Горького.

С начала 30-х годов Николаевский монастырь переоборудован под исправительно-трудовую колонию для несовершеннолетних. На куполах уже нет флагов, с монастырской стены исчезли лозунги-гиганты, над зубцами — ряды колючей проволоки. Голод в стране был и в двадцатых, и в тридцатых годах, а в детской беспредельной зоне — всегда. И в 1934 году дети взбунтовались, забаррикадировались в Кресто-Воздвиженском соборе (где недавно звенело: «Человек — это звучит гордо!»). Пожарными брандспойтами были выбиты все стекла, покалечены рамы. Бунт подавлен...

При первом знакомстве сегодняшнее Верхотурье поражает величием храмов и подавляет запредельной убогостью гражданского уклада жизни: много «дорежимного» ветхого жилья, современные неуютные двухэтажные бараки... В 1988 году исправительно-трудовая колония расформировалась. Опустили братские корпуса и другие жилые постройки.

По настоятельной просьбе Владыки Свердловского, Челябинского и Курганского Мелхиседека монастырь передан общине верующих. Наместником назначен молодой иеромонах Тихон. Отец Тихон уступил нашей просьбе и провел в Кресто-Воздвиженский собор...

В оконных проемах кое-где сохранились ветхие рамы, кованые решетки. Кругом кучи мусора, битого кирпича. Поднимаю метлахскую восьмиугольную плитку серого спокойного цвета, на обороте — загадочное слово латинским шрифтом «Merzig». Такой плиткой были высланы когда-то полы. Купола и крыша собора, крытая чистейшим листовым цинком, возводилась совместно с английской фирмой «Георг Поль». Теперь часть листов кровли утрачена, просвечивает обрешетка деревянного каркаса. Стены, своды, кажется, на самой недостижимой высоте исписаны черной краской: «Василек, Мурзин. Кеша». «Ушак, Назар, ВИЗ», «Н. Тагил, Тимофей братан Маранин, ст. 108, срок 3 года»... Здесь не разруха и надругательство подавляет, здесь слетает фальшивое величие человека, и он чувствует себя ничтожеством...

В былое время в соборе одновременно могли молиться 10 тысяч человек. Сюда приходили исправлять себя люди даже из Благовещенска! Пешком, в лапотках, с котомочкой за плечами, в коей запасная обувь да, может быть, «Баташовский» пузатенький дорожный самовар на пять стаканов... Шли иногда не одно, а два лета: ходок ходоку

не ровня. А уж последнюю версту иные доползали на коленках и, добравшись до надвратной церкви, долго целовали обетованную землю — привел-таки Господь поклониться мощам Симеона Праведного, Верхотурского святого!

Немного о Симеоне. Николаевский монастырь основан почти одновременно с городом — в 1602—1604 годах чернецом Ионой, а построен в 1621 году. Очевидно, Симеон был наслышан о новом монастыре и ушел из Руси за Урал. Полагают, что он был выходец из бедной дворянской семьи. Шел пешком до Соликамска, а оттуда по старой Бабиновской дороге, через старинное ямское село Ростес, Николо-Павдинский завод, село Караул пришел в Верхотурье, но облюбовал место не в самом городе, а в тихой деревне Меркушиной на реке Туре. В пешем пути и на новом месте жительства Симеон добывал себе пропитание рыбалкой и швейным ремеслом. Исцелял людей. Умер в 1642 году, дожив до 40 лет с небольшим, погребен в Михаило-Архангельской церкви. Тело его лежало в земле д. Меркушиной ровно 50 лет, до 1692 года, и при митрополите Сибирском Игнатии его нетленные останки были перенесены в Верхотурский монастырь, где находились сначала в Преображенском соборе, а по окончании строительства Кресто-Воздвиженского собора перенесены в него.

Собор этот был заложен в честь грядущего юбилея — 300-летия царствующего дома Романовых, который отмечался летом 1913 года. Царь Николай II сделал для собора подарок — сень для раки с мощами святого Симеона. Сень представляла собой точную копию трона царя Ивана Грозного, что находится в Москве в одном из соборов Кремля. Она была доставлена в Верхотурье, но царская семья не смогла приехать, т. к. приближалась первая мировая война. В торжественной обстановке при огромном стечении народа рака с мощами была перенесена в новую сень величественного собора.

Рака — это ящик с крышкой, служащий вместилищем для гроба с мощами. Сделана она из серебра. Длина примерно 2 метра, ширина около 90 см. Серебра в ней 10 пудов, 8 фунтов, т. е. 160 килограммов. Украшена золотом и драгоценностями, а стоила рака в ценах 1846 года 1457 рублей. Когда пермскому архиепископу Аркадию доложили, что фактическая стоимость раки превышает сметную, он на докладе наложил резолюцию: «Для святых мощей никакое благолепие не мешает», — и приказал сделать доплату.

В 1904 году рака была обновлена, к ней прибавили еще украшений, дорогих камней, и великолепие раки способно было потрясти воображение любого человека, тем более бедного, живущего на медные деньги...

Тихим ходом идет реставрация в Николаевском монастыре. Не хватает средств, материалов, квалифицированной рабочей силы. За три года удалось восстановить надвратную церковь да иконную лавку при ней, удалось кое-что сделать в Преображенском соборе и почти ничего — в Кресто-Воздвиженском храме-великане, разве что повесить колокола — современного, но достаточно добротного литья. Дай Бог, чтобы колокольный звон — символ памяти — разбудил наше, заваленное житейским суетным хламом сознание, помог бы прежде всего принести на алтарь Отечества слова покаяния от очищающегося сердца.

Автор с большой радостью дарит гонорар, положенный за очерк, на восстановление многострадального Николаевского монастыря и просит перечислить деньги на счет № 701802 в Верхотурском отделении Агропромбанка.

ДИНАСТИЯ ДЕМИДОВЫХ

Николай
МЕЗЕНИН

Владелец тагильских заводов

Рисунок
Алексея Лебедева

ЛЮБИМЫЙ СЫН. После смерти первой жены Акинфия Никитич, выждав положенный срок, женился в Туле на Ефимии Ивановне Пальцевой. Когда летом 1724 года вез ее в Невьянск, она была на сносях и прямо на берегу реки Чусовой родила ему сына Никиту. Это произошло у камня Писаного. В нем и сейчас существует небольшая пещера. Правее и выше ее на стене высечен крест с текстом: «Против сего креста на другой стороне реки, на лугу, поставлен каменный крест с надписью: 1724 года сентября 8 дня на сем месте родился у статского действительного созетника Акинфия Никитича Демидова, что тогда был дворянином, сын Никита, статский советник и кавалер святого Станислава,— поставлен тот крест по желанию его 1779 года мая 31 числа».

Продолжение. Начало в № 7—8, 11, 12, 1991, № 1, 1992.

ДИНАСТИЯ ДЕМИДОВЫХ

Третий сын Акинфия Демидова — Никита (1724—1789), к которому было особенно расположено родительское сердце и которого отец прочил в единственные наследники своего колоссального состояния, хотя и уступал отцу в талантах стяжателя, но все же оказался предприимчивым дельцом. Ему досталось шесть заводов: Нижнетагильский вместе с Черноисточинским, Выйский, Висимо-Шайтанский и два Лайских. Эта часть наследства включала наиболее мощные и прибыльные предприятия.

Как только в 1758 году Никита Акинфиевич вступил в наследство, он тотчас же подает ходатайство о постройке нового завода на речке Сулемке. Однако эти планы встретили сильное противодействие с двух сторон. Баронесса М. А. Строганова уверяла Берг-коллегию, что речка Сулемка и место, облюбованное под завод Демидовым, находятся на ее дачах. С доношением такого же содержания обратился и барон Н. Г. Строганов. Предстояла длительная тяжба, которая не устраивала Демидова, и он повелел отыскать другое место. Поиски увенчались успехом, и молодой наследник просит разрешения построить молотовые фабрики и плотину для них на реке Салда.

Прокопий Акинфиевич, человек неуживчивый и не питавший родственных чувств к брату, пытался помешать строительству, заявляя, что новый завод будет удален от Невьянского всего на 30 верст. Но это не помогло. В 1760 году возник Нижнесалдинский завод, через 15 лет — Верхнесалдинский. А в 1771 году построили еще Висимо-Уткинский завод. Никита Акинфиевич стал владельцем девяти предприятий. О процветании его хозяйства можно судить по росту выплавки чугуна. Если в 1766 году она составляла 392 тыс. пудов, то к концу столетия достигла 734 тыс.

НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ ЗАВОД. После раздела владений Нижнетагильский завод становится центром, стягивающим все нити управления сложным хозяйством большей группы предприятий, впоследствии составивших Нижнетагильский горный округ. Это отразилось во внешнем облике демидовских владений. Построены господский дом и деревянная церковь. А известный путешественник П. С. Паллас, посетивший Нижний Тагил в начале 1770-х годов, дает описание уже целого комплекса «господских» и административных зданий. Центром его был каменный двухэтажный «расчетный» дом, в котором помещались «приказная», «судная» и «казенная» избы и погреб для хранения денег. Деревянную церковь заменил каменный, богато отделанный собор.

Никита Акинфиевич охотно привлекал на заводы специалистов. Сам следил за техническими новинками и применял их в заводском деле. Нижнетагильский завод в 1770 году, по свидетельству П. Палласа, находился в цветущем состоянии и был «меж частными сибирскими заводами совершеннее, важнее и прибыльнее железом».

Менялся и стиль управления уральскими владениями. Никита Акинфиевич проявлял не меньшую суровость, чем первые владельцы. Управлял заводами из Москвы, иногда письмами из-за границы, но без тревоги и шума. К нему регулярно поступали донесения и отчеты из контор, приезжали с докладами караванные служители, сопровождавшие барки с железом. Он был в курсе всех заводских дел и коммерческих операций.

УЧИЛИЩЕ В ТАГИЛЕ. Еще Акинфий Никитич в 1740 году основал на базе Невьянской школы арифметическое училище. Через 18 лет школу перевели в Нижний Тагил и объединили с местным училищем. 30—40 крепостных мальчиков служительского штата в возрасте от 8 до 14 лет учились чтению и письму, арифметике, геометрии, черчению, проектному искусству, практическим основам горнозаводского дела, а некоторые и иностранным языкам. Их учили крепостные и вольные учителя.

Никита Акинфиевич, заинтересованный в умелых и грамотных кадрах, в 1765 году открывает отделение для подготовки служителей Нижнетагильского завода. Обуча-

лись здесь и дети с заводов, принадлежащих родственникам Никиты.

В 1768 году он приказал Нижнетагильской конторе принять трех мальчиков с Суксунского завода — по просьбе его племянника А. Г. Демидова. Потом последовало подобное же повеление в ответ на просьбу Никиты Никитича, 6 мальчиков прислали в школу Александр и Петр Григорьевич Демидовы.

Расходы на содержание училища были невелики. При его открытии Н. А. Демидов выделил всего 500 руб., а затем сумма сократилась до 300 руб. Число учеников менялось. В 1770 году училось 20 мальчиков. Еще около десятка вместе с учителем школы Гавриилом Евтифьевым практически овладевали заводским делом под руководством иностранного специалиста Осипа Шталмеера, резника по дереву и изобретателя.

Выпускники школы А. Дементьев, Е. Мельников, Ф. Сибиряков, Ф. Арефьев, З. Распопов хорошо поработали на Демидовых и на пользу всего горнозаводского дела. Им были знакомы книги Ломоносова, Палласа и других ученых, они осваивали и применяли на заводах русский и иностранный передовой опыт.

А вообще в демидовских вотчинах дети горнорабочих несли не только школьные, а барские «уроки»: Гмелин и Паллас видели на горе Высокой сотни детей, которые таскали руду, складывали ее в кучи.

БЫТ ГОРНОЗАВОДЧИКА. К концу XVIII века входит в иные берега. Заводовладельцам уже не надо колесить из Тулы и Москвы на Урал и обратно, не надо рыскать по уральским лесам, хватая непокорных крестьян, понукать и бранить приказчиков и управителей, руководя каждым их шагом, как это делали первые Демидовы. Теперь дела поручались управителям, а те в почтительных выражениях предлагали и готовили каждое решение хозяина.

Никита Акинфиевич большую часть жизни провел в своем московском доме на Мясницкой улице «в девятой команде Немецкой слободы». Кроме того, были у него и дома в Петербурге, Екатеринбурге, Перми, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Твери, приморская дача под Петергофом и особняк в имении Лашево Казанской губернии. Словом, жил большим барин. Во множестве покупал картины и статуи, дорогую мебель, редкие растения. Приказчик отправляет ему из Петербурга заказанный у ювелира бриллиантовый перстень, посылает иностранные вина, фрукты, устриц, голландских сельдей. На иностранных кораблях привозят ему арапку и всяких заморских птиц. Комиссионер по доставке редкостей, голландец Фондершаф пишет ему из Амстердама, что может купить молодого попугая, которого легко выучить говорить порусски, и еще посылает двух птиц, купленных за 119 гульденов.

Из Петербурга Никита Акинфиевич регулярно получает книжные новинки. Библиотека у него отменная. Большую часть книг, выписанных из Петербурга, составляла русская и переводная беллетристика, а также сочинения М. В. Ломоносова, В. А. Левшина, Я. Б. Княжнина, В. К. Тредиаковского, многие журналы того времени. Хозяин многочисленных заводов и деревень хотел быть в курсе новейших правительственных законоположений, а потому регулярно приобрел все издаваемые Сенатом указы, манифесты и распоряжения. Внешнеторговые операции демидовской «фирмы» со странами Востока и Запада побуждали владельца к знакомству с историей и современным состоянием экономики зарубежных государств.

Никита был наиболее «просвещенным» из трех сыновей Акинфия Демидова. Он переписывался с Вольтером, покровительствовал ученым и художникам, жертвовал деньги на университет и Академию художеств. В 1771 году на его средства была учреждена золотая медаль «За успехи в механике».

Взгляды Н. А. Демидова не отличались особой оригинальностью. Умный и скептический крепостник принадле-

жал к умеренным русским вольтерьянцам. Признавая утилитарную ценность энциклопедистов и Вольтера, он предпочитал тем не менее оградить чернь от влияния их идей.

Ценной находкой в наши дни оказались 28 книг с читательскими пометами Н. А. Демидова. Они дают редкую возможность «услышать голос» одного из потомков известной династии. Эти отзывы по-демидовски откровенны. Он иронически отзывается о религиозно-назидательных сочинениях, чтение которых нагоняло на него скуку.

Совсем иное впечатление оставил русский перевод книги Г. Ф. Койе «Торгующее дворянство». Каждое ее слово находило отклик в сердце уральского заводчика. На чистом листе в конце книги он записал: «Сия книшка, как по русской посылке, невелика птвичька, да весьма коготок востер. Так разумеет мысль из собрания издателя, острозримого желателя, не только землекам своим надевая очки, но подает полезную притчину и ко всеобщему Европе благу. По участию же сего важного доказательства трудившемуся в переводе ясной краткости в языке российском спасибями, апладесементами прокричать можно и не грех».

Заполняя последние листы прочитанных книг размашистым почерком, заводчик явно рассчитывал на то, что его отзывы станут предметом удивления и восхищения будущих поколений рода. Но те предпочли отдать книги школярам Выйского училища. Лишь теперь исследователи радуются находкам. Уже выявлено около 80 книг с пометами Н. А. Демидова.

ПУТЕШЕСТВИЯ. Подобно Прокопию, Никита много путешествовал по европейским странам, но вел себя за границей несколько по-иному, чем брат. Наряду с развлечением он интересовался постановкой горного дела.

В 1771—1773 годах Никита Акинфиевич объехал Германию, Голландию, Францию, Италию, посетил Швейцарию и Англию. Эти поездки частично были связаны с лечением жены. Вояж описан в книге, изданной в 1776 году под названием «Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова... по иностранным государствам». Это обычное описание странствий по Европе веселящегося и богатого русского туриста. Однако в записках проглядывает и интерес путешественника к заводским делам.

Он посещал заводские мастерские, внимательно осматривал и составлял описание. В Голландии Никита Акинфиевич любовался картинами Рубенса, но и одновременно ездил по фабрикам. В Париже посещал ювелирные лавки, студии художников и тоже осматривал заводы. Характеристика их, включенная в «Журнал», являет едва ли не самое раннее описание на русском языке крупных предприятий периода промышленного подъема.

Близ Бирмингема он посещает знаменитое предприятие Болтона, который вскоре вместе с Уаттом станет первым производителем паровых машин. В Саксонии, центре европейской горной промышленности, Никита Акинфиевич и его спутники посетили серебряные рудники, спустились в шахты.

Демидов представлялся папе римскому, был у медических светил, осматривал дворцы, картинные галереи и соборы. Французский художник Рослен писал портреты его и жены.

В Италии его сопровождал знаменитый скульптор Федот Шубин, земляк и друг Ломоносова. Два мраморных бюста работы Ф. И. Шубина имеют художественную ценность: это парные портреты Никиты Акинфиевича и его жены Александры Евтихievны. Особенно удачен портрет самого Демидова: грубоватое лицо, большой лоб, умный пронизывающий взгляд, чуть заметная ироническая усмешка в углах губ и суровая складка меж бровей говорят об особенностях натуры Никиты Акинфиевича, екатерининского вельможи, привыкшего к беспрекословному повиновению окружающих. Обе работы были приобретены Третьяковской галереей на флорентийском аукционе 1969 года и вернулись на родину после долгого пребывания в Италии и Англии.

ФИНАНСОВЫЕ ДЕЛА. Путешествие Н. А. Демидова отразилось в его переписке с московской и петербургской конторами. Приказчики шлют хозяину донесения о ходе работ на заводах, движении караванов с железом, выполнении контрактов. Благополучные письма чередуются с сообщениями о денежных затруднениях. Эти сведения представляют интерес для характеристики материального положения Демидовых вообще.

В октябре 1772 года московская контора сообщила Демидову, что главный покупатель — английский купец Ригель — отказался платить за железо с момента отъезда хозяина за границу, «а хотя на нужные по заводским весялям платежи и давал, и то всегда с оговорками, что он дал вашему благородию кредит».

Дело заключалось в непомерных тратах Демидова за границей. Они производились на средства, полученные через банк от купцов Ригеля и Аткинса, покупателей демидовского железа, кредитовавших заграничное путешествие заводчика. За два с лишним года пребывания в Европе Демидов истратил огромную сумму — 75 тыс. руб. Ригель в связи с этим прекратил уплату денег за железо. Пришлось выходить из затруднения за счет крупных займов. Петербургский приказчик занял у заводчика Турчанинова 20 тыс. руб. Московская контора получила 60 тыс. руб. от заводчика Походяшина и еще 50 тыс. от двоюродного брата Никиты — Евдокима Никитича. Эти займы держались в строжайшем секрете.

ИТОГИ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ. Автор известных воспоминаний А. Т. Болотов видел в московском демидовском доме богатое собрание картин и любовался американскими птичками колибри. А о владельце этих редкостей мемуарист пишет, что в знаменитом богаче «сквозь золото» была видна грубая «подлая природа».

У другого современника, надо полагать, сложилось иное мнение о Демидове. Купец Г. И. Шелихов, приехавший в 1781 году в Петербург хлопотать о Североамериканской компании, познакомился с потомком петровского кузнеца и нашел поддержку в обеспечении его компании металлом. С великим трудом в Охотск было доставлено уральское железо. На самом большом острове Аляски — Кадьяке — установили небольшие пушки, отлитые на уральских заводах.

Никита Акинфиевич Демидов наиболее ярко воплотил в себе характерные черты зародившейся русской промышленной буржуазии. Он был последним из демидовской династии, кто сам управлял и доглядывал за своими заводами. Получив после смерти отца незначительную, по сравнению с долей старших братьев, часть наследства, он за короткое время приумножил свое богатство. Ежегодный доход владельца восьми горных заводов и 11 000 крепостных душ составлял к концу его жизни колоссальную по тем временам сумму — 250 000 руб.

Каковы же итоги деятельности поколения Демидовых, ведущего свое начало от комиссара Никиты и его старшего сына Акинфия? При Акинфии Никитиче хозяйство этой ветви достигло зенита. К концу XVIII века его размеры значительно сократились, несмотря на то, что потомки Акинфия Никитича ввели в строй семь заводов. Они в то же время лишились по разным причинам 12 предприятий. В итоге за этой линией Демидовых, представленной тремя заводладельцами — Н. А. Демидовым, А. Г. Демидовым и П. Г. Демидовым — числится 19 заводов вместо 25 при Акинфии Никитиче. Из всех перечисленных наиболее жизнестойкими оказались предприятия наследников Никиты Никитича.

Нижнетагильская же группа заводов Н. А. Демидова превалировала в это время по размерам производства все заводы, принадлежащие в середине XVIII века Акинфию Демидову, родителю. Успеху способствовал новый подъем железодельного производства в России из-за повышенного экспорта металла в Англию. Только у Демидовых производство чугуна за полвека выросло почти в пять раз.

Читатель отвечает

Судьба артиллериста

Читатель Е. Богатырев спрашивает («Уральский следопыт», 1991, № 1), не помогут ли краеведы найти какие-либо сведения об артиллеристе и писателе Бессонове, героическом участнике многих боевых операций в годы Великой Отечественной войны.

На заметку-вопрос читателя ответил уральский краевед Аркадий КОРОВИН.

В 1935 году, открыв четвертый номер «Уральского следопыта» (этот журнал — преемник «Всемирного следопыта» — выходил в Свердловске только год под редакцией В. А. Попова (Штарка), я, тогда мальчишка, обнаружил увлекательный рассказ Юрия Бессонова «Цветок папоротника». К публикации была приложена фотография автора с орденом Красного Знамени на груди. В короткой заметке сказано, что Бессонов — один из инициаторов издания журнала «Уральский следопыт». О судьбе Юрия Николаевича Бессонова я узнал много позднее.

Он родился в 1900 году в Иркутске. Его дедом по матери был Б. П. Шостакович, дед известного советского композитора Д. Д. Шостаковича. Бессонов и Шостакович — сродные братья.

Деда сослали в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года, и некоторое время он жил в Екатеринбурге. После того, как в 1904 году отец Ю. Бессонова — военврач в Иркутске — ушел на фронт русско-японской войны, а мать умерла, Юрий и поселился у деда.

В шестнадцать лет он уже на германской войне. За личную отвагу был удостоен пашки с Георгиевским крестом. В 1917-м вместе с полком перешел на сторону Советской власти. В некрологе сказано:

«Чита, Волочаевка, Спасск в годы гражданской войны стали первыми этапами его биографии солдата и советского человека». 10 лет он прослужил в Красной Армии, дошел до командира артполка.

По состоянию здоровья Бессонова демобилизуют. Он пробует свои силы в литературе, налаживает связь с журналами «Вокруг света», «Борьба миров», «Красная новь». Знакомится с редактором «Всемирного следопыта» В. А. Поповым. Первый его рассказ «Крик на сопке» — об одном из боевых эпизодов под Волочаевкой. А потом, как из рога изобилия, появляются «Странный спутник», «Злое солнце», «Обманчивая земля» и другие. Сам Юрий Николаевич считал, что только с рассказа «Контора в новом городе», напечатанном в журнале «Красная новь», в нем открылся писатель.

Оказавшись в 1932 году в Свердловске, Бессонов знакомится с П. П. Бажовым, в ту пору еще журналистом. Бажов советует ему на годик осесть среди визовских рабочих. Бессонов так и сделал. Оформился рабочим ВИЗа и стал записывать рассказы рабочих. Так появилась книга «На фронте и в тылу» — о рабочих-визовцах в гражданской войне. Она была издана в Свердловске в серии «История фабрик и заводов».

В 1937 году Ю. Н. Бессонов был арестован, и только в 1942-м его по личной просьбе отправляют из ГУЛАГа на фронт рядовым минометчиком. Но он сразу выделяется храбростью, смекалкой, военной подготовкой. Бессонову возвращают офицерское звание.

После ранения — госпиталь. И вновь фронт — уже Второй Украинский, где он принимает участие в разработке плана арта наступления на Днепре. Действительно, как пишет Е. Богатырев, дивизия понесла тогда самые малые потери. Бессонова официально утвердили работником штаба артиллерии 52-й армии. За разработку оперативного плана на Корсунь-Шевченковском участке Бессонову вручен орден Красной Звезды. Впоследствии его награждают орденом Отечественной войны, несколькими медалями.

Узнав, что Ю. Н. Бессонов на фронте, Павел Петрович Бажов посылает ему свою «Малахитовую шкатулку», которую артиллерист в спокойные минуты между боями читает бойцам. Вполне возможно, что в архивах писателей сохранилась их переписка.

Семь лет после демобилизации он посвятил работе над историческим романом «Восстание» — о разгроме Колчака на Урале и в Сибири. Заканчивал роман уже прикован-

ным к постели. Умер Бессонов 9 июня 1958 года — с пером в руках и недописанной строкой.

Находка в центре Афин

Вопрос-заметка с таким заголовком вызвала несколько читательских писем. Предлагаем ответ тагильчанина, инженера-металлурга и краеведа Тигрия Васильевича ДЬЯЧКОВА.

Елим Павлович Демидов — последний владелец Нижнетагильских заводов — был старшим сыном П. П. Демидова от его первой жены Марии Елимовны Мещерской, дочери Е. П. Мещерского, известного дипломата, поэта, переводчика.

Елим Павлович был женат на графине Софье Илларионовне Воронцовой-Дашковой, фрейлине императорского двора, дочери наместника на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова.

Демидов окончил Петербургский университет, был посланником в Греции — егермейстер, действительный статский советник, занимался благотворительностью: почетный попечитель дома «Анатолия Демидова» и Николаевской детской больницы в Петербурге, а также учебных заведений в Нижнем Тагиле — Авроринского приюта, реального училища, Анатольского женского училища и других.

Революция застала его в Греции. За границей он опубликовал два тома воспоминаний, занимался живописью, редактировал парижскую газету «Русская мысль». Неплохо играл в шахматы, поддерживал материально русских шахматистов, даже участвовал в турнире памяти Чигорина — вместе с Ласкером, Капабланкой.

Известно, что Елим Павлович просил отца своей жены — графа Воронцова-Дашкова, помочь получить титул князя Сан-Дonato, который перешел к его отцу от дяди Анатолия Николаевича и в России не признавался. После отказа графа отношения Демидова с женой испортились, и только через два года они помирились.

Софья Илларионовна была женщина умная и деловая, интересовалась заводами, может быть, даже больше своего мужа. Когда там содалось тяжелое финансовое положение, она заложила все свои драгоценности, чтобы спасти заводы.

В начале империалистической

войны артиллерийское управление министерства в августе 1915 года заключило договор с петербургской конторой Е. П. Демидова на поставку 200 тысяч фугасных бомб на сумму 12,8 млн. руб. В Тагиле были построены мастерские, и уже 1 августа 1916 года выдана первая продукция.

После революции завод был переоборудован для ремонта железнодорожных вагонов, позднее стал оборонным предприятием. Сейчас Высокотгорский механический завод изготавливает стиральные машины.

После Великой Отечественной войны Е. П. Демидов приезжал с миссией генерала де Голля в Советский Союз, хотел посетить Урал, но эта поездка не состоялась.

Младший сын Елима Павловича — Анатолий с сестрой Жозефиной в 1974 году собирался прилететь в Советский Союз и привезти воспоминания отца, но почему-то не приехал.

Елим Павлович умер в 1947 году, похоронен в Афинах.

Ответы на читательский вопрос прислали также А. Я. Вертопрахов, президент историко-геральдического общества из Магнитогорска, и капитан запаса В. Я. Соловьев из Твери.

Читатель дополняет

Родина Камы — Индия?

В этой заметке («Уральский следопыт», 1990, № 12) краевед В. Ромашов высказал версию, что название уральской реки индийского происхождения. (Кстати, исправляем опечатку, допущенную по вине редакции: в предпоследней строке заметки нужно читать «Кама-дава», а не «Кама-два» — как в нашем тексте.) Версию В. Ромашова ставит под сомнение наш читатель, заслуженный учитель РСФСР и Башкирской ССР М. Г. ГУБАЙДУЛЛИН.

Думаю, что ближе к истине другое предположение, которое вытекает из сказанного самим В. Ромашовым: «Археологи настойчиво искали и многое нашли в Прикамье. Оказалось, что река Кама — один из древнейших путей торговли «мягким золотом» — пушниной».

Эти слова наводят на мысль, что имя реки могло произойти от названия очень ценного пушного зверя «кама», что на языке местных народов — башкир и татар — означает «речная выдра». Ведь река протекает и по территории этих республик. У этих народов очень ценятся, например, «кама тун» (выдровая шуба) и «кама бурек» (выдровая шапка), упоминающиеся даже в их песнях.

Давать названия животных рекам, озерам и населенным пунктам было обычным явлением. Лев Успенский в книге «Имя дома твоего» (Л., 1967) приводит семьдесят гидронимов и топонимов от названий животных. Только бегло просмотрев «Словарь топонимов Башкирской АССР» (Уфа, 1980), я обнаружил тридцать семь таких гидронимов. Например, реки: Бакалы (лягушачья), Урдякелга (утиная речка), Бярделе (от «хариус»); озера: Аккош (лебединое), Кандра-куль (бобровое), Сивале (от «стерлядь»), Суртанды (щульце) и др. Интересно, что кроме большой Камы, в республике есть еще две Камы. Они называются Кама-Елга (выдровая река).

Есть и иные версии происхождения названия. М. С. Боднарский («Словарь географических названий», М., 1954) считает, что оно произошло от удмуртского слова «кам» — долгий, длинный. А может быть, удмурты назвали реку по-своему, а башкиры и татары по-своему, вложив в похожие слова разные понятия?

И. Сергеев («Тайны географических названий», М., 1963) пишет, что, по мнению некоторых ученых, слова-названия Ока, Вятка, Кама означают реку или воду. Известно, что Кама некогда называлась и Чулман (этимология слова мне неизвестна). Но так или иначе имя красавицы Камы не индийского, а вероятнее всего местного происхождения.

Неизвестный автограф Горького

В статье под таким названием В. Киени и С. Михалёва («Уральский следопыт», 1990, № 7) допущена неточность: фамилия брата жены священника не Косов, а Кокосов. Об этом нам сообщила москвичка Ольга КРЮКОВА.

Иван Иванович Кокосов — сын священника Ивана Яковлевича Кокосова, все дети которого обучались в духовных учебных заведениях, но священниками не стали. Иван Иванович работал в почтовом ведомстве Уфы. В 1901 году вступил в РСДРП. В Екатеринбурге некоторое время заведовал подпольной типографией. Принимал участие в установлении Советской власти в Сибири. Был комиссаром труда при Сибревкоме. В 1928 году отозван в Москву и назначен членом коллегии Наркомтруда СССР. После ликвидации комиссариата труда заведовал московским Промстройпроектом. Умер в 1948 году в Москве.

Его сестра, Валентина Ивановна Ладыжникова, умерла в 1944 году, так и не дождавшись реабилитации мужа.

Семьи Ладыжниковых и Кокосовых были близки. Псаломщик Павел Петрович Ладыжников (отец П. П. и И. П. Ладыжниковых) прослужил в селе Песковском вместе с И. Я. Кокосовым 30 лет. Дед П. П. и И. П. Ладыжниковых — П. Н. Ладыжников обучал «начаткам письменного искусства» Владимира Яковлевича Кокосова (1845—1911), брата И. Я. Кокосова. В. Я. Кокосов — военный врач, писатель-демократ, автор «Рассказов о Карийской каторге», очерков и медицинских статей.

Внук Петра Павловича Ладыжникова, Евгений Вениаминович Ястребов — участник Великой Отечественной войны, кандидат географических наук. Он — постоянный автор «Уральского следопыта».

В семье Кокосовых бережно хра-

нится рукопись А. И. Кокосова «История одного рода», охватывающая жизнь четырех поколений.

Читатель спрашивает

Таинственные буквы

Монисто — давний элемент национального костюма народов Поволжья, Средней Азии, Кавказа. В монисто использовали разного рода монеты, а также старые боевые медали. Например, недавно в моей коллекции оказался рубль первых лет правления императрицы Екатерины II — 1767 года, снятый со старого монисто.

У большинства монет любого достоинства пробивалось отверстие для подвески. Реже встречаются монеты, у которых для крепления было аккуратно припаяно серебряное ушко, т. е., вероятно, монисто делалось на заказ в специальной мастерской.

Изделия эти в зависимости от количества и достоинства монет были обиходными и дорогими, передававшимися в семьях по наследству. Монеты иногда терялись, и их заменяли новыми. Поэтому на старых монисто можно встретить монеты, чеканенные на протяжении многих десятков, а то и сотен лет.

В конце XIX — начале XX века ряд частных медальерных мастерских Петербурга и Москвы выпустил специальные монетовидные украшения. На одной их стороне изображен упрощенный государственный герб, а на другой — женский профиль с надписью: «ornemens des femmes». Реже встречается тип украшения, изготовленный в чисто восточном стиле и украшенный арабской вязью. Один из элементов такого монисто мне ранее встречать не приходилось. Это овал, изготовленный из белого металла размером 13×14 мм с пробитым отверстием для подвески и четырьмя рядами отчеканенных букв: ШОСК ИЮШК УЖАР ОШУ. На оборотной стороне изображения нет. Буквы «К» затерты и просматриваются нечетко.

Что означают буквы на овале со старого монисто?

В. СОЛОВЬЕВ, г. Екатеринбург

ловске, Кургане, Тюмени, Тобольске, Омске, Семипалатинске, Усть-Каме-ногорске, Зайсане, обогнули все озеро Зайсан, дошли до устья реки Черный Иртыш.

Посетили краеведческие музеи этих городов. Узнали много интересного о первооткрывателях Сибири. На основе этих исследований попытались сформулировать новую, третью версию о гибели Ермака.

Рассчитываем на помощь читателей «Уральского следопыта», краеведов, историков и просим, если возможно, передать нам в качестве будущих экспонатов музея книги, картины и репродукции, документы или иные материалы, касающиеся походов Ермака в Сибирь, истории освоения прииртышского края.

г. Сыктывкар
Коми АССР,
Центр путешественников
«Биармия»,
В. КОРОЛЕВ,
руководитель экспедиции:

По стране Биармии

С июня по август 1990 года в бассейне северных рек Эжвы и Печоры продолжалась наша краеведческая экспедиция «По следам Василия Латкина». Пройдено 5000 километров по обширным просторам древней страны Биармии.

В ходе экспедиции исследовали жизнь и деятельность выдающегося общественного деятеля коми народа, географа, путешественника и мореплавателя Василия Николаевича Латкина. Изучали древние волокнистые торговые пути от Эжвы к Печоре и Оби. Собрали ценную экологическую информацию. Разработали и отрекогносцировали маршруты путешествий по стране Биармии для юных краеведов и школьников.

г. Ермак
Павлодарской области
Казахской ССР,
историко-географический
клуб «Одиссей»:

Третья версия

Члены клуба «Одиссей» участвуют в создании историко-художественного музея Ермака.

Для поиска документов и других исторических материалов организовали и провели большую экспедицию по местам последнего похода Ермака в верховья Иртыша. На мотоциклах и на байдарках прошли более 7000 километров, побывали в Целинограде, Кокчетаве, Петропав-

г. Первоуральск
Свердловской области,
экспедиционный отряд
клуба юных зоологов
при Доме пионеров:

О чем поют птицы

Минувшим летом ребята нашего экспедиционного отряда провели восемь дней в экологическом лагере близ города Сысерти, участвовали в нескольких походах по живописной долине реки Серга. В лагере и в походах познакомились с флорой и фауной этих районов Среднего Урала, наблюдали за птицами, насекомыми, другими обитателями лесов, их поведением и образом жизни.

В древней народной сказке говорится о человеке, который понимал язык птиц. То же можно сказать о наших орнитологах Жене Шевцовой, Саше Голубенко и их друзьях. Они могут не только назвать вид птицы по ее песне и позывкам — коротким сигналам, но и объяснить, что они означают: сигнал тревоги, сообщение о занятом участке, угрозу и многое другое. Эти ребята — члены Уральского отделения Всесоюзного орнитологического общества.

Есть в нашем отряде следопыты, такие, как Андрей Хлызов, и энтомологи, изучающие мир насекомых Урала.

Наблюдаем мы и за результатами воздействия человека на природу, участвуем в мероприятиях по ее охране.

г. Екатеринбург, юношеские геологоразведочные партии средних школ № 53 и 141 при объединении «Уралгеология»:

Искатели камней

В поисках минералов и других полезных ископаемых юные геологи наших двух школ обошли почти весь Урал.

Летом 1990 года мы участвовали в полевых работах геологоразведочных партий на Среднем Урале. На реках Северке и Чусовой, озере Большое Щучье брали пробы донных отложений и после их промывки получали так называемые шлихи — тяжелые осадки, геохимический анализ которых показывал в конечном итоге, где же находится коренное месторождение полезного ископаемого.

У поселка Черноисточинский в районе Нижнего Тагила брали пробы горных пород, чтобы по ним искать залежи горного хрусталя. Около города Реж нас интересовала агатовая жила. У поселка Мраморское по заданию объединения «Уралмрамор» документировали залежи мрамора, зарисовывали горизонты и оценивали качество породы.

В окрестностях села Малое Сельничково возле старых штолен отыскали глыбу родонита для художественно-ювелирных поделок.

В походах и экспедициях пополняли свои минералогические коллекции изумрудами, ametистами, горным хрусталем, халцедонами, турмалинами и многими другими камнями.

На Западном Урале побывали в карстовых пещерах у Чусового, были на Южном Урале, на Кольском полуострове и у Кандалакши, на Соловецких островах Белого моря и в Малых Карелах под Архангельском.

г. Сарапул Удмуртской АССР, красные следопыты городского Дома пионеров:

Улица Быкова

В музее Дома пионеров хранятся документы о подвиге нашего земляка, сарапульца, ефрейтора Владимира Сергеевича Быкова, который

погиб в бою с фашистами, защищая украинское село Дреники в Житомирской области. Вот что узнали мы об этом от ветеранов города.

В 1944 году наши войска вели успешное наступление на Украине. Очистив Дреники от фашистов, готовились к отражению возможных контратак. Недалеко от села заняли огневые позиции орудия. Наводчиком одного из них был Владимир Быков.

Во время затишья Быков и его товарищи познакомились с хозяином одной из хат, который угостил их горячей картошкой.

А вскоре разгорелся жестокий бой. Около 30 фашистских танков двинулись на село. Батарея открыла огонь. Владимир Быков из своего орудия спалил три фашистских танка. Бойцы отстояли село, но осколком снаряда был убит ефрейтор Быков.

Его похоронили у села. А. А. Гусев, командир Быкова, тогда же сообщил об этом в Сарапул жене героя, Анне Михайловне.

Прошли годы. Жители Дреников не забыли о подвиге Владимира Быкова и его товарищев. Они разыскали Анну Михайловну, пригласили в село, показали могилу мужа. Встретилась она и с тем человеком, у которого гостил Владимир.

Там, где стояли орудия Быкова, теперь улица. Ее и назвали улицей Быкова. Так в украинском селе увековечили память о подвиге русского парня из далекого Прикамья.

**«СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
ЖДЕТ ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ И ЮНЫХ
СЛЕДОПЫТОВ НОВЫХ ИНТЕРЕСНЫХ
СООБЩЕНИЙ.**

Раздел ведет
Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ.

В № 10 «Уральского следопыта» за 1991 год в календаре, где отмечены народные праздники, допущена ошибка. Радоница (родительский день) всегда бывает не перед Пасхой, а после Пасхи, во второй после нее вторник. То есть в 1992 году Радоница будет 5 мая.

Кроме указанных праздников следовало бы упомянуть:

Вербное воскресенье — 19 апреля;

«Семик» (седьмой четверг после Пасхи) — 11 июня;

Троица — 14 июня;

Духов день — 15 июня.

ДЕКАБРИСТ — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ВОДОМЕТА

Израиль
БЫХОВСКИЙ

Осужденный за участие в вооруженном восстании 14 декабря 1825 года лейтенант Михаил Александрович Бестужев был прогрессивным деятелем отечественного флота и замечательным изобретателем. Среди изобретений Бестужева — судовой движитель нового типа — гидрореактивный или, по современной терминологии, водометный.

Мысль эта зародилась у него в 1826 году, когда он вместе с Торсоном, тоже декабристом, находился в Чите и начал отбывать пожизненную каторгу. Лейтенант Торсон был озабочен тем, что первые паровые колесные пароходы того времени не могли конкурировать с парусными кораблями. Гребные колеса не обеспечивали судам нужных мореходных качеств, а главное, были слишком уязвимы под огнем вражеской артиллерии. Вот Торсон и обратился к другу с просьбой поискать способ надежной защиты гребных колес. А Бестужев заявил ему: «Что это изобретатели привязались к одной идее колес, как будто механика не может выдумать ничего лучше. Почему не выдумать другой двигатель, который бы мог быть скрыт в подводной части корабля и, таким образом, естественно, будет предохранен от действия ядер?»

И вскоре он разработал проект гидравлического движителя. В условиях каторги он конечно не мог этот проект осуществить, но мысль о претворении идеи в жизнь не оставлял. Спустя тридцать лет в письме к вице-адмиралу М. Ф. Рейнеке от 4 февраля 1857 года он подробно описал конструкцию изобретенного им гидрореактивного движителя. К письму приложил схематический чертеж.

Надо отметить, что разрабатывая идею гидравлического движителя, Михаил Бестужев осознавал возможность его использования и в качестве рулевого устройства.

Современные конструкторы стали вновь возвращаться к водометным судам. Значит, время вспомнить и декабриста Бестужева, который мечтая о преобразовании современного общества, одновременно задумывался и над идеями, способствующими техническому прогрессу.

г. С.-Петербург

Книга и рынок

Беседа с президентом АСКИ М. В. Шишигиным

Постоянные подписчики «Уральского следопыта» наверняка уже обратили внимание на то, что с января прошлого года среди учредителей нашего журнала значится Ассоциация советских книгоиздателей (АСКИ). Президент ассоциации М. В. Шишигин введен в состав редколлегии журнала «Уральский следопыт». Что скрывается за этой несколько загадочной аббревиатурой — об этом и пойдет речь в публикуемой беседе.

Первый вопрос, естественно, напрашивается сам собой: что представляет собой Ассоциация книгоиздателей, каковы ее цели и задачи?

— Прежде всего отмечу, что Ассоциация является независимой профессиональной общественной организацией. Главную задачу мы видим в том, чтобы представлять и защищать интерес издателей в законодательных и исполнительных государственных органах, создавать благоприятный климат в творческих коллективах. Все это во имя конечной цели — как можно больше хороших и разных книг для советского читателя.

А возможности для этого есть. Ассоциация объединяет 140 издательств и организаций, выпускающих более семидесяти процентов всей книжной продукции в стране. Среди них такие известные не только у нас, но и за рубежом крупнейшие фирмы, как «Художественная литература», «Прогресс», «Радуга», «Мир», «Просвещение», «Книга», «Детская литература», «Молодая гвардия», «Наука», «Советский писатель», Политиздат и другие. Важно подчеркнуть, что в наше творческое объединение вошли издательства союзных, автономных республик, краев и областей (за исключением Прибалтики).

Книга — плод многих усилий. Поэтому Ассоциация активно сотрудничает с творческими союзами писателей, журналистов, художников, с Академией наук СССР, Министерством культуры. Крепим дружеские контакты с родственными организациями — ассоциациями полиграфических объединений и книгораспространителей — от них, как вы понимаете, также зависит очень многое.

— Не кажется ли вам, что если раньше книжный рынок был излишне заорганизован, регламентирован и держал читателя на голодном пайке, то ныне наблюдается другая крайность. Государственные и кооперативные издательства едва ли не поголовно ударились в коммерцию, в погону за прибылью, потеряны ориентиры, критерии. Создается впечатление, что книжный корабль остался без лоцмана, без штурмана и даже без капитана.

— Полагаю, что слово коммерция вы употребили без уничижительного оттенка. Коммерция сама по себе не может быть ни доброй, ни злой силой, это нормальное явление, сугубо деловое понятие в мире рынка, в который мы все с таким трудом входим. Но я понимаю причину вашей тревоги и разделяю ее.

Кто выигрывает в сегодняшней ситуации? Детектив, фантастика — жанры, которые прежде были «в загоне», литература, назовем ее так, русского зарубежья. На книжном рынке широкий выбор прежде почти недоступной нам религиозной литературы, медицинской, включая сюда как практические советы по охране здоровья, так и эротические издания; всевозможные пособия по садоводству, домоводству и т. д. и т. п. Есть, разумеется, во всем этом свои издержки и весьма принципиального свойства, но то, что прилавки магазинов и киосков стали богаче — это несомненный факт.

А кто оказался в проигрыше? Издательства, выпускающие учебно-педагогическую, детскую, научно-техническую, экспортную литературу, книги на языках народов СССР. Парадокс в том, что все признают государственную важность и необходимость этих изданий, противников нет, но

нет и союзников. Издательства быстро хиреют, свертывают свою деятельность или переключают свои мощности, и без того невеликие, на коммерческие книги.

В чем видит выход наша Ассоциация? Остро необходима программа отечественного книгоиздания, которая включала бы меры государственного протекционизма, правовой и экономической защиты книгоиздания. Выпуск всей этой литературы, о которой я уже упоминал, должен осуществляться на основе гарантийного государственного заказа, обеспеченного бумажными ресурсами и переплетными материалами по регулируемым ценам. Программа включает льготы, вплоть до полного освобождения от налогов издательство, выпускающих детскую, учебную и экспортную литературу, как это, уместно заметить, практикуется в большинстве стран мира. Но любая программа только тогда эффективна, когда она имеет под собой твердую опору, точнее, облечена в форму Закона. Именно поэтому АСКИ привлекла группу практиков издательского дела и юристов для выработки первого в истории нашего государства Закона о книгоиздательском деле в СССР, в основу которого и заложены принципы государственного протекционизма.

После долгих дискуссий проект Закона внесен на рассмотрение Верховного Совета СССР. Это, если угодно, и есть стратегическая цель нашей Ассоциации на ближайший период. Естественно, мы не сидим сложа руки в ожидании принятия Закона и предпринимаем инициативные шаги по формированию цен на бумагу, полиграфические услуги, книжную продукцию и т. д.

Важный аспект нашей деятельности — создание благоприятного климата для коллективов, создающих книгу. Это и компьютеризация редакционно-издательского процесса, — и в перспективе — создание Домов творчества, оздоровительных центров, строительство жилья на кооперативных началах и т. д. Решением правления АСКИ ветеранам отрасли выплачивается надбавка к государственному пенсиям. В социальной политике все большую роль приобретает созданный при Ассоциации фонд развития отечественного книгоиздания имени И. Д. Сытина.

— Марат Васильевич, ныне модно устремлять взоры на Запад. Кто в ожидании сотрудничества, кто помощи, а кто и просто за подачкой... Какой вы видите роль АСКИ, так сказать, в международном аспекте?

— Вопрос очень важный. Книга — достояние всего человечества. Она несет людям свет, добро, разум, она могучий инструмент мира. Мировое сообщество накопило огромный опыт по созданию книг, и нам необходимо как можно активнее приобщиться к этому сокровищу.

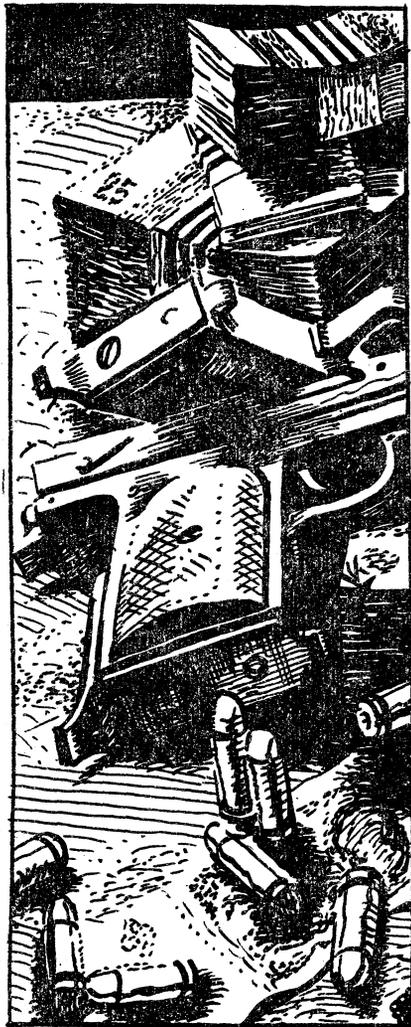
Если откровенно, пока в нашем активе только первые подступы. В прошлом году подписан первый меморандум о сотрудничестве с ассоциацией британских издателей.

Безусловно, всем нам следует более энергично выходить на внешний рынок с советской книгой. Русская в особенности, да и советская литература высоко котируется в мире. А вот по собственно издательским характеристикам (бумага, печать и т. д.) мы сильно проигрываем, оказываемся неконкурентоспособными. И начинать надо с наведения порядка в собственном доме. О проблемах издательского дела я уже говорил. Добавлю в заключение, что в целях поощрения творческого труда и инициативы издательств АСКИ учредила четыре ежегодных премии (по 10 000 рублей каждая) за лучшие книги года. Установлены специальные стипендии для тех студентов Московского и Львовского полиграфических институтов, которые наиболее успешно овладевают профессией.

ФУФЕЛЬ

Анатолий
РОМОВ

Рисунки
Арсения Сергеева

На автобусной остановке все произошло быстро. Настолько быстро, что Миша сначала даже сам не сообразил, как это ему удалось.

Моросил мелкий октябрьский дождь. Шел седьмой час, уже начинало смеркаться. Автобус, идущий на Молдаванку, вот-вот должен был отойти от остановки. Передние двери уже закрывались, так что было ясно: лезть сейчас в автобус, который через мгновение начнет двигаться, бессмысленно. Но именно в этот момент в передние двери попытались протиснуться подбежавшие к остановке мужчины лет тридцати пяти и мальчик лет семи. Ясно, мальчика, которого мужчина сунул в автобус первым, тут же зажали. К этому времени автобус уже двинулся и успел проехать несколько метров. Неудивительно, что сжатый дверями мальчик отчаянно закричал. Крик подхватил мужчина, успевший на бегу воткнуть в образовавшуюся между двумя створками щель свой портфель. Автобус тут же тормознул, передние двери открылись, и под общие облегченные возгласы мужчина подхватил мальчика.

Миша, в этот момент оказавшийся рядом с передней дверью, автоматически взял освободившийся таким образом портфель.

Постояв несколько мгновений, он вдруг понял: то, что у него сейчас в руках чужой портфель, никто не видит. Осознав это, оглянулся. Рядом поблескивал обсаженный высокими акациями типовой застекленный павильончик для автобусных остановок. Базар у остановки продолжался, и Миша чуть отступил. Теперь все стояли к нему спиной. Еще не понимая, зачем он это делает, Миша почти инстинктивным движением забросил портфель на крышу павильончика.

Портфель надежно скрыли ветки росшего над павильончиком дерева. Убедившись в этом, Миша вернулся к передней двери автобуса. Поскольку перебранка водителя с отцом ребенка еще не закончилась, незаметно встал за спиной пострадавшего, ожидая дальнейшего развития событий.

Наконец, высказав водителю все, что он о нем думает, отец ребенка достал платок. Вытер лоб. Сказал, оглянувшись:

— Стоп, братцы. А где мой портфель?

— Какой портфель? — не сразу отозвался кто-то.

— Как какой? — Мужчина оглядел всех, кто стоял на остановке. — У меня же был портфель. Я его еще за-сунул между дверями. Чтобы пацана не зажал. А? Где портфель-то? У меня ж там документы, деньги? А?

— Может, он в автобусе? — сказал кто-то.

— Нет его здесь. — ответил с подножки парень в спортивном костюме. — Его вообще здесь не было, этого портфеля.

— А может, его уже утащили? — предположила стоящая на остановке старушка с зонтиком. — Сколько народу вокруг вертелось.

Еще раз осмотрев всех, кто стоял у павильончика, мужчина крикнул:

— Эй, там, в автобусе! Посмотрите, нет там моего портфеля?

— Какого еще портфеля? — донеслось из салона.

— Моего! Коричневого, с медными пряжками!

— Не было здесь никакого портфеля... — раздались голоса. — Вообще, ехать надо... И так уже сколько стоим...

Мужчина вскочил на подножку:

Продолжение. Начало в № 1, 1992.

— Братцы, товарищи, да вы что! Очень вас всех прошу, помогите, пожалуйста!

— В чем помочь-то? — спросили из глубины.

— Да портфель пропал, он же деться просто никуда не мог! Посмотрите там, в салоне, а? Такой коричневый портфель, кожаный, с медными застежками... Может, он где под сиденьем? Помогите, братцы, я же без этого портфеля из Одессы не уеду... Там паспорта, мой и жены...

В салоне начались поиски, которые, естественно, ни к чему не привели. В конце концов на остановке появился милиционер. Выслушав потерпевшего, милиционер вошел в автобус. Не найдя там ничего, вышел, дав знак водителю двигаться по маршруту. Повернулся к потерпевшему:

— Что у вас там было, говорите?

— Да в общем-то ничего ценного, главное — паспорта... Мой и жены... — Посмотрев вслед уходящему автобусу, мужчина покачал головой: — Ч-черт... может, он действительно кто-то уташил... Я же пацана в это время вынимал. Ничего больше не видел...

Чуть отойдя, Миша присел на скамейку. Подумал: бирки!... Если в портфеле действительно паспорта, ему крупно повезло.. Для того, чтобы спокойно подготовить операцию с «алмазами шаха», ему не хватало именно подставных документов. Главное, на чем он всегда спотыкался, обдумывая детали полета, — были липовые бирки. С ними все сразу становилось на свои места. Наверное, сама судьба подсказала ему вчера не медлить и из-за неизбежного техосмотра поставить «Москвич» на профилактический ремонт.

На скамейке Миша просидел еще с полчаса. Уходить не хотелось, но в конце концов он решил: сидеть здесь глупо. Ведь от его присутствия все равно ничего не изменится. Сейчас нужно уйти и вернуться попозже, ближе к ночи. Когда на остановке уже точно никого не будет.

Миша так и сделал. Он нарочно не спешил и, выполнив все, что было намечено на этот вечер, после десяти заглянул даже по обычаю в «Красный» — поужинать.

К остановке Миша подошел уже глубокой ночью. Около павильончика не было ни души. Все же Миша, зайдя в заросли акации, постоял для верности минуты три. Наконец, убедившись, что все вокруг спокойно, подошел к задней стенке павильончика. Подтянувшись на руках, облегченно вздохнул: портфель лежал на крыше под большой веткой.

Открыв портфель дома, Миша нашел там около семи-десяти рублей, несколько детских игрушек и два паспорта. Один паспорт был выписан на имя Сухих Николая Александровича, второй — на имя Сухих Анны Викторовны. Оба были прописаны в городе Васильевске Приморского края. Внимательно изучив документы, Миша понял: ему повезло вдвойне. Ведь навести справки о людях, живущих где-то на краю Союза, на Дальнем Востоке, довольно трудно. Да и заявления об утере по правилам должны подаваться там, где паспорта прописаны, то есть в Приморье. Значит, и сведения милиции, что утерянные паспорта нужно считать недействительными, будут распространяться там же. И сюда, а тем более в Москву, дойдут не скоро, если вообще дойдут.

Спрятав наконец документы в секретер, Миша подумал: теперь, когда у него есть подставные корочки², ему нужны всего лишь две вещи: надежный напарник и деньги. Фарт в напарники не годится, он понял это после

последней поездки в Москву. Да и, по замыслу Миши, Фарт во время дела должен обязательно сидеть в Одессе, поскольку милиция может довольно легко на него выйти через Ленку. Нет, Фарт не годится. Напарник должен быть совсем другим. Надежным, ни в чем не уступающим ему самому. И, конечно, кроме напарника ему еще нужны деньги. Причем не просто деньги, а деньги более или менее, большие, чтобы спокойно подготовить всю операцию уже к весне.

Вскоре после происшествия с портфелем, зайдя как-то пообедать к родителям, Миша услышал междугородный звонок. Сняв трубку, сразу узнал знакомый скрипучий голос:

— Алло! Кто это? Миша?

— Миша. А это... — Миша помолчал. — Это вы, дядя Володь?

— Я, кто же еще... Ты как, все дуешься на меня?

— Я? — Над ответом Миша думал лишь секунду. — Да нет, дядя Володь, вы что. Почему это я должен на вас дуться?

— Ну, мало ли... Летом я тебе в займе отказал. Помнишь?

Миша все отлично помнил, тем не менее сказал спокойно:

— Дядя Володь, о чем вы. Я давно уже все забыл. Да и ведь ничего и не было.

— Вот и умник. Мы же с тобой в конце концов родственники. Мама дома?

— Дома, сейчас позову.

По доносившимся сюда отдельным репликам матери он вскоре понял: дядя Володя собирается в ближайшие день-два приехать вместе с женой в Одессу. И интересуется — как к этому отнесутся их родственники.

Заверив брата, что ему, как всегда, здесь все будут рады, мать вернулась к столу. Миша же вдруг понял: у него сам по себе начал возникать некий план. Точнее, всего лишь наметки плана.

На море стоял полный штиль, октябрьское солнце светило по-летнему. Миша давно уже лежал на песке в одних плавках. Дядя Володя, сидевший рядом в шезлонге, пока еще не решался снять даже рубашку и брюки. Единственной его уступкой погоде был висевший на спинке шезлонга пиджак.

Наконец солнце стало припекать всерьез. Кажется, теперь сдался и дядя Володя, во всяком случае, посмотрев на Мишу, он изрек:

— Мишаня, а не искупаться ли нам с тобой? А? Жарища какая?

Изучающе посмотрев на него, Миша кивнул:

— Давайте, дядя Володь. По-моему, самое время.

— Вот и я думаю, — встав с шезлонга, дядя стянул брюки и майку. Оставшись в одних трусах, почесал в затылке: — Черт. Я ведь без плавок.

Миша промолчал. Помедлив, дядя Володя посмотрел на него:

— Как думаешь, Миш, удобно будет искупаться в этих трусах?

Миша сел. На этот счет у него были свои соображения. Но, естественно, делиться ими с дядей он не собирался.

— Не знаю, дядя Володь. Вам решать.

— Ладно, пойду сбегу за плавками, а то еще Лера придет. Подождешь?

¹ «Бирка» — документ, паспорт.

² «Корочки» — документы.

— Конечно. — Миша улыбнулся. — Давайте, дядя Володь. День ведь только начинается.

Дядя, утопая в песке, пошел к видневшемуся метрах в двухстах отсюда дачному поселку. Проследив за ним, Миша оглянулся. пляж был пуст, в чем, собственно, он и не сомневался. Этот пляж на четвертом лимане, около их дачи, он знал отлично. Здесь и в разгар сезона довольно безлюдно. А сейчас, в середине октября, в будни, да еще утром никого и быть не должно.

Дождавшись, пока дядя скроется из вида, Миша быстро обыскал карманы висящего на шезлонге пиджака. В наружных ничего не было. Зато, сунув руку во внутренний, он сразу же нащупал толстую связку ключей. Бегло осмотрев связку, достал из лежащей рядом куртки заранее приготовленный восковой брусок. Сделав на нем тщательные двусторонние отпечатки всех ключей, положил связку на прежнее место. Брусок же, бережно обернув в чистый платок, спрятал во внутренний карман куртки.

Дядя показался минут через пятнадцать и не один, а уже вместе с женой. Теперь на нем были модные многоцветные плавки, а на тете Лере — уникальный импортный купальник.

Все втроем они купались и загорали до обеда. Причем гости, конечно, не уставали восхищаться солнечной погодой и теплой водой.

Вечером Миша зашел к знакомому слесарю. Показав ему брусок и дав щедрый задаток, попросил изготовить ключи по два экземпляра на каждый отпечаток.

Когда он зашел к слесарю на следующий день утром, ключи уже были готовы. Спрятав их в карман, Миша отправился в агентство Аэрофлота. Зайдя со служебного входа, попросил вызвать знакомую кассиршу. Кассирша была когда-то Мишиной любовницей и, он знал, все еще рассчитывала на продолжение связи.

Вышедшая вскоре девушка, увидев Мишу, по-свойски улыбнулась:

— Ой, Мишенька, привет. Вот уж не ждала. Как ты?

— Ничего. Любаш, есть дело.

— Ну да. — Любаша кокетливо поджала губы. — Без дела тебя ведь не дождеешься.

— Люба... — Миша покачал головой. — Ты меня расстраиваешь.

— Мишенька, что ты, я пошутила. Что надо?

— Друг попросил взять ему два билета. Устроишь?

— О чем разговор. Куда?

— На завтра, на Москву. Один туда, один обратно. Туда утренним рейсом, обратно вечерним. На вечер не очень поздно, желательнее часов на пять. Можно?

— Конечно.

— Тогда вот... — Миша передал Любе деньги. — И запиши данные.

Люба ушла. Минут через двадцать она вынесла ему два авиационных билета: один на завтрашний девятичасовой рейс Одесса — Москва, другой — на завтрашний вечерний пятичасовой Москва — Одесса. Оба билета были выписаны на имя Сухих Николая Александровича.

Несколько часов после этого Миша просидел дома, осторожно отделяя от паспорта фотографию Сухих и вклеивая свою.

Вечером, встретившись с дядей, Миша предупредил, завтра, по случаю субботы, он хочет устроить ему и жене небольшой праздник. Утром они с дядей на моторке отправятся на лов кефали. Вечером же он приглашает его и тетю Леру в ресторан. Предложение дядя встретил с восторгом, что Мишу несколько не удивило — он отлично

знал, что дядя рыболов-фанатик и за возможность порыбачить готов отдать все.

Уже в пять утра они с дядей отправились на моторке в море. Клевало средне, тем не менее дядя, увлеченный самим процессом, не отрывал глаз от снастей. Миша терпеливо сидел рядом, закидывая спиннинг и изредка поглядывая на часы. Наконец, когда стрелка приблизилась к семи, сказал:

— Дядя Володь, я пас. Больше не могу. Может, закончим?

— Да ты что... С ума сошел... Сейчас самый клев...

— У меня глаза слипаются. Может, отвезете меня? А, дядя Володь?

Посмотрев на Мишу, как на сумасшедшего, дядя с сожалением отложил удочку. Вздохнул:

— Ладно. Раз ты сам себе враг.

У берега, прыгнув прямо в воду, Миша бросил:

— Удачной рыбалки, дядя Володь. Не забудьте, вечером идем в «Красный». Столик уже заказан.

— Ладно, ладно... Счастливо... — Не глядя на Мишу, дядя уже вырливал в открытое море.

Пройдя к даче, Миша переоделся, сел в «Москвич» и через сорок минут был в аэропорту. Оставив «Москвич» на стоянке, прошел в зал регистрации. С собой Миша взял большой дорожный баул, в нем, если не считать нескольких брошенных на дно газет и небольшого полиэтиленового пакета, ничего не было.

Регистрацию и контроль Миша прошел без сучка и задоринки. Погода была летной, Ил-62 взлетел всего лишь с десятиминутным опозданием. Как только самолет набрал высоту, Миша занялся изучением газет. Никого из одесских знакомых он в салоне не заметил, впрочем, это его особенно и не волновало. Во всех случаях милиция начинает с изучения списков пассажиров. Но поскольку его фамилии в списках нет, он может быть спокоен.

Когда в аэропорту Внуково Миша вышел к стоянке такси, стрелки на его часах показывали без четверти одиннадцать. Почти тут же к нему подошел человек лет сорока в модной куртке, оценивающе посмотрев на Мишу, процедил:

— Браток, далеко?

— Какая разница. Везешь — везешь, нет — нет. А? Так везешь?

Еще раз изучив Мишу, человек вздохнул:

— Везу. Но браток, это тридцатник.

— Нет разговора.

Пройдя вслед за человеком, Миша сел на переднее сиденье черной «Волги». Включив мотор, водитель посмотрел на него:

— Куда везти-то?

— В центр. Но только чур без посадок.

— Какие еще посадки?

— Обычные. Мало ли. Лады?

— Лады. — Водитель пожал плечами. — Лишь бы ты никого не подсадил.

У Октябрьской площади Миша поднял руку:

— Все, капитан. Схожу здесь.

Водитель остановил гонимый у подземного перехода. Отсчитав три десятки, Миша вышел. Проследив за довольно быстро затерявшейся в общем потоке «Волгой», поднял воротник. По сравнению с Одессой здесь сейчас настоящая зима. Температура явно была не выше пяти градусов, дул холодный ветер, небо затянули облака. Поежив-

шись, Миша подумал: хорошо хоть догадался надеть теплую джинсовую куртку.

Дом дяди был совсем рядом, но Миша знал: прежде чем туда войти, он должен обязательно использовать по назначению то, что лежало в полиэтиленовом пакете. Декор и резиновые напалечники.

Наиболее надежным местом, скрытым от посторонних глаз, оказался подъезд ближайшего жилого дома. Зайдя туда и поднявшись на третий этаж, Миша достал из баула полиэтиленовый пакет. Натянул черный парик, приклеил снабженные липучкой накладные усы. С помощью зеркала убедился: декор выглядит нормально. После этого на каждый из десяти пальцев Миша натянул прозрачные резиновые напалечники. Осмотрев их, подумал: теперь он может спокойно входить в дядину квартиру.

По подземному переходу, а потом над тоннелем он прошел к тихим переулкам, расположенным за Якиманкой. Вошел в подъезд и через пятнадцать минут уже стоял на лестничной площадке пятого этажа перед дверью дядиной квартиры с номером «18-б». В подъезде он никого не встретил, так что сейчас его волновало лишь одно: на площадку может выйти некто-то из соседей. Выждав несколько секунд, бесшумно достал связку ключей. Дверь дядиной квартиры закрывалась на три замка; точно примерившись, Миша поочередно открыл каждый. Толкнув дверь, проскользнул в квартиру. Закрыв за собой створку, настороженно прислушался. Убедившись, что там, на лестничной площадке, по-прежнему все тихо, оглянулся. Миша знал, что квартира на жучке и нужно как можно скорей позвонить на пост вневедомственной охраны. Но трубку снял лишь откашлявшись и убедившись, что с голосом у него все в порядке. Набрав хорошо выученный номер и услышав отзыв, сказал с дядиными интонациями:

— Четвертый?

— Четвертый... — отозвался скучный голос.

— Это восемнадцать-бис. Мы пришли. Отключите, пожалуйста.

В трубке раздались гудки. Миша положил трубку. Огляделся. Двери комнат не заперты. Что ж, и на том спасибо. Посмотрел на часы: пять минут первого. В аэропорту он должен быть в четыре, значит, в его распоряжении около двух часов. Не густо, и все же вполне достаточно, чтобы найти в квартире что-то ценное.

Миша отлично знал расчетливый и осторожный характер дяди. Поэтому по верхам смотреть не стал, а сразу же начал изучать самые дальние углы и по очереди выдвигать все ящики. Расчет оказался верным: примерно через полчаса под постельным бельем в шкафу Миша обнаружил газетный сверток. При ближайшем рассмотрении сверток оказался пачкой облигаций золотого займа. Беглый подсчет показал, что облигаций в пачке примерно тысяча на десять. Еще через несколько минут в другом шкафу, теперь уже в женском белье, Миша нашел шкатулку с золотыми украшениями. Заполнявшие шкатулку доверху кольца, серьги и золотые цепочки стояли, по мнению Миши, гораздо больше, чем облигации. Засунув золото в карман куртки, Миша бросил пачку облигаций в баул и распахнул еще не изученный гардероб. Прямо перед ним, прикрытая полотняным чехлом, висела роскошная меховая шуба. Неплохо разбирающийся в мехах Миша сразу понял: шуба из натурального горностая, стоит же такой балахон как минимум пятаху³. Секунду поколе-

бавшись, Миша достал шубу и, свернув в тугой рулон, положил в баул. Посмотрел на часы: начало второго. Все, можно уходить. Тем более теперь, в связи с облигациями, у него есть дело в городе.

С полминуты Миша стоял у входной двери, внимательно прислушиваясь. За дверью было тихо. Миша бесшумно выскользнул на лестничную площадку. Вытер пот: именно сейчас появление на площадке соседей могло оказаться роковым. Прикрыв дверь и услышав щелчок замка, вызвал лифт. Ему казалось, лифт идет бесконечно... Наконец кабина остановилась; войдя в нее, Миша нажал кнопку первого этажа. Кабинка дернулась, и Миша облегченно вздохнул. Теперь, когда лифт медленно полз вниз, определить, из какой именно квартиры он вышел, не сможет уже никто...

Выйдя из подъезда, Миша двинулся к Садовому кольцу. Остановившись рядом с трассой, поднял руку. Дождавшись, когда рядом остановится свободное такси, пригнулся:

— Шеф, мне нужно помотаться по Москве. Плачу четвертак сверху.

— Долго мотаться-то?

— Да нет, минут сорок.

— Садись. — Подождав, пока Миша сядет рядом, водитель спросил: — Куда ехать?

— Шеф, ты ближайшие сберегательные кассы знаешь?

— Сберегательные кассы... — Водитель помолчал. — Да вроде есть тут поблизости. На Садовом.

— Мне нужно несколько сберегательных касс. Примерно штук пять.

— Пять так пять. Мне без разницы.

После того, как они объехали пять сберегательных банков, у Миши в бауле вместо облигаций лежало уже десять с небольшим тысяч рублей. Продать облигации порциями по две тысячи Миша решил из предосторожности. Также из предосторожности, зная характер дяди, который наверняка переписал номера всех ценных бумаг, Миша решил как можно скорее избавиться от облигаций. Сделать это, конечно, нужно было именно в Москве, поскольку в Одессе его легко могли засечь.

Вернувшись в машину из последнего сберегательного банка, Миша улыбнулся:

— Все, шеф, отстрелялись. Теперь в центр, к Большому театру. Желательно быстрее. Как, к полтретьему успеем?

Посмотрев на часы, показывающие десять минут третьего, водитель усмехнулся:

— О чем разговор. Туда десять минут езды.

— Давай. А то опаздываю.

Ровно через десять минут водитель остановил машину у колонн Большого театра. Рассчитавшись как было условлено, Миша вышел. Конечно, удобней было поехать во Внуково на этой же машине. Но Миша знал: если ограбление будет обнаружено, милиция может опросить водителя такси. И выяснить, что именно в этот день человек его возраста и его роста с баулом объездил пять сберегательных банков, после чего поехал во Внуково. Конечно, след сам по себе достаточно хлипкий. Но лучше от греха подальше, береженого и бог бережет. Да и в принципе он вполне еще успеет добраться до Внукова. Сейчас же, поскольку в последний раз он ел в начале пятого утра, надо срочно где-то перекусить. Тем более впереди его ждет довольно сложная операция: проход в самолет.

Разыскав ближайшее кафе, Миша плотно пообедал.

³ «Пятаха» — 15 тысяч.

Затем на стоянке такси без особого труда взял машину. Во Внуково он был без двадцати четыре, рассчитавшись с водителем, закинул баул на плечо и отправился в туалет.

Туалет был платным, и Миша довольно быстро занял отдельную кабинку. Здесь он прежде всего снял парик и усы, спрятав их в полиэтиленовый пакет. Затем вытащил из кармана золото. Изучив россыпь колец, серег и кулонов, надел на пальцы золотую печатку, перстень и обручальное кольцо, остальное спрятал в баул. Распихав по карманам деньги, подумал: несмотря на риск, он вынужден будет сдать баул в багаж. Другого выхода у него просто нет. Конечно, при перелете баул запросто могут украсть те же грузчики. Но иначе нельзя. Если милиция на контроле засечет лежащие в бауле шубу и золото и срисует⁴ его, он рискует гораздо больше.

Упаковав в зале баул в бумажную обертку, Миша сдал его в багаж. Затем, пройдя с зарегистрированным билетом на контроль, без приключений миновал двух милиционеров.

Минут через сорок Миша уже сидел на своем месте в самолете. Еще через два часа, около семи вечера, он в целостности и сохранности получил свой баул в багажной секции Одесского аэропорта. Положив баул на заднее сиденье «Москвича», наконец-то вздохнул спокойно. Основные трудности остались позади.

Дома, в своей однокомнатной квартире на Ришельевской, Миша прежде всего набрал телефон родителей. Услышав голос матери, спросил:

— Ма, не знаешь, где дядя Володя?

— Здесь. Тебя где носило-то?

— Да так, мотался по делам. Я ведь их сегодня пригласил в ресторан. Его и тетю Леру. Они хоть помнят?

— Как же не помнить. Они давно тебя ждут, одетые.

— Очень хорошо. Скажи, пусть выходят, я буду через пятнадцать минут.

Вечер в ресторане прошел на высшем уровне. Во всяком случае, дядя и его жена остались довольны.

Судя по последовавшему звонку из Москвы, кражу вещей из своей квартиры дядя обнаружил, как только вернулся из Одессы. Из его объяснений стало ясно: начатое следствие в основном проверяет его московских знакомых — тех, кто мог снять по телефону квартиру с контроля вневедомственной охраны. Из этих же объяснений явствовало, что никаких подозрений в отношении Миши у дяди даже не возникало.

В конце ноября Мише позвонил Дегтярь. После первой летней встречи в Москве они потом виделись всего лишь раз, в июле, когда Дегтярь на несколько дней приехал в Одессу. В тот раз Миша отдал Дегтярю долг, а заодно помог по дружбе достать запчасти для дегтяревского «Жигуленка» — что, конечно же, было основательно обмыто. Затем Костя опять надолго уехал в Москву. И вот теперь он снова звонил отсюда, из Одессы.

После приветствий и короткого обмена новостями Дегтярь сказал:

— Мишань, мне опять надо помочь с тачкой. Кардан барахлит. Поможешь?

— Кардан барахлит... — Сказав это, Миша вдруг подумал: а ведь Дегтярь с его многочисленными знакомствами и связями в Москве ему нужен. Не то слово нужен. Нужен в главном, а именно в связи с «алмазами шаха».

Ведь если ему, Мише, удастся взять эти камни, он без выхода за бугор не обойдется никак, если, конечно, хочет получить за «алмазы шаха» настоящую цену. Раньше, когда он впервые услышал об алмазах от Фарта, он какое-то время считал, что сможет реализовать камни через знакомых одесских ювелиров. Но теперь он понимал: делать этого нельзя. Нельзя, даже если он подключит к алмазам своего самого проверенного друга, Фиму Лернера. Ведь «алмазами шаха» наверняка займется не только милиция, но и КГБ, и прокуратура; но если допустить, что такие серьезные конторы выйдут на кого-то из одесских ювелиров и засекут «алмазы шаха» у них — все, ему конец. Поэтому лучший вариант для сбыта алмазов только один: Москва.

— Костюнь, нет разговоров. Вообще, надо бы где-то посидеть. Как ты?

— Давай. А где?

— Скажем, в «Чайке», на Приморском. Сможешь подойти туда через полчаса?

В «Чайке», обсудив с Дегтярем технические детали ремонта карданного вала и поговорив некоторое время за жизнь, Миша сказал:

— Костюнь, тут такое дело: мне нужно сдать рыжье⁵.

Пригубив коктейль, Костя удивленно посмотрел на Мишу:

— Рыжье? Ты что, думаешь, я по этой части?

— Нет, не думаю. Просто хотел спросить: ты мог бы найти мне в Москве канал? Надежный канал?

Несколько секунд Дегтярь изучал свой бокал. Наконец усмехнулся:

— Мишань, ну в принципе... В принципе все возможно. Но ты ведь знаешь, надежный канал по рыжье — серьезное дело.

— Поэтому и прошу. Ты ведь тоже знаешь: за мной не заржавеет.

— Знаю. Ладно... — Сказав это, Дегтярь посмотрел на Мишу в упор: — Мишань, я правильно понял: Одесса тебя не устраивает?

— Правильно.

— Д-да... — Дегтярь помолчал. — Н-ну... В общем, у меня есть люди. Но только, Миша: с ними нужно осторожно.

— Что значит осторожно?

— То значит, что это жучье⁶. Причем, насколько я секу в таких вещах, жучье крутое.

Крутое жучье... В общем-то Миша примерно этого и ожидал. Ни крутости, ни жучья он не боялся. То, что в Москве ему придется иметь дело с серьезными людьми, вообще было целиком в его интересах. Подумав об этом, он сказал:

— Ты что, имел с ними дело?

— Имел.

— То есть, они тебе верят?

— В общем, да.

— В общем меня не устраивает.

Дегтярь покачал головой:

— Они мне верят настолько, что считают: я их не сдам. Вот и все. По-моему, этого вполне достаточно. Или нет?

— Конечно. Их как, легко найти?

— Без проблем. Мастерская металлоремонта.

⁴ «Срисовать» — обратить внимание, запомнить.

⁵ «Рыжье» — золото.

⁶ «Жучье» — серьезные преступники, воров в законе.

— У них там что, главный?
— Нет. Главный у них работает в скупке драгметаллов.

— Понятно. — Миша улыбнулся. — Спасибо, Костюнь. Насколько я помню: ты хотел иметь мой бокал? Вот эти?

— Хотел.
— Так вот, запомни: если с каналом все выгорит, это будет мой подарок. Договорились?

— Хорошо, договорились.
— Ты когда будешь в Москве?
— Как только почию кардан.

— Ясно. Тогда так: как только туда приедешь, свяжись с этими ребятами. Скажи: есть, мол, кореш, которому вроде бы, на твой взгляд, можно верить. Кореш этот из Приморского края, из города Васильевска. Зовут Николаем. Запомнишь?

— Запомню. Из Приморского края, город Васильевск, Николай. Кто это, если не секрет?

— Не секрет. Это я. Мне важно, чтобы через этих ребят не пошли концы сюда, в Одессу. Понял, Костюнь? Дегтярь усмехнулся:

— Понял. Тут понимать нечего.
— Тогда все. Скажи, прорисуетя этот Николай где-то в конце года. Где она, эта мастерская металлоремонта?

— На Колхозной площади, рядом с комиссионным магазином. Там есть мастер, Ашот.

— Армянин?
— Да. Этот Ашот и есть... из той самой команды.

— Костюнь, еще раз спасибо. Ну и... — Миша улыбнулся: — Естественно, я рассчитываю, ты не будешь об этом трубить. Да?

— Правильно, Мишань. Я ведь тоже рассчитываю, что и ты не будешь.

Месяц спустя Миша по обыкновению ужинал в «Красном». Часов в девять он решил проветриться в холле. Подойдя к входу, бдительно охраняемому швейцаром, по привычке посмотрел сквозь застекленные двери. Снаружи, как всегда, стояла очередь — небольшая кучка людей, терпеливо ожидающая под редким ноябрьским снежком, когда их пропустят. Неожиданно Миша заметил в очереди знакомое лицо. Это был его бывший сокурсник по институту Витька Лукашов, или Лука. Дружили они еще с института. Правда, последние годы с Витькой, работавшим в пароходстве вторым механиком и ходившим в загранку, они виделись редко. Но тем не менее их дружба никогда не прерывалась.

Сейчас Витька, съездившись и сунув руки в карманы синей канадской куртки, стоял в самом конце очереди. Убедившись, что это в самом деле он, Миша сказал швейцару:

— Дядя Жор, пропустите, пожалуйста, моего друга. Вон он, в самом конце очереди. В синей куртке.

В «Красном» Миша был человеком уважаемым. Помедлив, швейцар открыл створку, и через пару секунд Лука уже стоял в холле. Поцеловавшись с Мишей, расплылся в улыбке:

— Мишань, спасибо.
— Ладно тебе. Как дела?
— Ничего. Место лишнее у тебя есть?
— Есть. Ты один?
— К сожалению. А ты?
— Тоже один. — Миша оглядел невысокого, атлетически сложенного Луку. — Давно из рейса?

⁷ «Бока» — часы.

— Я-то? — Сдав куртку швейцару, Лука пригладил темные волосы. — Да как тебе сказать. Вообще-то давно. Пошли? И там уже поговорим?

— Пошли.
За столиком они сразу же выпили по бокалу коньяка. Подождав, пока Витя закусит, Миша спросил:

— Как оно вообще?
— В смысле?
— Ну, вообще... Например, привез что-нибудь? Шмотки, технику? Может, бока есть приличные?

Взяв тарталетку с икрой и прожевав ее, Лука вздохнул: — Мишаня, с боками и со всем прочим все. Завязано. — Не понял. Расшифруешь?

— Тут расшифровывать нечего. Все, Мишаня, я списан⁸.

Лука смотрел на него, чуть улыбаясь. Помедлив, Миша спросил:

— Что, серьезно?
Налив себе и Мише, Лука поднял бокал:
— Серьезней некуда. Загремел я, Камень.

— За что?
— Да... — Лука скривился. — Трера⁹.
— Трера?

— Да. Везли туда травку с ребятами. Ну и загремели. Загремели все, а сдали меня одного. Такие дела. Так что за бугор я больше не ходок. Сам понимаешь, мешок завязан¹⁰.

Миша размышлял: разглядывал бокал. Конечно, с одной стороны это плохо. Но с другой, кажется, судьба сейчас опять идет ему навстречу.

Подождав, пока Лука расправится с салатом из крабов, Миша спросил:

— Значит, ты загремел? А как насчет отмотки¹¹?
Прожевав до конца, Лука усмехнулся:
— Миша, считай, я уже отмотал. Дали два-двадцать пять¹².

— Два-двадцать пять? — Миша изучающе посмотрел на друга. — По траве что-то мало.

— Так я же говорю, меня сдали на шару¹³. Доказательств у суда не было. Так что срок мне залудили просто от злости. — Достав пачку «Кента», Лука закурил. — И вообще, Мишань, мне это все остобрыдло. Может, переменим тему?

— Давай, — глядя на Луку, Миша подумал: сколько бы он ни искал, напарника лучше Витьки Лукашова ему не найти. — Только что ж ты мне не позвонил, когда загремел?

— Зачем?
— Мало ли. Я мог бы помочь.
— Да нет, Мишань, не помог бы. — Лука тронул нож. — Ничего, все обошлось.

— Ладно. Теперь уже поздно думать. Давай выпьем за встречу?

Примерно через час, когда они взяли третью бутылку коньяка и Лука несколько размяк, Миша спросил:

— Ты вообще куда сейчас приписан?
— Никуда. Толкусь в отделе снабжения порта. Разнорабочим на полставки. Я там почти не бываю. Прихожу только расписаться в ведомости.

⁸ «Списан» (мор.) — уволен из плавсостава на берег.

⁹ «Трера» — наркотики.

¹⁰ «Мешок завязан» — закрыта загранвиза.

¹¹ «Отмотка» — отмотать — отбыть наказание.

¹² «Два-двадцать пять» — два года принудительных работ по месту службы с удержанием 25 % заработка.

¹³ «На шару» — в данном случае «напрасно».

— Не теребят?
 — Да нет. Меня ж там все знают.
 — Ну, а как... Как у тебя с бабками?
 — С бабками... — Покрутив бокал, Лука усмехнулся. — Мишань, что за вопрос? Какие могут быть бабки, если человека списали с загранки? Если я скажу тебе, что нормально, ты поверишь?
 — Да нет. Не поверю. А вообще... Вообще, чего ты хочешь в жизни?
 — Мишань, кончай мне пудрить мозги. Если у тебя есть предложение, говори. Нет — давай пить дальше. А?
 — Витюнь, ты меня не понял. Я действительно хочу знать, чего ты хочешь в жизни.
 Тронув губами коньяк, Лука склонил голову набок:
 — Хорошо, Мишань, я тебе скажу. В жизни я хочу того же, чего ты. Чтобы были бабки. Чтобы были телки. Вообще, чтобы все было нормально. Или не так?
 — Все так. Хорошо, Витюнь, все это у тебя будет. На некоторое время над столом воцарилось молчание. Вытянув из пачки сигарету, Лука не спеша прикурил. Сказал, затянувшись:
 — Да? То есть, ты отвечаешь?
 — Отвечаю.
 — Ясно. — Лука посмотрел на Мишу в упор: — Мишань, может разъяснишь для начала: что от меня нужно?
 — Ну... — Миша спокойно встретил взгляд Луки. — Для начала нужно достать две волыны¹⁴.
 — Две волыны? Тебе?
 — Нам с тобой.
 — Понятно. — Сделав несколько затяжек, Лука поднял глаза: — Мокруха?
 — Допустим, мокруха. Ты против?
 — Слушай, Мишаня, кончай гнать волну. — Лука стряхнул пепел. — Не надо меня проверять. А?
 Миша легко хлопнул Луку по шее:
 — Ушлый. Ладно, я пошутил. Нам с тобой надо съездить в Москву по одному делу. А волыны нужны для подстраховки.
 Притушив сигарету, Лука вздохнул:
 — Хорошо. Давай две пятахатки, и волыны будут. Фирменные. Что нужно, «байярд», «беретта»¹⁵?
 — Все равно. Лишь бы стреляли.
 — Понятно. Больше ничего не нужно?
 — Ничего. Хотя... — Миша помедлил. — Ты мог бы сдать кому-нибудь из своих ребят натуральную шубу? На вывоз?
 — Что за шуба?
 — Женская. Из натурального горносталя.
 — Сколько ты хочешь?
 — Потолок пятнадцать, низ — двенадцать. Двадцать процентов с этой суммы, за работу — тебе.
 — Расклад понятен. Хорошо, Мишань, давай твою шубу. Попробую.

За вагонным окном непрерывно уносились назад черно-белая пашня. Похоже, это уже Россия. На часах начало первого, сегодня двадцать третье января. Завтра утром, двадцать четвертого, то есть в канун Рождества, они будут в Москве.

Покосивших на сидевшего напротив и дремавшего

Луку, Миша снова повернулся к окну. Там падал, кружась, сухой снег. Здесь же, в купе «СВ», было тепло и спокойно. Конечно, трясись более тридцати часов в поезде скучновато, но лететь в Москву самолетом из-за золота и пистолетов они не могли просто никак.

Да, первую часть проверки Лука прошел успешно: после их разговора в «Красном» он уже через два дня приехал к Мише, положив перед ним на стол две «беретты». Одновременно он передал ему пятнадцать тысяч, полученных за шубу. Естественно, Миша тут же вернул ему три тысячи в счет обещанных комиссионных.

Сейчас, когда до Москвы осталось меньше суток, Миша вдруг понял: его мысли все чаще возвращаются к Гале. Он ей позвонил перед выездом, сообщив, что приезжает в Москву вместе с другом. По этому поводу Миша предложил Гале встретиться Рождество вместе. Как ему показалось, Галя охотно согласилась. Больше того, узнав, что он приезжает с другом, Галя сама подала мысль взять с собой кого-нибудь из подруг.

Миша усмехнулся. Что ж, он в долгу не останется. Среди золота, которое они везли сейчас в Москву, он давно уже присмотрел для Гали старинный женский перстень с рубином. Да и кроме этого перстня среди вещей, взятых у дяди, было немало цапек, которые не стыдно будет подарить Гале. Конечно, краденые вещи дарить опасно. Но идущее в Москве следствие выйти на него уже не сможет, это ясно даже ему. Так что из-за двух-трех вещей, которые он подарит Гале, ничего не случится. К тому же он уверен: Галя милиция проверять в любом случае не будет.

Выйдя вместе с Лукой на перрон Курского вокзала, Миша шутливо дотронулся кулаком до его живота:

— Витек, идем звонить девочкам.
 — Девочкам? Ты что, серьезно?
 — Серьезно. Только сначала звякнем Дегтярю.
 — Давай. — Закинув сумку на плечо, Лука двинулся за ним.

Найдя телефон-автомат, Миша набрал номер Дегтяря. Костя отозвался сразу:

— Да?
 — Костя, привет, это Миша Камень.
 — А... — Дегтярь помолчал. — Приехал?
 — Приехал. Я вместе с Лукой. С Витькой Лукашовым.

— Понятно. Какие планы?
 — Да вот хотим сразу же пойти к твоим ребятам.

Ты как, им звонил?
 — Звонил. Давно, как только приехал в Москву.
 — Ну и что?
 — Они сказали, в принципе все это возможно. Только сначала хотят на тебя посмотреть.

— Правильная мысль. Пусть смотрят. Значит, к ним можно идти?

— Можно. Вы что, пойдете прямо сейчас?
 — Прямо сейчас. Да, Костюнь, есть еще одно дело.

— Какое?
 — Эти твои ребята, они как, могут устроить меня и Луку в гостиницу? В хорошую гостиницу.

— Ну... наверное. У них ведь все схвачено.
 — Ты можешь им позвонить? И спросить, могут ли они устроить?

— Почему нет. Только, Мишань, это будет стоить бабок. Крутых бабок.

— Об этом не волнуйся. Если спросят, скажи: парень кредитоспособен.

¹⁴ «Волына» — пистолет.

¹⁵ «Байярд» — пистолет калибра 9,8 бельгийского производства, «беретта» — пистолет такого же калибра итальянского производства. Эти марки преобладают в контрабандной продаже в морских портах, в том числе в советских.

— Ты хочешь прямо сейчас?
 — Да. Давай звони. А я тебе перезвоню... ну, скажем, минут через десять. Хорошо? Костюнь, учти: мне это нужно.

Позвонив Дегтярю через десять минут, Миша спросил:
 — Ну что?

— Они говорят, гостиницу можно устроить. Но опять же, им нужно посмотреть на тебя. И на твои бабки. У себя в мастерской, на Колхозной.

— Понятно, Костюнь, спасибо. Созвонимся. Чао.

— Чао.

Нажав на рычаг, Миша подмигнул Луке:

— Считаю, апартаменты у нас есть. Теперь звоним девчускам.

— Давай. Насчет девчушек я никогда не против.

Набрав Галин номер, Миша сразу же услышал знакомый голос:

— Алло?

— Галюш, привет. Это я, узнала?

— Еще бы. Давно приехал?

— Только что. Только не приехал, а приехали.

— Приехали? А, ну да, я забыла, ты же с другом.

Что вообще он из себя представляет, твой друг?

— Все при нем. Здоров, умен, богат.

— Старый, молодой?

— Мой ровесник. Вообще, что ты так беспокоишься?

Тебя это волнует?

— А как же. Я пригласила Лизу. Ты ведь знаешь Лизу?

— Знаю. Для Лизы он будет в самый раз.

— Не убеждена. Лиза — девушка разборчивая. Как он хоть внешне?

— Красавцем я бы его не назвал. Но море обаяния. Настоящий мужчина. Поняла?

— Ой, Миша, ради бога... Знаем мы этих настоящих мужчин.

— Ладно, Галек, хватит разбираться. Скажи Лизе, что вечером, часов в восемь, мы за вами заедем. И повезем в лучший московский кабак. Хорошо?

— Договорились. До вечера?

— До вечера. — Повесив трубку, Миша посмотрел на Луку: — Все, Витюнь. Разговор слышал?

— Слышал. Как хоть телки, приличные?

— Приличные... Да ты копыта откинешь, как только их увидишь.

— Серьезно?

— Серьезно. Лука, ты помнишь, как тебя зовут?

— Мишань, обижаешь. Я же все выучил наизусть.

— Все же повтори.

— ...Хубов Антон Викторович. Из Васильевска Приморского края. Серню, номер?

— Не нужно. Пошли, а то мы еле успеваем.

«Хубовым Антоном Викторовичем» Лука стал после того, как в Одессе добытый с помощью Фарта специалист профессионально переправил паспорт, принадлежащий Сухих Анне Викторовне. Помимо имени и отчества пришлось изменить и фамилию — «Сухих» на «Хубов». Одинаковая фамилия в паспортах двух разъезжающих вместе людей могла вызвать подозрение.

Выйдя из такси на Колхозной площади, они без особого труда разыскали мастерскую металлоремонта. Перед тем, как войти, Миша спросил:

— Где у тебя вольна?

— Не волнуйся, все в порядке. В кармане.

В крохотном помещении они увидели склонившегося

над верстаком белобрысого паренька. А подойдя к окошку, Миша кашлянул:

— Добрый день. — Подождав, пока парень поднимет глаза, спросил доверительно: — Друг, нам бы Ашота... Он здесь?

— А зачем он вам? Если что починить, я сделаю.

— Нам не чинить. Мы по личному делу.

— По личному? — Изучив Мишин взгляд, паренек вздохнул. Сказал, взяв напильник: — Ашот! Тут тебя зовут!

— Кто? — Донеслось из-за стены.

— Не знаю... Какие-то ребята... — Паренек снова занялся работой. Секунд через десять выглянул смуглый человек лет тридцати пяти с черными усами и обширной лысиной. Наметанным взглядом Миша определил: силой этот человек не обижен. Похоже, он в самом деле из деловых.

Несколько мгновений оба смотрели друг другу в глаза. Наконец, подойдя ближе, человек кивнул:

— Вы меня спрашивали?

— Я. Мне нужен Ашот.

— Я Ашот. Что дальше?

— Поговорить надо.

— Поговорить о чем?

— Меня зовут Коля. Я с Приморья.

— Очень приятно. Что дальше?

— Вам должны были звонить насчет меня. Только что.

— Звонить — кто?

Миша покосился на белобрысого. Ашот кивнул:

— Можете при нем. Так кто мне должен был звонить?

— Костя Дегтярь.

Наверное, прошла целая вечность, прежде чем Ашот сказал:

— Д-да... Понятно. Второй, он что, с вами?

— Со мной.

Поразмыслив еще несколько секунд, Ашот наконец открыл дверь в перегородке:

— Хорошо, проходите. Вот сюда, во вторую дверь.

Войдя вместе с Лукой в небольшую комнату, Миша увидел еще одного человека. Сидя за единственным в комнате столом, он не спеша крутил в руках пачку «Мальборо». Наверняка он был старше Ашота лет на пятнадцать. Правда, выглядел он при этом ничуть не хуже, тем более, что в отличие от Ашота у него были длинные темные волосы, почти не тронутые сединой. Объединяло же их то, что у обоих была смуглая кожа. И одежда: оба были почти в одинаковых джинсовых костюмах.

Ашот закрыл за собой дверь, и человек молча посмотрел на него. Ашот кивнул:

— Гурген, это... про которых звонил Дегтярь. Из Приморья.

— Понятно, — пожевав губами, Гурген отложил пачку «Мальборо». Улыбнулся:

— Что ребята, садитесь. Поговорим.

Поставив сумку рядом со стулом, Миша сел. Лука остался стоять. Гурген покосился на него:

— Садитесь, молодой человек. Места хватит.

— Спасибо, я постою. — Подойдя к подоконнику, Лука поставил на него сумку. Сунув обе руки в карманы канадки, прислонился к стене. На мгновение задержавшись на нем взглядом, Гурген повернулся к Мише:

— Меня, как вы слышали, зовут Гурген.

— Меня Коля.
 — Меня Антон, — сказал Лука.
 — Очень приятно... — Гурген снова покосился на него. — Коля... Костя говорил мне о том, что вы хотите что-то сдать. Я правильно понял?
 — Правильно. Мы хотели бы сдать рыжье.
 — Рыжье... — Выждав несколько секунд, Гурген снова взял пачку. — И много у вас рыжья?
 — Для начала граммов триста.
 — Даже граммов?
 — А как еще?
 — Это что, лом?
 — Нет, это цапки. Некоторые с камнями. Просто я так сказал.
 — Понятно. — Гурген снова взял пачку. — А почему для начала, Коля?
 — Во-первых, мы вас не знаем.
 — Теперь знаете.
 — Во-вторых, не знаем ваших условий. — Миша улыбнулся.
 — Да-да... — Гурген помолчал. — Что ж, все правильно. Ну, а можно посмотреть ваши цапки?
 Помедлив, Миша достал из кармана заранее приготовленную пачку с сердечком. Протянув, положил перед Гургеном. Цепочка, по самым скромным подсчетам, стоила не меньше пятисот рублей.
 Изучив цепочку взглядом, Гурген посмотрел на Мишу:
 — Я вижу одну цапку. А где остальные?
 — Остальные будут после разговора.
 — После разговора... — Гурген помолчал. — Как я понимаю, вы предлагаете мне оценить эту цапку?
 — В общем, да.
 — Ясненько. — Взяв цепочку, Гурген внимательно осмотрел ее. Найдя пробу, подержал на весу. Положил на прежнее место. Вздыхнув, поднял глаза:
 — Ну что, Коля, за эту вещь я могу сразу же дать вам две бумаги.
 — Понятно. — Миша спрятал цепочку в карман. Взяв сумку, встал со стула. Улыбнулся: — Спасибо, Гурген. Было очень приятно познакомиться. Но мы все же пойдем. Извините.
 — Чтонибудь не так? — сказал Гурген.
 — Да нет, все так. Просто мы пойдем, у нас дел много. Антон, пошли...
 Вынув одну руку из кармана, Лука закинул сумку на плечо. Посмотрев на него, Гурген покачал головой:
 — Хорошо, Коля. Я готов дать три бумаги. Пострадав при этом.
 — Гурген, большое спасибо. Но мы в самом деле пойдем. Вы уж извините.
 — Вам мало три бумаги?
 Посмотрев на Гургена в упор, Миша усмехнулся:
 — Гурген... Дело не в том, мало или много. Дело в том, что это вообще не разговор.
 — А что разговор?
 — Я думаю, вы знаете, что разговор.
 Помолчав несколько мгновений, Гурген наконец потер щеку:
 — Хорошо, Коля. Сядьте.
 — Зачем?
 — Сядьте, я ведь вас прошу. Поговорим спокойно.
 Усевшись, Миша посмотрел на Гургена. Достав из пачки сигарету, Гурген не спеша прикурил. Выпустив вверх несколько колец, сказал:
 — Коля, что вы хотите конкретно?

— Конкретно я хочу, чтобы вы все взвесили. Ну и тогда можно продолжать разговор. Но уже серьезно.
 — Что значит серьезно?
 — Серьезно, значит без фраерских цен.
 — Да-да... — Выдавлив это, Гурген снова выпустил несколько колец. — Но для серьезного разговора мне нужно посмотреть весь ваш товар.
 — Пожалуйста. Вы подумаете, все взвесите и увидите товар. Весь.
 Не спеша притушив сигарету, Гурген вздохнул:
 — Хорошо, Коля. По-моему, у вас были еще какие-то вопросы?
 — Были. Костя сказал, вы можете помочь устроиться в гостиницу.
 Гурген потер бровь:
 — Был такой разговор.
 — Ну и как?
 — Вам просто нужно где-то остановиться?
 — Вообще-то, если честно, мы с Антоном хотели бы остановиться в нормальной хорошей гостинице.
 — В нормальной хорошей гостинице... — Гурген помолчал. — А что вы считаете нормальной хорошей гостиницей?
 — Нормальной хорошей гостиницей я считаю нормальную хорошую гостиницу. В Москве ведь есть хорошие гостиницы?
 — А как же... — Гурген тронул пачку. — В общем, есть. Хорошо, Коля, допустим... Допустим... Допустим, я предложу вам гостиницу «Космос». Как, «Космос» вас устроит?
 Интуристовский «Космос» Миша хорошо знал. Он бывал там вместе с Галей.
 — Устроит.
 — На сколько вы хотите остановиться?
 — Для начала дней на пять. Если можно.
 — Пожалуйста. Но это будет стоить некоторых денег.
 — Примерно каких?
 — Смотря какой вы хотите взять номер. Обычный? Люкс?
 — Люкс. Если можно.
 — Можно. Люкс в «Космосе» стоит шестьдесят восемь рублей в сутки. На пять суток с броней и пропиской это примерно четыреста колов. Плюс по бумаге с брата за устройство. Разумеется, в сутки. Итого за все — штука четыреста. Как, нормально?
 Такса двести рублей в день за устройство по мнению Миши была несколько завышена. Но поскольку именно на это он и рассчитывал, то сказал, улынувшись:
 — Вполне. Спасибо, Гурген.
 — Пожалуйста. Паспорта у вас с собой?
 — С собой. Только, Гурген... — Миша прищурил один глаз.
 — Да?
 — Бирки и бабки мы отдаем вам в «Космосе». У стойки. Вы уж нас очень извините. Хорошо?
 — Если вы такие недоверчивые ребята, хорошо. Вы на тачке?
 — Нет. Но можем взять.
 — Зачем, моя стоит в переулке. — Гурген встал. — Пошли?
 — Пошли.
 Сев в гургановскую «девятку», они уже через пятнадцать минут входили в «Космос». Швейцар посмотрел было вопросительно, но Гурген тронул его за плечо:
 — Ребята со мной. — Подойдя к стойке администра-

тора, сказал негромко: — Давайте ксивы и бабки. И посидите в кресле.

Взяв у Миши и Луки паспорта, подождал, пока Миша отсчитает тысячу четыреста рублей. Небрежно сунув толстую пачку купюр в карман, подошел к стойке.

Усевшись в мягкие кресла, Миша и Лука молча следили, как Гурген разговаривает с администраторшей. Длилось это довольно долго, около десяти минут. Наконец, видимо, договорившись, Гурген протянул деньги и паспорта. Получив в обмен пустые бланки, подошел к столику:

— Заполняйте. У вас номер люкс на одиннадцатом этаже. На пять суток. Захотите продлить — условия те же.

— Паспорта остаются у администратора? — спросил Миша.

— Да. Вместо них вам дадут визитки. Но если вдруг понадобится паспорт — вам, конечно, его выдадут. Все?

— Все, — сказал Миша. — Если не считать разговора.

— Ну да. — Гурген помолчал. — Разговора... Наверное, лучше всего поговорить завтра. Как, Коля?

— Давайте завтра. Только желательна на нейтральной почве.

— В смысле?

— В смысле где-нибудь в городе. Сядем где-нибудь спокойно, поговорим.

Некоторое время Гурген изучал пол. Наконец пожал плечами:

— Хорошо. У вас есть место?

— Так... — Миша подумал. — Скажем, «Валдай». На Новом Арбате. Часа в два.

— Я правильно понял — вы будете мне что-то показывать?

— Правильно.

— Тогда «Валдай» не подойдет. Слишком людно. Вы знаете кафе «У Маргариты»? На Кропоткинской?

Миша колебался. Помедлив, Гурген тронул его за плечо:

— Коля, чего вы боитесь? Во-первых, я буду один. Во-вторых, насколько я понимаю, вы не бедные¹⁶. Или я ошибся?

— Нет, Гурген, вы не ошиблись. Хорошо, давайте у этой Маргариты.

— Давайте. Значит, в два на Кропоткинской в кафе «У Маргариты». Найти это кафе просто, его там все знают. До завтра?

— До завтра.

Сдав заполненные бланки и получив ключи, Миша вместе с Лукой поднялся на одиннадцатый этаж. Номер-люкс оказался вполне приемлемым: трехкомнатный, с двумя ванными, большой прихожей и отличным видом из окон. Разложив вещи и приняв душ, оба спустились в ресторан. Здесь после обеда, показавшегося после дороги особенно вкусным, Миша заказал на вечер столик на четверых. Поднявшись в номер, они до половины седьмого блаженствовали в мягких креслах, развлекаясь очком и де-берцем¹⁷.

В семь Миша позвонил Гале. Услышав ее голос, сказал:

— Привет, это мы. Ну как?

— Все в порядке. Лиза у меня.

— Тогда мы за вами заедем? Прямо сейчас?

— Давайте. Ты на машине?

— Нет, мы заедем на такси.

— Понятно. А куда мы пойдем?

Поймав себя на том, что Галин голос звучит для него сейчас райской музыкой, Миша сказал:

— В «Космос». Мы здесь остановились.

— Да? Очень мило. Хорошо, заезжайте. Мы ждем.

Выйдя, они взяли такси и, забрав Галю и Лизу, вернулись с ними к «Космосу». Раздевшись в номере и предоставив девушкам возможность навести на себя последний лоск, опустились в ресторан. Лиза выглядела прекрасно, про Галю и говорить нечего. Наверное, поэтому, когда они вчетвером прошли к своему столику, многие в ресторане молчаливо проводили их оценивающими взглядами.

Усевшись за столик, на котором стоял оговоренный заранее букет роз, Миша шутливо нахмурился:

— Ну что? Мы рады видеть всех в сборе накануне Рождества. Как настроение?

Пригнувшись к розам, Галя тихонько втянула воздух:

— Настроение прекрасное. А запах просто чудо. Мишенька, у вас что, какое-нибудь событие?

— Как событие? А Рождество?

— А, да, Рождество. Я совсем забыла.

— Лиза, ты тоже забыла?

Лиза улыбнулась:

— Да нет, я помню.

— Умница. Вообще, Лиза, ты потрясающе выглядишь.

— Миша, перестань.

— Нет, честное слово, клянусь. Между прочим, как тебе мой друг?

— Миша... — Лука толкнул его локтем. — Кончай.

— Ребята, я шучу. — Быстро открыв шампанское, Миша разлил его в бокалы. — Давайте выпьем за то, что каждый сам разберется — кому кто нравится. Как тост?

— Отличный... — Галя дотронулась до его бокала.

Помедлив, к ней присоединилась Лиза. Выпив и поставив бокал, Миша сказал:

— Вообще мне хочется, чтобы у нас было весело.

— У нас будет весело, — сказала Галя.

В середине вечера, в разгар танцев, Лука сделал Мише знак: выйдем. Выйдя вместе с ним в холл, Миша кивнул:

— Что случилось?

— Миша, рыжье у тебя с собой?

— Рыжье? — Оглядев Луку, Миша пожал плечами: — Конечно. Не в номере же оставлять. А что?

— Ничего. Там вроде есть женские перстни?

— Женские перстни? — Посмотрев на напряженное лицо Луки, Миша наконец все понял. — Есть. А почему ты спрашиваешь?

— Ну... мне нужен перстень. Один. В долг.

— Тебе Лиза понравилась?

— Понравилась. Нельзя?

— Можно. Значит, ты хочешь подарить ей перстень?

— Хочу. — Лука смотрел на него, поигрывая желваками. Помедлив, Миша сжал его лицо ладонями. Пригнул к себе:

— Витя, окстись. Какие между нами долги? — Отпустив его, шутливо толкнул в бок: — Ладно, дам я тебе перстень. Только зайдем в дабл, не здесь же.

Зайдя вместе с Лукой в одну из кабинок в туалете, Миша выгреб из кармана золото. Отобрал женские

¹⁶ «Бедные» — в этом подтексте: безоружные.

¹⁷ «Очко», «де-берц» — карточные игры.

АРКТИКА, ПРОСТОРНАЯ И ТЕСНАЯ...

Десять лет назад мы опубликовали несколько очерков полярного первопроходца, уральца Владимира Петровича Евладова. Начальник первой советской комплексной экспедиции на Ямал и остров Белый, посланной из Свердловска в 1927 году, он рассказал о своих впечатлениях от первых встреч с ненцами, с тундрой.

Нынче публикуются страницы из дневников о последней ямальской зимовке В. П. Евладова — в 1935-36 годах. Написанные полвека назад, они публикуются впервые, так же, как и сопровождающие их авторские фотографии.

Стоит на мысе Дровяной, на северо-восточном краю Ямала, избенка, а точнее, каюта с баржи, разбитой на рейде штормом. Это мой «особняк».

Экспедиция в этот раз «оседлая», в отличие от моих прежних — сплошь кочевых. Снарядил ее Всесоюзный Арктический институт для изучения промыслов — рыбного, пушного, зверового. Кроме наших групп, снаряжен отряд во главе с товарищем Бурмакиным — он зимует на фактории Гыдаяма, и еще один, охотоведа-биолога Луня — на зверобойных промыслах мыса Таран, острова Шокальского и острова Вилькицкого.

Зима перевалила в новый, 1936 год.

Целые дни и ночи в доме на фактории толпятся десятки приезжих ненцев с женами и детьми. Ненцы разглядывают диаграмму заготовок: кто больше добыл за сутки песца, кто сдал больше за декаду, кто первый, кто лучший. Им, неграмотным, все понятно, потому что слева изображены фотографии, а справа наклеены цветные кружочки и палочки: один песец — палочка. Точь-в-точь как на бирках со счетом оленей, висящих у ненцев на поясе.

Владимир Петрович Евладов

У потолка сохнут свежие шкурки песцов. Горят керосиновые лампы. В доме теснота и непрерывный гул. Заполночь десятки нарт, нагруженные товарами, раздуются по тундре, чтобы завтра уступить место новым гостям. Чай кипит круглые сутки. На фактории «сухой закон» — пить спирт запрещено общим собранием зимовщиков.

Дверь открывается прямо на «живой» мороз. Строители не успели построить тамбур-сени. Белый морозный воздух густыми клубами стелется по полу за каждым входящим. Но в доме духота, даже жара.

В моем «особняке» этого теплового комфорта достигнуть не удается: утром 6—7 градусов холода. В дощатой каюте и стекла одинарные, местами порванные морозом, а больше стекла на фактории нет. Жизнь, как в чуме, все время в шубах и малицах. Зато тихо, уютно. У меня всегда толпятся ненцы, охотно и много разговаривают.

В середине дня все население фактории выходит по большому сугробу на крышу дома и смотрит на южный горизонт. Там день ото дня все светлее и шире разгорается «утренняя заря», окрашиваясь в розовый, оранжевый и, наконец, в красный цвет. Вот-вот брызнет ослепительный золотой луч желанного светила и возвестит радость приближающегося светлого дня.

Но нет... Сегодня солнце опять не показалось, да и не завтра еще покажется. Все это знают, а все же ходят, поглядывают. Двое зимующих детишек почти перестали гулять: солнышка нету — не хочется... Полярная ночь тянется без конца. Только серенькое утро приходит, а лампа-молния горит весь день без перерыва. Так и идет зимняя жизнь под 73-м градусом северной широты, в круглосуточной теменности по углам и закоулкам. Надоело уж...

Я сам в последнее время замечаю понижение тонаса жизни. Ежедневные трехкратные выходы на площадку метеостанции стали что-то тяжелы, хотя совершаю их по-прежнему бесперебойно. Песцовые ловушки, расставленные вокруг фактории в двух-трех километрах, давно уже не посещал.

Мой «домик» занесен снегом выше крыши. Я проделал с верхнего сугроба снежную лестницу вниз, к двери, сделал из брезента на каркасе небольшие сени, чтобы снег не завалил вход — тогда не выберешься после метели на улицу. На зимовку я привез целую библиотеку научных изданий, и углубляться в них в абсолютной тишине, под снегом — одно наслаждение.

Время от времени вдруг зашумит в верхнем углу у потолка пустая консервная банка, в которую встав-

лена проволока. Это — телефон: надо идти в факторию, там обед на столе, или чай вскипел, или ненцы приехали с песцами, зовут меня. В последние дни и эти выходы в «живой мир» стали как-то неинтересны, безразличны. Часто клонит ко сну.

Однажды ночью, после ужина, я, подправив свет в лампе, как обычно, лег спать пораньше. В каюте было морозно, я покрылся сверх малицы еще одной шубой и задремал. Вдруг слышу: по верхнему сугробу четкие человеческие шаги — спускаются по моей снежной лестнице. Кто-то входит в сени, стучит ногой об ногу, отряхивая снег, и дергает за ручку двери. Через порог перешагнула незнакомая, молодая, симпатичная женщина, со снежными кудряшками волос, выбившихся из-под каракулевой шапочки. Одета в элегантную каракулевую шубку, на ногах светло-серые фетровые боты.

— Разрешите? — спрашивает смело, звонким голосом.

Я с изумлением рассматриваю ее интересное, с нежным румянцем лицо.

— Вы здесь и живете? — спросила она, оглядываясь.

— Да... Кто вы, откуда?! Почему о вашем приезде ничего не было известно?

— Сейчас узнаете... Только позвольте мне задать вам один вопрос. Или просьбу...

Ее красивые глаза открылись шире, потом слегка прищурились, приняли остро-колючее выражение, и она процедила сквозь слегка оскаленные, крепкие и острые зубы:

— Отдайте мне ваши десны?..

Мороз пробежал у меня по спине под малицей... Я начал медленно подниматься со стула. Вслед за мной и она стала подниматься.

«Цинга!» — подумал я. И что есть мочи стукнул ладонью об стол, закричал:

— Нет!.. Не отдам!..

— Жаль... Очень жаль... — медленно и спокойно ответила она, покачивая головой, и начала пятиться к двери.

И опять я слышал скрип снега под ногами человека по ступеням снежной лестницы и выше, по сугробу, пока звук не затих.

Я сильно вздрогнул всем телом и... проснулся. Оказывается, не только ненцам черти полярные являютя — извольте радоваться... Должно быть, я заболеваю цингой.

Спать я уже больше не мог. Поправил лампы — оказывается, они нагорели порядочно. Не утро ли подходит? Взглянул на часы: пять утра. Я спал шесть часов — вполне достаточно для Заполярья. Скоро идти на метеоплощадку, снимать показания приборов.

Утром я поделился тревожной

догадкой с зимовщиками, предложил всем проверить себя и каждому принять меры: возможно заболевание. Сам же я решил вызвать оленеводу Сюеку Езынги, у которого содержались купленные еще осенью мои пять оленей с нартой, и отправиться, так сказать, «в отпуск» — жить в чумах ненцев, на вольном морозном воздухе, на рационе из свежего и мерзлого сырого мяса и мерзлой рыбы — вернейшего естественного средства против цинги. К этим яствам я привык и уверовал в них еще со второй своей экспедиции.

Мою метеостанцию я временно передал комсомольцу Шулину — кладовщику фактории, и отправился в тундру.

Все признаки цинги исчезли молниеносно. У меня прекрасное настроение, вернулась юношеская энергия, быстрые движения сменили вялость, появился порыв к работе.

И вдруг новая беда. Гонец с фактории привез письмо от национального Совета из Тамбея, с той стороны Обской губы: пропал Сигизмунд Сильвестрович Лушь и его спутник Широких. Они еще в ноябре на собаках выехали с мыса Таран на остров Шокальского, но к середине января туда все еще не прибыли, хотя езды максимум три-четыре дня.

Я направил гонца в чум Хаттибе Вененга и вызвал его на факторию. Я сказал Хаттибе, что надо искать двух пропавших русских. Он выделил из стада крепких быков, легкий чум и послал их через Яу-Няу (Обское устье) на поиски.

Неужели они оторвались на льдине и ушли в море? Но тогда должны остаться палатка, обломок нарты... Собаки могли уйти с ними в море. Если бы льдину прибило к нашему берегу, за два месяца они как-нибудь добрались бы к нам — не новички в Арктике...

Я собрал по чумам ненцев. Съехалось до пятнадцати нарт. Сообщила всем о несчастье, о том, что Хаттибе выехал на поиски. Попросил, чтобы при проверке капканов тщательно осмотрели все льдины, особенно новые, приходящие с той стороны — нет ли на них следов нарты, кусков дерева, частей от упряжки, отдельных собак.

Гуляют, наверно, бедняги на ледяном поле в огромной полыне Карского моря... Хорошо, если ружья и патроны при них — тогда они проживут на льдине и два, и три, и пять месяцев. Но придет лето — льдина растает, перевернется... Надо вызывать самолет. Это можно сделать только с радиостанции острова Белого. Значит, мне надо ехать

на Белый. Сказал об этом Нячки Езынги, и он решил меня сопровождать.

Наутро мы выехали. Наш путь лежал на запад по проливу Малыгина. Из первого же чума я послал вперед гонца найти чум Негру Ядне. Десять лет тому назад он стоял на реке Пайнд-те, тогда я был у него, установил с ним тесную дружбу. Теперь он мне тоже поможет.

Ехали часов десять. Мутная морозная ночь. Найдем ли мы чум Ядне? Нашел ли его мой гонец? Двигается ли Ядне или стоит на реке Пайнд-те? Если движется, то куда? Если мы его не найдем — придется ночевать в снегу, в «куропачьем чуме». Голодно. Ненцы с собой в дорогу не берут съестного — примета плохая. Хочется горячего, хочется к людям, к теплу. Все это очень далеко сейчас от нас. Олени устали, плохо слушаются тюра.

Ямал, Ямал, какой ты жестокий, неприглядный, трудный... За что я полюбил тебя? Десять лет назад, когда я начинал каслатя по тундре, ненцы прозвали меня Ямал Харюти — житель Ямала. Красиво звучало... Теперь прозвище «полияло»: зовут Гайво Хориче — лысая голова... Что гонит меня от троих ребят моих милых, от любимой жены, от культурной и уютной квартиры — сюда, в снеговую пустыню, в лютый мороз, где мечтаю я о куске мерзлого мяса и такого же мерзлого хлеба, о горячем чае в дымном и вшивом чуме? Что манит?.. Деньги? Нет, на Большой земле я могу заработать вдвое больше. Люди... Да, люди. Вот эти грязные, темные люди, первобытные кочевники... Их честность, их исключительное благородство в словах и поступках. Их высокая «бескультурная» культурность, до которой порою далеко нам, русским. Их инстинктивная коллективная помощь, их любовь к другим людям и поддержка — с жертвами для себя. Среди них нельзя погибнуть — не дадут. Их надо просветить, дать им новую культуру, мотор, электричество, радио, облегчить труд, быт. Мне нельзя от них уходить. Пока есть силы, надо быть с ними.

...Остановка. Нячке Езынга что-то осматривает на снегу.

— Гайво Хориче! Манекерт¹, костер был недавно...

— Кто же это?

— Не знаю, сегодня отсюда ушел. Сейчас будем искать, куда ушел.

Он скрылся в мутной мгле ночи. Что он может найти в пустой тундре?.. Я долго ждал, пытаюсь согреться на ветру. Вот пропадет человек в метели, и я останусь один с дву-

мя нартами неизвестно где. Правда, никогда этого не бывало, чтобы в тундре ненец пропал. Вряд ли будет и сейчас.

— Гайво Хориче! — раздалось из мглы. — Хасуо².

— Сово, сово, хасуо!³ — ответил я, обрадованный его появлением.

— Вот место костра, — показал он на снег. — Стоит около него палочка... Я долго искал вторую палочку, чтобы узнать, в какую сторону ушел чум. Она упала в снег, а я все-таки ее нашел. Это старик Негру Ядне нам показал, куда он скочевал.

Примерно через час нарты остановились. Нячке отстегнул передового оленя и выпустил его — распрягает! Я присмотрелся. Ба, да мы у чума! Он занесен снегом, потому не виден; собаки не лают — значит, тоже в чуме.

Трогательной была встреча друзей через десять лет разлуки. Сколько удивления и радости проявил старик Ядне, увидев и узнав меня: встретил как родного, не знал, куда посадить, и шкур подбросил, ящичек-столик поставил, велел принести нового мяса, рыбы... Наш гонец прибыл к нему вчера утром, на стоянку, которую мы видели, и Ядне продвинулся к северу, чтобы было ближе.

С утра старик готовил нарты, подгонял сбрую, наметил оленей. Ехать предстояло в три нарты. Ядне дал нам в проводники сына Паале, опытного в поездках на Белый. Паале уже сопровождал меня туда в 1929 году. Дорога трудная, она страшит старика: пролив широк, и священный Белый внушает ему суеверный страх.

Впереди поехал Нячке Езынги, за ним — Паале, и на последней нарте я. Мы хорошо отдохнули за ночь у Ядне. День был «помягче» — не более минус тридцати. Только ветер с юго-запада неприятен — такой ветер срывает от берега плавающие льдины.

Торосы, сначала небольшие, скоро начали повышаться. Первые льдины в полметра высоты к концу третьего попрыска сменились пяти-восьмиметровыми. Пролив здесь около 20 километров, мы должны попасть на остров уже третьим попрыском — соображаю я.

Но кончился и четвертый... Торосы — в пятнадцать метров. Они так нагромождены, что трудно ехать. Паале подозрительно озирается по сторонам. Судя по торосам, мы едем в море, а не к земле... Пятый попрыск. Нарта летит на торосы и бокком, и дыбом, а с них — почти кувырок. Торосы стали, как горы. Первоначальный хаос нагроможденных льдов...

² Хасуо — поехали.

³ Сово, хасуо — хорошо, поехали.

— Почему так долго нет земли? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Паале.

Нячке молчит — он ничего здесь не знает. Я смотрю на компас и вспоминаю схему карты. И тут я соображаю, что едем мы чисто на север, а надо бы на север-северо-восток. Должно быть, Белый остается в стороне; это плохо — можно миновать остров, и тогда впереди безбрежное море.

— Югу!.. — испуганно и с отчаянием кричит Паале.

Он стоит у кромки поля: ровная гладь льда километра на два-три.

— Что значит «югу»? — Я не знаю такого слова.

— Югу... — растерянно повторяет Паале и разводит руками.

Этого ровного льда утром еще не было, а была здесь чистая вода; за день она покрылась тонким стеклышком льда, и на него осел пушистый снежный иней, который и создает иллюзию крепкого льда. Мы доехали до чистой воды в море!.. Скверное дело...

Понял я наконец: «югу» — это значит потерял дорогу. Паале не знает, куда ехать. Редко это бывает с такими опытными проводниками, потому я и не слышал слово «югу»...

Как много раз бывало в тундре в критический момент плутаний, мне приходится «проводничать» по своему соображению и по компасу. Сейчас я убежден, что мы едем вдоль острова, берег все-таки уходит на север-северо-восток.

— Поезжай вот таким направлением, — я показываю на восток.

На седьмом попрыске мы повернули на восток. Только не отчаиваться. Север научил меня терпению и выдержке в пути. Торосы не снижаются, и ехать в густой ночи стало опаснее. Уже восьмой попрыск... Я сильно устал.

Передняя нарта полезла куда-то вверх, за ней вторая. Я тоже вылез с нартой на гору и вижу: спутники мои привязывают оленей к нартам.

— Земля, начальник! — весело говорит Паале.

Только сейчас вижу в темноте, что кругом впереди ровно, как стол, и никаких торосов — тундра, желанная, гладенькая!.. Ну, теперь нас не оторвет от берега, не возьмет море!

— Русские чумы! — показал Паале на едва заметный огонек. Еще через два попрыска показались силуэты домов со светящимися окнами. На Белом — электричество, вот так диво! Уличные фонари — огромные шары, как на Московском проспекте... Олени испуганно шаркнулись в сторону.

Из дома кто-то выскочил и радушно приветствовал:

¹ Манекерт — смотри.

— Ани дорово! Ани дорово! (Здравствуйте!)

Някоче и Паале вошли в сени. Я отряхнул снег и тоже вошел. Встречавший нас мужчина посмотрел на меня с удивлением.

— По-видимому, здесь уже не «ани дорово», а «здравствуйте»?.. — сказал он полувопросительно.

Я с улыбкой ответил:

— Пожалуй, можно и «здравствуйте»!

Передняя сверкала чистотой, полированными вешалками, линолеумом во весь пол, ярким светом. Из соседней комнаты вышел массивный, гладко стриженный пожилой человек — начальник станции Илья Александрович Сидорин. Я представился:

— Научный сотрудник Всесоюзного Арктического Института Евладов, зимующий на Дровяной.

— А! Евладов!.. А мы-то ждем вас с осени, что же вы так задержались?

— Верно, верно, собирался... Но все оказалось сложнее, все откладывал поездку из-за дел. И сейчас бы не приехал, если бы не несчастье.

— Что, что такое?

Я рассказал о нашем деле, просил помочь связаться с Большой землей. Илья Александрович немедленно распорядился послать телеграммы в Главсевморпуть.

Тем временем был накрыт стол: обычные консервы разных «изданий», колбасы, сыр, масло, окорок, пироги, рыба и еще много всяких разновидностей. Приборов — до пятнадцати, по всем правилам: по три тарелки, полные наборы ножей-вилки, стаканы, стаканчики, стопочки... Ну, фирменный ресторан, даже лучше!

Мои спутники явно заробели. Они скромно сидели рядышком, с живописно торчащими во все стороны волосами, в русских рубахах без поясов, сплошь покрытых оленьим волосом от малиц. Я был просто подкуплен общей предупредительностью. Ненцы вскоре заметно повеселели и тоже были вполне удовлетворены.

— Гайво Хориче! — позвал меня Някоче. — Когда за тобой приехать, скажи?

— Я тебе утром скажу, сейчас спать будем.

— Нельзя. Мы поедем.

— Куда вы собрались?! — изумился я.

— Да ведь олени целый день не ели, и сейчас не едят. На Белом ягеля вовсе нету... Надо скорее ехать в чум.

Мы условились, что они приедут через пять дней. Я остался ждать ответа из Главсевморпути. Пять дней я позволил себе отдохнуть в уюте. У каждого зимовщика, или у двух одиночек — отдельная просторная комната, у каждого чистая постель, в изголовье пара наушников и судо-

вая электрическая лампочка. Хорошая библиотека, научные занятия, обучение радиоприему и передаче, изучение иностранного языка... Дорогой радиоприемник три раза в день сообщает последние известия, дает концерты для полярников, а иногда и переключку с родными. Четырехслойное стекло в оконных рамах особенно подчеркнуло несравнимый контраст с нашим убогим жильем... На зимовке постоянно находится опытный врач, который сказал полусуто:

— Хотя бы кто-нибудь заболел, а то и практики никакой!..

А я столько видел в чумах непочатой врачебной работы...

Но в этом сверкающем заполярном «уголке Москвы» я нашел крупнейший, недопустимый недостаток в работе. Его хорошо видели и сами зимовщики, но не знали, что предпринять. Лишь осенью сюда заезжали две нарты с промышленниками-ненцами, да сейчас со мной приехали двое — вот и все соприкосновение с местным коренным населением. У нас на фактории внешнее бескультуре, жар и холод впережку, нередко круглосуточная работа, на которой люди иногда «неорганизованно» засыпают: кладовщик заснул как-то на бочке в холодном складе, завфакторией — под кроватью, куда

Сигизмунд Лунь погиб во льдах Карского моря

залез за особо охраняемым товаром... У нас полный отрыв от Большой земли, но зато не только теснейшая связь с массами коренного населения, но и общая жизнь, общая работа с ними. Здесь же не знают даже, живет ли на Белом кто-нибудь; не умеют объясняться с ненцами, так как никто не знает языка...

Я был приглашен в комнату Комова Николая Николаевича. С ним зимует его симпатичная жена Ольга Николаевна — они оба челюскинцы, награждены орденами Красной Звезды. Сюда прибыли на два года. Комовы закидали меня вопросами о жизни ненцев. Ольга Николаевна попросила написать статью в их белоостровскую стенгазету — хоть и «самодельную», но все же периодическую.

Я, сохраняя стиль ненецкой своеобразной культуры, решил написать сказание о Белом острове, которое ненцы иногда поют в дыму костра бесконечной полярной ночью. Это сказание о возникновении белоостровского бога Сэру Ирику — Белого Дедушки, который считается самым сильным богом на Ямале и в окружающих тундрах. Статья вышла вполне удачной по размеру и по экзотическому содержанию.

Было намечено «главное звено», за которое мы считали нужным ухватиться — это организация первого Северо-Ямальского простейшего производственного объединения ненцев вокруг имеющихся промыслов.

Белоостровцы в возбужденном состоянии... Радиогруппа готовит передвижку для Дровяной; механики предложили сделать для чумов десяток железных печей моей конструкции; синоптики и метеогруппа готовят приборы для пополнения нашей метеостанции; доктор комплектует медикаменты; начальник выделяет продовольствие для подкрепления нашей фактории... Надо было мне давно приехать!.. А то планы заготовок пушнины перевыполняем, а самых ходовых товаров не имеем...

Лежа на мягкой кушетке в кабинете Илья Александровича, на белоснежной простыне, сам чистехонький после прекрасной бани, я невольно думал обо всем этом.

Утро, когда я должен был отбыть, принесло ветер. Шел антициклон.

— Владимир Петрович, вы сегодня не поедете, начинается метель, — сказали мне. — Да и нарты не придут...

— Нарты придут. Мои ребята выедут, как обещали.

— Как же вас отпускать в метель?!

— А как же олени будут стоять без корма?

— Но не погибать же вам из-за оленей...

— В тундре в метель не погибают. Это ведь не Европейская Россия, где заблудившиеся замерзают в километре от села... Зароемся в снег и будем спать, а олени будут есть ягель. Потом куда-нибудь высьдем: олени след чувят и сами найдут первый же чум.

День прошел в сборах. Мне давали всяких подарков для зимовщиков Дровяной. Ольга Николаевна снаряжала мужа — Николай Николаевич решил ехать с нами.

Орлы мои явились часам к восемнадцати, оживленные и уверенные:

— Гайво Хориче, мы сегодня не плугали и доехали скоро.

— Вот это хорошо! — похвалил я их.

Пока шли последние сборы, радист принял наконец радиogramму из Москвы — на розыск потерявшихся наших товарищей выслан самолет.

Часов в десять ночи мы выехали на трех нартах с гостеприимного острова на материк, в родные чумы.

Впереди ехал Ядне, за ним Езынги, на третьей нарте я — кучером, и Комов — пассажиром. Николай Николаевич никогда не ездил на оленях в длинный путь, ему были интересны своеобразные приемы управления четверкой оленей при помощи одной вожжи и длинного шеста — тюра.

Через полчаса на большой скорости мы услышали треск и крик: Ядне сильно переломал нарту. Отъехали уже километров двадцать, да и все равно на станции запасной нарты нет. Ядне выпряг оленей, привязал их к нарте Езынги. Теперь мы на двух нартах поехали по двое.

Скоро на жестких застрагах затрещала вторая нарта, и развалилась так же, как первая. Мы опять остановились. Положение сделалось трудным. Ехать вчетвером на одной нарте невозможно: оленям и двоих везти тяжело. У нас же еще и порядочный груз — вот когда я поругал себя за «жадность»: как хотелось увезти все, что собрали на станции для нашего бедного Дровяного... И набрали, так что нарты не выдержали. Теперь ни вперед, ни назад.

— Положение хоть и трудное, но гибелью отнюдь не угрожает, — заявил я. — Вот посмотрите, какую «нарту» мы сейчас справим.

Неоднократно я наблюдал, как ненцы передвигаются без нарты: они привязывают к построкам шкуру оленя за уши, на нее кладут груз, а сами идут пешком. Я и начал устраивать волокушу.

Николая Николаевича мы уговорили вернуться с проводником на Белый. Ядне отправился в свой чум — сменить оленей и выехать за

нами на трех нартах. Остались мы с Някоче Езынгой среди белоостровских снегов, пешне, с восемью оленями. Малицы плохо рассчитаны на пеший ход, очень уж они теплы. Скоро пот заструился со лба, мы присели отдохнуть. Някоче сказал:

— Видно, Сэру Ирику чем-то недоволен. Жертву, может быть, ему плохую сделали.

— Нет, Езынги. Нету никакого Сэру Ирику... Просто не надо было так перегружать нарты.

— Что ты, Гайво Хориче! Есть Сэру Ирику, он живет на острове!

— Енгу, — говорю (нету).

— Таня (есть).

— Енгу, енгу, — повторяю я.

— Таня, — убежденно говорит он.

Мы покурили. Двинулись дальше. Езынги ведет оленей, я поправляю груз. Он валится на бок при движении и тормозит.

— Посмотри, что-то впереди, в снегу... — сказал Езынги.

— Должно быть, лодка, ее снегом занесло.

— Лодки тут никогда никакой не было.

— Ну, значит, русские со станции что-то оставили.

Подожли к торчащим из-под снега деревяшкам. Езынги начал откапывать.

— Гайво Хориче!.. Нарта!

Нарта была странная — не ненцкой работы, а русской: вроде охотничьих санок на широких полозьях.

Я всегда удивлялся искусству ненцев чинить поломанные нарты одним ножом, что всегда у них на поясе, и веревками или ремнями. Другой раз кажется, что нарта разлетелась вдребезги, но они повозятся час-два — и готово! Когда мы уложили на нарту багаж, и Езынги впряг четверку оленей, четверку привязал сзади воза, а потом взгромоздился впереди багажа, оседлав сани, как коня, я опять (в который раз!) изумился мастерству и уверенности ненца в работе.

— Ну, трогай! — махнул я оленьей рукавицей. — Я пойду впереди.

— Куда пойдешь? — не понял Езынги. — Садись позади груза.

И я примостился сзади, также верхом, охватив узкую нарту ногами и прильнув к грузу. Езынги шикнул на оленей, и они побежали рысью. Диковина, просто диковина!.. Кто-то бросил сломанную нарту, как негодную, а мы на ней... рысью! Да с грузом, да взгромоздившись — два мужика...

Ба-ба-ба... Да ведь это же нарта альбатросовцев, — догадался я вдруг. Гидрографы на судне «Альбатрос» в 1932 году потерпели крушение у северного берега острова Белый, и нарту оставила группа капитана шхуны Власова, делавшая попытку

пешком выйти на Ямал. Тесна Арктика: потерпевший аварию три года назад и спасенный ненцами капитан Власов выручил из сегодняшней аварии своей нартой ненца Някоче...

— Видно, и впрямь Сэру Ирику твой живет на Белом острове и помогает нам, хотя мы ему жертв не принесли!

Да, нынче мы шутим на эту тему, я и ненец. А десяток лет назад здесь мне было не до шуток. В вочину Белого Дедушки, в святая святых тундры, меня не хотели пускать. Тундра не забыла, как ездил по ней в 1908 году русский ученый Борис Житков и брал идолов с жертвенников Ямала. Требовал он увезти его и на священный остров, чуть не силой заставлял. Зато и подчинились формально: свозили чуть не на четверть часа — туда и сразу обратно. И мне, двадцать лет спустя, в 1928 году, об этом напомнили.

К счастью, мои отношения с населением, не знавшие обмана и своекорыстия, сложились к тому времени прочно. Сам шаман дал мне свою морскую лодку и людей, сам перевез через пролив, сам указал, где что на острове, потом терпеливо ждал, позволив работать столько дней, сколько мне было угодно...

Дровяная выделила на Белый переводчика — комсомольца Шулинина и двух молодых ненцев-практикантов — будущих радиста и механика. Белый послал к нам на полтора месяца опытного радиста для монтажа радиостанции. Врач Умова отправилась в сопровождении переводчика в широкий объезд по чумам и развернула амбулаторию на Дровяной. Челюскинец Комов помог организовать правильные регулярные метеонаблюдения.

Мы обеспечили метеопередачу на Белый и Диксон в оставшиеся полгода зимовки. От нас пошли телеграфные отчеты о ходе пушных заготовок.

Механики Белого сделали из остатков железа печи для чумов, и мы развезли эти печи ненцам — на смену дымным кострам.

Ненцы увидели эту практическую помощь двух советских коллективов и оплатили за нее дружеской привязанностью.

Самое дорогое, что они нам предложили, — остаться на повторную зимовку...

Подготовил к печати
П. ЕВЛАДОВ

За 9 дней до Талали- хина...

Александр
АБРАМОВ

О подвигах наших летчиков в годы Великой Отечественной читал каждый. Наверное, нет человека, который не слышал бы о том, что такое воздушный или огненный таран. Среди фронтовиков, совершивших тараны, достойное место занимают и уральцы. Так во время ночных налетов фашистской авиации на Москву одним из первых отличился старший лейтенант Петр Еремеев; 29 июля 1941 года таранным ударом он уничтожил вражеский бомбардировщик. Но — обо всем по порядку.

Шел второй месяц войны. Над летным полем 27-го истребительного авиационного полка повисла быстротечная июльская ночь. В 1 час 30 минут старший лейтенант Петр Еремеев получил задание на воздушное патрулирование в районе Ново-Петровка. Уже сидя в кабине своего МиГа, Еремеев услышал далекий перестук зениток. Поначалу глухие и едва различимые, выстрелы становились все отчетливее, все яростнее. Очевидно, немецкие самолеты пытались прорваться сквозь заградительный огонь. Взлетев, Еремеев взял курс на северо-восток. Вслед за ним в воздух поднялся капитан Майковский. Летчики окунулись в непроглядную темень — густую и вязкую. Но темнота не особенно мешала Еремееву: чуть ли не раньше всех в полку освоил он ночные полеты, хорошо ориентировался по приборам. На его счету, между прочим, было уже пять ночных боев и один сбитый «юнкерс». Свою первую победу Петр одержал 22 июля, когда поднятые по тревоге эскадрильи на подступах к столице встретили вражескую армаду в двести пятьдесят с лишним бомбардировщиков. Причем в ту ночь он получил ранение, но, сделав перевязку, отказался идти в санчасть и еще дважды поднимался в небо для отражения налета немецкой авиации.

Указом Президиума Верховного Совета от 24 июля 1941 года вместе с другими отличившимися воздушными бойцами П. В. Еремеев был награжден орденом Красного Знамени. А в начале августа на одной из площадей столицы москвичи с интересом рассматривали обломки фашистского самолета, рядом с которым на щите была надпись: «Хвост немецкого бомбардировщика, сбитого под Москвой старшим лейтенантом Еремеевым».

На следующий день, 30 июля, он рассказал однополчанам обо всем, что с ним приключилось, позже газета «Правда» опубликовала его рассказ:

«Сначала я увидел, как прожектористы нащупали «бомбера». По нему уже кто-то из наших стрелял. Оказалось, что это был капитан Майковский. Я стал догонять немца, дал подряд несколько коротких очередей. Только развернулся, чтобы зайти для новой атаки, смотрю — «юнкерс» как в воду канул, выскользнул-таки, «лаптежник»* поганый. Почти сразу мелькнул силуэт другого пирата — он шел обратным курсом для бомбежки. Меня удивило, что шел этот негодяй какими-то пьяными, короткими зигзагами, не предусмотренными теорией полета... Развернулся, а пристроиться никак не могу. На другой машине сразу бы удалось, а у этой скоростенка порядочная — сунешься под прицел стрелка, а еще хуже — врежешься в машину. Все же пристроился и начал из боковых пулеметов длинными очередями. Нижний стрелок «юнкерса» умолк, верхний же продолжал вести огонь из крупнокалиберного, правда, довольно бестолково. Мне удалось занять выгодную позицию под стабилизатором противника. Стоило пойти на сближение, как меня начало сильно качать потоками воздуха и выхлопными газами бомбардировщика. Пока немецкий самолет находился в поле моего зрения, я не жалел патронов. В самый разгар боя кончились боеприпасы. Жарко мне стало от злобы: вроде я эскортирую гада. Одна мысль не давала покоя — как бы не допустить фашиста к цели. Рискнул: дал скоростенку и рубанул винтом. От удара посыпались искры и «юнкерс» пошел к земле. Кое-как выровнял самолет, но началась такая тряска, что трудно было удержать ручку управления. Понял, машину не спасти, надо прыгать...»

С невероятным трудом преодолевая сопротивление встречного потока воздуха, летчик все-таки прыгнул, а когда парашют раскрылся — увидел горевший внизу самолет. Однако Петр не мог знать — чей? Приземлился мягко на опушке леса...

Вот что сообщил о Еремееве бывший командир 6-го истребительного авиационного корпуса московской зоны ПВО генерал-полковник запаса Иван Дмитриевич Климов, под началом которого тот служил и воевал (интервью у генерала взял майор в отставке В. Кузнецов): «Петр Васильевич сразу же после окончания Оренбургской военной-авиационной школы, как один из лучших выпускников, был направлен летчиком-испытателем в летный отряд особого назначения при НИИ ВВС. В дальнейшем на базе этого отряда и был сформирован наш 27-й истребительный полк. Когда мне доложили, что Еремеев совершил ночной таран, я не сразу поверил: нам ведь не было известно случаев ночного тарана. В тот же день, 29 июля, когда он вернулся в полк, я разговаривал с ним по телефону. Петр Васильевич доложил, как все произошло. Затем и комиссия сообщила, что нашли обломки стабилизатора вражеского бомбардировщика и концы лопастей винта от истребителя Еремеева.

Написали представление за этот подвиг к ордену Ленина. От нас потребовали документы экипажа и оружие с вражеского самолета. Лишь через неделю прожектористы 14-го зенитного полка передали, что вместе с жителями деревни обнаружили в районе Истры бомбардировщик. Но случилось так, что на этот раз документы не были отправлены из полка. Так Еремеев остался негражданином. Вскоре его назначили командиром эскадрильи в 28-й истребительный авиационный полк, а в конце августа сорок первого полк вышел из моего подчинения».

Тем не менее, по указанию командования ВВС Московского военного округа во всех авиачастях были организованы беседы «Как летчик Еремеев винтом своего самолета изрубил фашистского стервятника». Среди слушателей был тогда и младший лейтенант Виктор Талалихин...

О таране Еремеева написали газеты «Красный воин», «За храбрость», дважды — «Красная звезда». Подробно

* «Лаптежниками» фронтовики называли «юнкерсы» с неубирающимися шасси (прим. авт.).

остановился на этой теме писатель Алексей Толстой, посвятивший в статье «Таран» отважному летчику много добрых слов. Есть и живое свидетельство, правда, о других заслугах Петра Васильевича, однополчанина Еремеева по 28-му истребительно-авиационному полку Героя Советского Союза, подполковника запаса В. Н. Матакова, не раз участвовавшего в воздушных схватках вместе с командиром 1-й эскадрильи. Базировались истребители тогда на поле-вом аэродроме в районе Осташково. Вспоминая те дни, В. Н. Матаков рассказывал юным следопытам с Урала: «Упорные и тяжелые бои с численно превосходящим в несколько раз врагом обескровили наш полк. Только в эскадрилье Еремеева оставалось несколько самолетов МиГ-3. И в этом была его заслуга. Немцы очень настойчиво искали наши полевые аэродромы и бомбили самолеты на земле. Но комэск обхитрил фашистов: на посадочной площадке установили макеты копен сена. Когда истребители взлетали и садились, копны убирались, а затем снова ставились на свои места. Самолеты же тщательно маскировались на опушке леса. С воздуха ничто не напоминало о присутствии МиГов — просто скошенный луг.

Мы почти не вылезали из самолетов. Очень тяжелое было время. Но Еремеев умел подбодрить, вселить уверенность в людей. Он охотно делился опытом, никогда, ни при каких обстоятельствах не повышая голоса на своих подчиненных, не говоря уже о товарищах по службе. Он пользовался у нас, молодых летчиков, непререкаемым авторитетом и уважением, у него многому можно было поучиться...»

Биография героя проста. Петр Васильевич родился 11 июня 1911 года в крестьянской семье в деревне Бердино Уфимского района Башкирской АССР. Только окончил семилетку — семья переехала в город Аша Челябинской области. Здесь поступил работать молотобойцем в клепальный цех металлургического завода. А спустя два года предприятие направило его, как ударника труда, учиться в Златоустовский металлургический техникум...

Еремееву пошел 31-й год, когда трагически оборвалась его жизнь.

2 октября 1941-го эскадрилья под его началом прикрывала действия штурмовиков в районе Филиппова Гора, Залесье, Поленово, Селигер. В 14 часов 33 минуты командир эскадрильи уже в третий раз за день поднялся в воздух с молодыми летчиками. На обратном пути шесть «мессершмиттов» неожиданно вывалились из облаков и атаковали МиГи. В упорном и неравном бою немцам удалось поджечь машину Еремеева. На горящем истребителе старший лейтенант дотянул до деревни Красуха, где МиГ врезался в землю и взорвался. Погибли и ведомые летчики. Комэска захоронили военнослужащие войсковой части, которая в то время дислоцировалась в Красухе. В 1956 году останки летчика были перенесены в братскую могилу в погосте Черемуха, что в 3-х километрах от деревни Красуха. За день до его гибели, 1 октября 1941 года, командование 4-й смешанной авиационной дивизии подписало его «Боевую характеристику», где говорится: «...в системе ПВО Москвы имел более 50 ночных вылетов. С 26 августа... по 2 октября 1941 г. — командир авиаэскадрильи. Имеет более 70 вылетов. Из них — 26 на штурмовку врага. Тов. Еремеев как летчик и комэск подготовлен хорошо, летает грамотно и уверенно, с людьми работать может. Правдив, настойчив... Имеет массу поощрений».

Кто бы мог подумать, что спустя десятки лет после Победы с архивными документами Петра Васильевича Еремеева произойдут таинственные метаморфозы: вдруг из личного дела летчика исчезнут все листы, свидетельствующие о его участии в Великой Отечественной войне? Случайно ли это? Ведь личное дело офицера — зеркало его жизненного и боевого пути. Ну как тут не перефрази-

ровать строчку знаменитого поэта — если архивные документы уничтожают, значит, это кому-то нужно...

Из копии докладной записки врио начальника Центрального архива МО СССР полковника И. Лучкина, полученной в ответ на запрос автора: «...имеется на хранении три личных дела на старшего лейтенанта Еремеева Петра Васильевича... Все личные дела содержат документальные материалы за довоенный период. Так, в личном деле на Еремеева П. В. за инв. № 133401 последний документ, подшитый в дело, датирован 30 августа 1936 года, за инв. № 451974 — 3 декабря 1938 года и за инв. № 499446 — 20 ноября 1940 года...»

Из этой докладной можно заключить, что Петр Еремеев вообще не участвовал в войне! К тому же, если летчик никак не отмечен наградой, то, может, и не было тарана? Но как быть с газетными публикациями, со свидетельствами живых еще однополчан Еремеева? А Алексей Толстой — все же выдумал все, наврал?

Возникает вопрос: а вдруг и вовсе не существовало в архиве документов, зафиксировавших ратные дела П. В. Еремеева? Существовали! Большой материал, подтверждающий это, собрали о своем земляке и хранят юные следопыты группы «Поиск» из школы г. Аша Челябинской области под руководством Александра Сергеевича Беднюка. Скажу больше. Я своими глазами видел копии с «военных» листов дела Петра Васильевича, занимаясь в свое время его подвигом, а копия с «Боевой характеристики», о которой шла речь, была снята из личного дела П. В. Еремеева в 1968 году! Спрашивается — куда и зачем исчез оригинал?

Автор рассказал о подвиге Петра Еремеева и истории с пропавшими документами бывшему летчику-фронтовику Борису Ефремовичу Киселеву. «Выходит, забыли героя, — возмутился он. — А на каждом перекрестке шумим: никто не забыт, ничто не забыто. Обидно и досадно. Еще, кажется, Пушкин заметил, что падение нравственности начинается с забвения предков... Не укладывается у меня в голову, — продолжал ветеран, — почему мы жадничаем, когда надо по совести оценить подвиг тех, кто отдал за нас свою жизнь? Зато кое-кто самым бесстыдным образом через десятки лет после войны нацепил на грудь Золотые Звезды, и не одну. Только вот никто не может догадаться — за что??? До чего же мы докатились?! Может быть, потому так и живем, как живем?»

Наверное, стоит прислушаться к крику души бывшего солдата. В этой связи не могу не вспомнить статью Михаила Львова «Бои после боев» (Известия, 20.8.91.), повествующую о длительной и многотрудной борьбе, которую ведут ветераны войны за справедливую оценку подвига экипажа бомбардировщика ДБ-3 под командованием младшего лейтенанта Петра Игошева, таранившего противника. В ней М. Львов абсолютно резонно спрашивает: «...Но почему все должен «пробывать» фронтовик-энтузиаст?! Почему этим не занимаются те должностные лица, которым платят за такую работу?»

Думаю, Указ (о награждении. — А. А.) все-таки состоится. Это нужно не им, погибшим, это нужно нам, живым». Точно так же заслуживает своего Указа Петр Васильевич Еремеев. Ведь сотни тысяч ветеранов войны награждены орденами уже только за то, что были в действующей армии. Как же могло случиться, что Петр Еремеев, совершивший редчайшей отваги поступок на девять дней раньше знаменитого Виктора Талалихина, остался без награды?! И что поразительно: В. Талалихин таранил противника ночью 7 августа 1941 года, а уже на другой день — 8 августа — стал Героем Советского Союза! При чем никто не требовал никаких комиссий, никто не искал свидетелей, ни вещественных доказательств, как это было после ночного тарана, о котором идет речь.

Им, погибшим, и впрямь вряд ли так уж необходимы эти наши запоздалые регалии. Но нам-то — не пора ли перестать мудрить со своим прошлым, перечеркивая тем самым и будущее?

**Игорь
САХНОВСКИЙ**

* * *

Он помалкивает пока, но воздушная прорва
все с бoльшим усилием пьется,
он еще не готов, но уже подкатывает момент,
когда он берет себя, как партитуру,
и он сам себе инструмент,
от которого после музыки ничего почти не остается.
Оскверненный легендой о роли поэта,
отдавший бессмертье за две
беспризорные жизни,
за неказистое, бледное пламя лица,
он виновен, как нацменьшинство, и уж точно —
всегда в меньшинстве,
даже если русак среди русских
или в затхлой овчарне овца.
Вот о ком белоснежные дамы тоскуют,
его не видя в упор.
Рано лысеющий, сутуловатый, с шаркающей походкой,
гений, трепач, ясновидец, предатель, вор.
Вот кого обожают, трясут за грудки
и посылают за водкой.
Вечно он затевает какой-нибудь срам или вздор —
будь то площадь ночная, чужая постель
или кухонный злой пяточок —
рот пытается уста, взгляд едва не насилует взор,
плечи голые пот золотит, сажа начисто белил зрачок.
...За окном то ли брезжит разгадка,
то ли тонет зарничный челнок.
Стоит только уснуть — и тебя забирают
в посмертные гости, как в плен.
Снятся: в лепете, в свете концертном
весталка, лазурный чулок,
ставит грубую виолончель
между тонких пугливых колен.
Это музыка ей позволяет
так прилюдно сидеть и поверх темноты
видеть, как созревает невольное утро
в утробной неволе...
И куда как теснее призвание
женской тугой тесноты,
и куда как просторней осеннего сжатого поля.

БАЛЛАДА О ПОДПОЛКОВНИКЕ

В. А. Масальцеву

Он пятилетку прожил подполковником,
упорно веря в новую звезду,
которую получит по труду,
служа под этим самым, под полковником.
Все остальное он имел в виду.

По коридорам отдавая честь,
он не боялся вдруг лишиться чести,
поскольку человек примерно двести
наличного состава, все как есть,
хоть в мирной обстановке, хоть в бою
ему без боя отдадут свою.

...С утра как повнедряешь в молодежь
основы политической закалки —
захочется поспать. Куда пойдешь?
К Пахомкиной — она, пусть не в манто
и навсегда застряла в коммуналке,
зато не претендует ни на что.

Как раз — среда. Она по средам ждет.
Все приготовит в самом лучшем виде.
(Сказать по правде, кое-что гнетет —
и рыбой пахнет, и соседи видят...)
Примерно час на болтовню уйдет,
потом попсишь, не глядя, и — вперед.

Вся жизнь — приготовление к атаке:
то вызов к замначальнику-собаке;
жена гульнет и вцепится клещом;
а то — есть мненье — перед Годовщиной,
до праздников, покончить с девовщиной,
покуда эти штатские писаки
не сочинили что-нибудь еще...

Но я уверен, что свою науку
Всех побеждать и все иметь в виду
он передаст взволнованному внуку
и даст потрогать новую звезду.
Внедряй свой опыт, человек и воин!
Какой поэт тебя воспеть достоин?

Какой Толстой опишет до микрона
твой облик в рамках «Мира и войны»,
не подорвав при этом обороно-
способность флота, армии, страны?
Построив, но еще не перестроив,
народ желает знать своих героев.

А если ты считаешь неприличным
такой расклад и; боже упаси,
надуманным... Спроси состав наличный,
обученный и ко всему привычный.
В конце концов, Пахомкину спроси!..

ГОРОДСКАЯ ОДА

Там молочную хмарь нагоняет железный завод
и за вредность дают возле рыжих знамен постоять,
там по встречному плану завод зачинает завод,
перед тем, как соврать, говорят:

«Не могу умолчать...»

Там Европа и Азия стынут в обнимке глухой,
монументы в тугих пиджаках там и там — на посту.
Правда, в Азии можно купить пирожки с тубухой,
и туда европейцы в трамвае летят по мосту.
Там Шевченко, сугубый, до дембеля еле дожил,
так и так, мол, «никто не заплачет»,

настырно твердит.

Там Папаша Веденский себя не унижил до лжи,
потому-то майор, бедолага, ночами не спит.
Это все называется словом, затасканным так,
что его не впускает сознание, как «Слава труду!»,—
этот неопикуемый орденосный бардак,
над которым от нежности дохну — и слов не найду.
Называется так, что невольное имеешь в виду
бред родильной горячки,

и пристальный свет Рождества,
и уродливый смак, и породистую нищету —
все, чем заражена перелетная наша листва.

* * *

Подурневшая на глазах,
тяготилась детьми, как довеском.
Тот землистый одышливый страх
назывался: повестка.

Там кусочек известки отбит,
там тайник, где прилипла ириска.
Этот бедный утраченный стыд
назывался: прописка.

Потому ли в глазах горячо,
что на радужке чуждая малость
угнездилась,

и как там еще
эта жизнь называлась?..

Хроника
неоконченного
путешествия

Рисунки
Павла Крапивина

4. Самолет

Вторая половина дня запомнилась мне перепутанно. Опять были площади и улицы — то тихие, деревянные, то с блеском и многоэтажьем современных столиц. Иногда полузнакомые, а порой фантастические. И книги, книги... В одной лавочке я увидел даже свой «Тополиный архипелаг» на японском языке. Почему-то застенялся и положил книгу обратно — между цитатником Мао Цзедунa и английской лoцией Красного моря.

В конце концов Сашка вывел меня на плоский берег, к излуине широкой желтоватой реки. Другой берег был тоже низкий, и на нем, в отдалении от воды, стояла одноглазая церковь, похожая на храм Покрова на Нерли. Я вспомнил, что видел ее, когда мы, мальчишки, плыли на плоту, связанном из надувных камер. Но сейчас нигде, даже у горизонта, я не различал города, только ровные луга, над которыми низко висело солнце. Белая церковь от вечерних лучей казалась вырезанной из слоновой кости, а травы золотились.

Я сел на корму брошенной в траве лодки.

— Вы устали? — спросил Сашка.

— Немного, — соврал я. На самом деле устал сильно. И все-таки было мне хорошо. Только не хотелось вставать.

Продолжение. Начало в № 1, 1992.

— Ничего, — сказал Сашка. — Завтра у нас еще день... Куда пойдём? — И вскопчил на другой конец лодки. — Может туда? — Он махнул рукой. — Или туда...

Наверно, мне показалось или просто придумалось потом, но сейчас вспоминается, как при каждом взмахе его коричневой ломкой руки вдвали открывалась то улица с причудливыми домами, то панорама целой столицы, размытая в предзакатном воздухе, то морская даль с желтыми от солнца парусами... Гибкий, с разлетающимися волосами, покрытый бронзовым налетом, Сашка дирижировал пространствами. Смеясь, он поглядывал на меня... И это одно из самых хороших воспоминаний в моей жизни.

В Подгорье мы вернулись через амфитеатр с желтой сиренью (он оказался совсем недалеко от излуины). На улицах уже зажглись фонари. Было очень оживленно, городок готовился к празднику в честь недавнего грибного дождя. Стайками ходили парни и девушки с гитарами. Кое-кто уже в карнавальных костюмах. Промаршировала колонна мальчишек с флагами всех цветов. Впереди два малыша несли на носилках громадный турецкий барабан, а третий умело бил в него колотушкой.

— Завтра будет еще веселей, — сказал Сашка и почему-то вздохнул.

Через площадь Каменных Ворот несколько рослых ребят в алых рубашках катили желто-красной небольшой самолет. Он был, видимо, легонький, шпангоуты и нервюры проступали сквозь ткань плоскостей и корпуса.

— Неужели настоящий? Откуда он здесь?

— Да ну, просто макет, — пренебрежительно отозвался Сашка. — Это клуб «Расколотое небо». Они так протестуют против запрета на полеты. Ну, в общем, символически...

— А похоже, что у него мотор...

— Он же электрический, слабенький. Чтобы винт крутился для видимости...

В гостинице я, рискуя навлечь недовольство хозяйки, все же заказал ужин в комнату. Сашка лениво сжевал сосиску, брякнулся на кровать, посадил под бок урчащего Чибу-котенка и открыл «Плутонию». Я устроился в кресле у окна. Большущий знакомый месяц висел над крышами и фонариками Подгорья...

Сашка вдруг виновато сказал из-за книжки:

— А себе вы там ничего не купили...

— Зато насмотрелся на разные диковины. За всю жизнь столько не видел.

— И все-таки главное не нашлось... — печально и упрямо произнес Сашка. — Вы ведь книгу про трехмерные зеркала искали?

Я помолчал и устало признался:

— Не только... Я немного еще надеялся на чудо.

— На какое? — Сашка сел.

— Да тут такая история... В разные годы, когда у меня не получалась очередная книжка, мне казалось, что уже все: никогда я ничего путного больше не напишу. Знаешь, такое состояние, как у того самолета — винт крутится, а сам не с места... И вдруг вспоминал я, что есть одна тетрадь. В ней я начинал писать когда-то большую повесть, а потом почему-то отложил, хотя сделано было больше половины... И вот я вспоминал эту тетрадь и начинал понимать, что повесть в ней для меня самая главная. Самая лучшая. И это было как спасение...

— А про что повесть?

— Да если бы я знал! Когда Тетрадь снилась, я помнил все — и как она выглядит, и что в ней написано, каждый эпизод, каждую строчку. А просыпался — и чувствовал, как все ускользает из памяти. Не ухватишь, не удержишь...

Сашка осторожно спросил:

— Так может, это просто сон?

— Конечно... Только иногда казалось, что не сон. Я начинал копаться в архивах, в дневниках, в старых записях. Думал, вдруг найду? Я ведь ее так отчетливо представлял: пухлую, с потрепанными уголками, в ледериновой обложке — коричневой, с трещинками... Вдруг там и правда что-то ценное и забытое?.. И думал еще: может, жена случайно выбросила со старыми бумагами, когда разменивали квартиру?.. И тогда Тетрадь могла каким-то путем попасть к торговцам книгами и рукописями... Видишь, до каких фантазий можно докатиться на старости лет...

— Во-первых, нет у вас никакой старости, — задумчиво сообщил Сашка. — Чибо, брысь, чудовище, не царапайся... А во-вторых... что же вы сразу не сказали? Надо искать там, где всякие случайные редкости...

— Нет, брат, чудес не бывает... — умудренно сказал я и тут же подумал: разве не чудо тот мир совмещенных пространств, по которому бродили мы с Сашкой? И нерешительно добавил: — Возможно, это была повесть о Дороге...

Сашка не спросил, что такое Дорога. Видимо, знал.

5. Стереоскоп

Утром из зарослей желтой сирени мы вышли на цветущий луг. Всюду белели ромашки, веснушками рассыпалось по зелени желтое мелкоцветье. Тропа была узкая, Сашка шел впереди. Над его головой летали бабочки-капустницы.

Мы пришли к темной зеленоватой речке с мостиком из поперечных плашек и березовыми жердями-перилами..

Сашка вдруг ускорил шаги. Вспрыгнул на толстую жердину, побалансировал и пошел над речкой. Я замер, боясь крикнуть. А он шел, то останавливаясь, то мелко переступая кроссовками. Вздергивал руки. Они в

плечах, локтях и запястьях болтались, как на шарнирах, а тонкие ноги казались гибкими, словно шланги из коричневой резины. Сумка с Чибой качалась на левом боку, и я очень боялся, что она перетянет хозяина в речку. Но он миновал перила без приключений. Спрыгнул в клевер. Тогда я быстро перешел мостик и сказал в сердцах:

— Ты безголовый авантюрист. Вот слетел бы...

— Ну и слетел бы, — ответил он без улыбки. — Там и глубины то по пуп... А без риска тоже нельзя. Это как предполетное испытание...

— Какое испытание?

— Ну... — Сашка смутился. — Это я так сказал, просто...

— Что-то ты сегодня чересчур задумчивый. Не как вчера...

Сашка глянул быстро и отвел глаза.

— Потому что... думаю. Где Тетрадь искать.

— Нашел о чем думать!.. Не было, Сашка, никакой Тетради.

— Как знать, — отозвался он хитровато и сделался прежним Сашкой.

...Было бы слишком долго описывать пестроту фантастических улиц и богатства книжных развалов. И то, как мы бродили в готических переулках средневекового предместья, и как лазили на высоченную башню с колоколами, стоящую среди заросшего подсолнухами поля; и как обедали в подвальной таверне «У Сильвера», где в кирпичной нише стояло чучело одноногого пирата с попугаем (который очень понравился Чибе)... Потом оказались мы на шумном торжище.

Редких книг здесь было мало. Больше торговали серийными выпусками детективов и фантастики. Зато мы увидели массу других интересных товаров. Океанские раковины и старинные шпаги (Сашка вздыхал и облизывался), модели парусников и японские веера, коллекции невиданных орденов и мундиры каких-то

неведомых армий, живые заморские рыбы в банках с водой и сверкающие самовары всяких форм...

Мы двигались сквозь этот галдящий музей, вертели головами, разглядывали диковины и наконец утомленно выбрались на тихий пятачок у каменного забора. Здесь расположился сухонький старик с бородкой профессора, в круглых бухгалтерских очках и обвисшей шляпе. Он сидел рядом с потертым коричневым ящиком, укрепленным на треноге. Сперва я подумал — старая фотокамера. Но у ящика было две линзы — словно в него вставили бинокль.

— Стереоскоп! — обрадовался Сашка. — Я такой в музее видел! — Он даже подпрыгнул и ногами взбрыкнул. — Посмотрим?

Старичок взглянул на Сашку благожелательно. Придвинул к его ногам картонную коробку с прищипленной к боку бумажкой: «Одна карточка — 1 коп».

— Милости прошу, молодой человек...

Сашка мигом нашарил в кармане двугривенный, протянул старичку, сел на корточки перед коробкой. Наугад отсчитал два десятка узких твердых открыток с двойными фотографиями. Сунул их мне в руки, а одну умело толкнул в щель ящика. Привстал на цыпочки, прижался лицом к стенке с окулярами.

— Ух ты... — От волнения он перебирал ногами, как нетерпеливый жеребенок.

— Я опущу вам аппарат пониже, — засуетился старичок.

— Не надо, и так хорошо... Игорь Петрович, посмотрите!

Я посмотрел. Это было «Отправление парохода Титаника в первый рейс». Два снимка слились в один, придав людям на берегу и громадному, отошедшему от причала судну рельефность, а рейду — ощущение реального пространства. Женщины в длинных платьях с оборками, мальчики в костюмах, как у Андриша на картине, мужчины в длиннополых сюртуках махали платками, шляпами, зонтиками: Никто не знал о близкой трагедии...

Сашка нажал медный рычажок. Карточка выпала в пластиковое ведро под ящиком. Сашка взял другую.

— Ух ты... Игорь Петрович!

— Да смотри, смотри, я потом... — И начал разглядывать снимки так, без аппарата.

Вид Нижегородской ярмарки в 1908 году...

Спуск русского крейсера «Варяг» в Филадельфию...

Граф Я. Н. Толстой на велосипедной прогулке...

Группа героев Порт-Артура в С.-Петербурге...

Сашка тихо ой-кал и посапывал, карточки одна за другой стучали о пластиковое дно...

— Ух ты... Я и не знал, что тогда это снимали... Игорь Петрович, гляньте!

Я посмотрел. И... ничего особенного. Каменистая равнина с языками песчаных заносов и огрызками скал. Видно, что выжженная солнцем. И надпись: «Пустыня Оранжевые Пески. Съемка совместной экспедиции г.г. Демьянова и Энгельштерна. 1901 г.»

— А что здесь такого?

Сашка сказал озабоченно:

— Это же недоступное место. По крайней мере тогда...

— А где это?

Он шевельнул плечом со вздыбленным льяным погончиком.

— Я точно не знаю. Там тройные координаты...

— Все понятно... Будешь смотреть еще?

— Нет, хватит... — Он рассеянно сказал «спасибо» старичку, и мы отошли. И через пролом в кирпичном заборе выбрались на пустынную, всю в желтой сирени улицу. Только тогда Сашка спохватился:

— Ой, а вы ничего не посмотрели!

— Посмотрел, только без стереоскопа.

— Это неинтересно, — огорчился Сашка. — Все дело в стереозффекте... Может, вернемся?

— Не надо, — усмехнулся я. — Это плохая приме-

та... А в стереоскоп я в детстве посмотрелся, у меня был свой. Только поменьше этого, попроще...

— Да! — обрадовался Сашка. Даже подскокил (в сумке сердито заезился Чибя). — А у меня и сейчас есть, мама подарила на Новый год... А вам тоже подарили?

— Тоже мама... И представь себе, тоже к елке.

— Вот это да! Сколько у нас похожего!.. Все правильно.

— Что правильно, Сашка?

Он помолчал, глядя под ноги. Запыленные кроссовки его неторопливо ступали по плитам тротуара.

— Игорь Петрович, я вот что думаю... Я давно еще про это думал. Про стереозффект. Вот, когда два похожих снимка сливаются — все в кадре делается выпуклым и просторное, как на самом деле. Из двухмерных плоских пространств словно получается трехмерное... По-моему, в жизни так же бывает. Когда два трехмерных пространства, если они похожие... или два похожих события в жизни... когда они наслаиваются друг на друга, возникает новое пространство, четырехмерное. И события в нем — уже новые, неожиданные... Я залутанно говорю, да?

— Нет, понятно. Только... по правде сказать, очень уж фантастическая гипотеза. Хотя и остроумная...

— А чего фантастического? Вот смотрите. У нас с вами столько похожего! И мы теперь ходим вместе. И сразу — четырехмерность!.. Вы думаете, раньше мне эти все края так легко открывались? Да я к концу дня еле ноги таскал... А вчера и сегодня — все шутя.

«Разве у нас так много похожего?» — чуть не сказал я. Но прикусил язык. Взял Сашку за плечо.

— Может быть, ты и прав... Слушай, а если тебе сегодня все легко, нельзя ли поскорее попасть домой? Вечерет уже, скоро в Подгорье праздник.

В Подгорье был совсем вечер. С иллюминацией, с толпой в карнавальных нарядах. Но я решил сначала поужинать в «Дорожном уюте», а потом уже нырять в эту веселую круговерть.

В ресторанчике гостиницы Сашка опять поскуцел. Сжевал (несмотря на мои укоризненные взгляды) ломоть хлеба с майонезом,ковырнул вилкой картофель с котлетой, проглотил компот и заторопился наверх. Я думал, он бросит сумку и мы тут же отправимся на площадь. Но Сашка сказал виновато:

— Игорь Петрович, а можно я дома посижу? Тут ведь все рядом, вы и один не заблудитесь.

— Не заблужусь, но... — Я встревожился. — А что с тобой? Неужели не интересно посмотреть на карнавал?

— Да я раньше видел уже такое... А сейчас чего-то ноги гудят... — Он согнулся, потер икры и щиколотки, слабо улыбнулся: — Натопались...

Я обругал себя бессовестной и безмозглой свиньей. Ведь я-то, хотя и хворый, но все-таки взрослый мужик и, если нет приступов (а их нет!), не в пример выносливее такого кузнечика. Три дня Сашка таскал меня по всяким необыкновенным местам, да не просто таскал, а еще и прокладывал дорогу. Как он, бедняга, до сих пор на ногах держится?

Сашка опять сказал просительно:

— Если, конечно, можно... Я бы книжку почитал. Давно уж не валялся с книжкой на кровати целый вечер...

Мне очень хотелось поглядеть на праздник этого «городка в табакерке». Было предчувствие даже, что там случится неожиданное и радостное для меня событие... Но сейчас я мужественно сказал:

— У меня тоже ноги размякли. Давай сидеть дома вдвоем.

Сашка испугался:

— Да что вы! Зачем! Вам же интересно!

— Получается, что я бросаю тебя...

— Это вы-то меня бросаете? — сказал Сашка с непонятной печальной ноткой. — Ну уж...

— Ладно. Я только пройдуся до Каменных Ворот и обратно. Не заскучаешь в одиночестве?

— С книжкой-то? Да еще Чива вылезет, дурь устроит... Вы не спешите, гуляйте!

«Может, он просто устал от меня, старого дурня,— подумал я.— Может, по маме соскучился, хочет погостить один...»

— Ладно, погуляю. А ты отдыхай...

6. Взлет

На широкой лестнице ратуши ухал контрабасами и барабаном оркестр с музыкантами в гусарской форме. Башня и фасад были в цепочках бегучих огней. Над крышами вертелись хвостатые спирали фейерверков. Люди танцевали повсюду под разноцветными взмахами прожекторных лучей. Ко мне подошла метровая голова в треуголке, с рыжими буклями и мясистым красным носом пьяницы-флибустьера. Один глаз сверкал голубой пластмассой, на втором было черное полотенце. Внизу из головы торчали ноги в съехавших гольфах и стоптанных сандаликах.

Старательно силным голосом голова потребовала:

— Кошелек или жизнь! — И между большущих зубов просунулась вместо языка тощая рука в черной перчатке, сжимающей кремневый пистолет.

— Конечно, жизнь! — храбро решил я, и пистолет выпал из меня желтым огнем и зарядом конфетти. Я сделал вид, что грохаюсь навзничь. Голова зашлась переливчатым смехом и ускакала, хлопая ремешками расстегнутых сандалий...

Потом в меня еще не раз палили из хлопушек, а трехголовый дракон предложил выбор: или я буду съеден на месте, или выслушаю арию влюбленного Змея Горыныча, которую он исполнит на три голоса. Я сказал, что сперва одно, а потом другое. Дракон

ограничился арией, после чего я оказался перед эстрадой, где кувыркались под бубен и жонглировали кокосами негрятята. На эстраду спланировала баба Яга на метле, и негрятята с визгом разбежались, кидая в бабку упругие надувные орехи...

«Бабка Ёшка,— вспомнилось мне.— Ёшкин свет...» Все-таки жаль, что нет со мной Сашки. Я малость загрустил и даже подумал, что пора возвращаться. В этот момент на площади начал меркнуть свет.

Погасла иллюминация, медленно потускнели фонари. И праздничный шум угас, как бы приглушенный опустившейся темнотой.

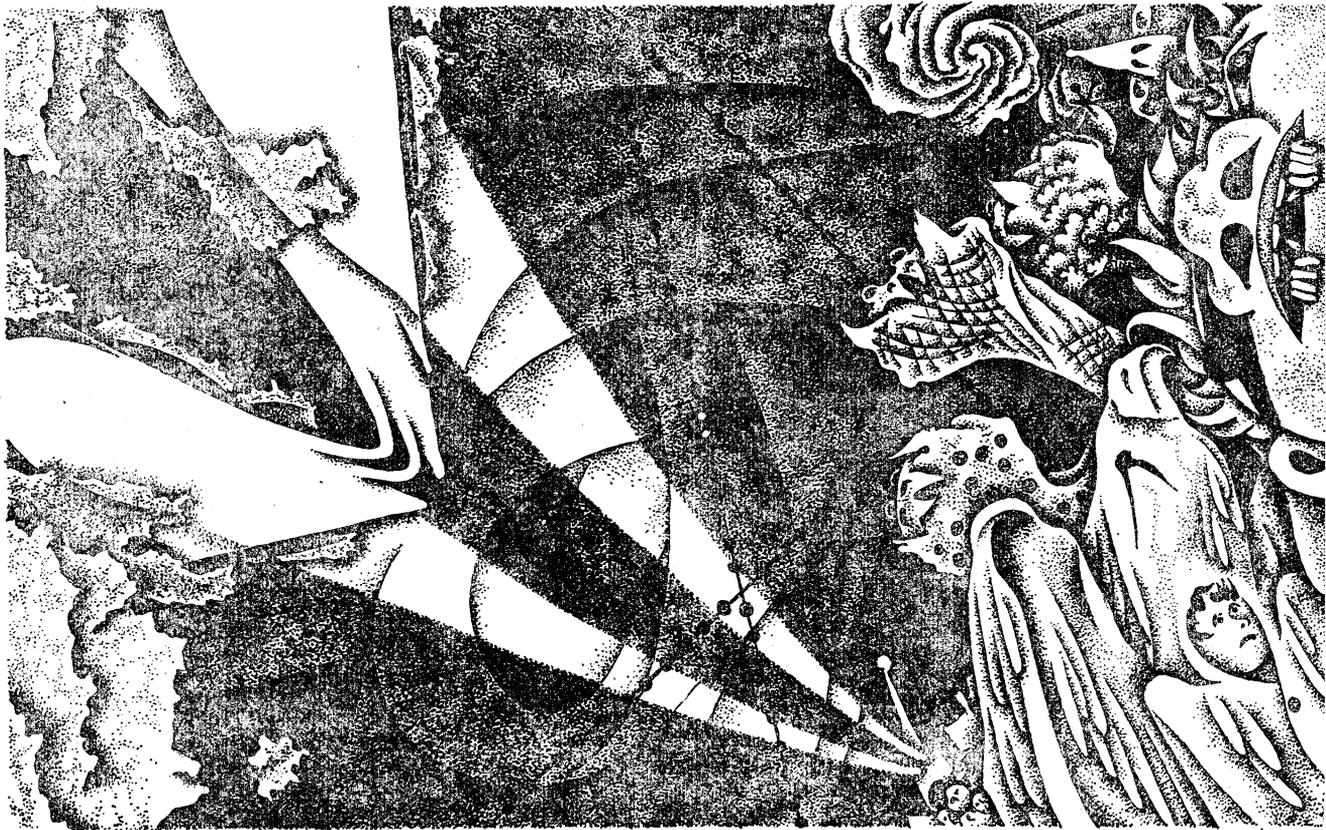
Впрочем, большой темноты не было. С ратуши рассеянными снопами светили два прожектора — зеленый и голубой. Они высвечивали Каменные Ворота. Одна башня казалась салатно-серебристой, другая — серо-бронзовой. Прожекторный свет они отражали на стоящих поблизости людей. Потом с верхушки левой башни ударил по площади резкий белый луч. Люди почему-то шарахнулись от него, и сквозь толпу коридором легло пустое пространство — заблестела полоса гладких булыжников.

По этой сверкающей полосе мчался к воротам пацаненок лет десяти — темноволосый и кудлатый, в укороченной, как у Сашки, школьной форме и босой. В тишине его ступни звонко хлопали по булыжникам. Шагов за двадцать до первой башни мальчишка затормозил, задрал голову и заорал:

— Стаська, давай! У нас четыре минуты, потом на станции полетят контакты!

И в ответ зазвучал из могучего динамика мужской голос — резкий, как свет белого прожектора:

— Граждане Подгорья! Просим извинить, что мы на несколько минут прерываем ваш праздник! К сожалению, другого времени у нас нет, день и час был рассчитан давно!.. Просим всех отойти от ворот не менее, чем на пятьдесят шагов!.. Только спокойнее, пожалуйста, без давки и спешки! — голос вдруг смя-

чился, в динамике даже прозвучала испуганная нотка, потому что люди разом колыхнулись назад.— Осторожнее, прошу вас... И тогда Подгорье увидит небывалую вещь!.. Считайте, что это еще один праздничный аттракцион!

В тишине, лишь при нескольких вскриках, люди подались от ворот, перед башнями образовалась полукруглая пустота. И в центре ее, в полосе прожекторного луча стоял мальчишка со вскинутой лохматой головой и растопыренными руками.

— Мальчик, отойди сейчас же! — раздался из толпы женский голос.— Сказано же!

Тот, не оглянувшись, отмахнулся, как от бабушки, когда она зовет ужинать в разгар игры.

Я был среди тех, кто оказался ближе всех к воротам. И увидел раньше всех, как... Нет, сначала я ощутил мелкую дрожь земли. Щекощущая вибрация передавалась телу через подошвы, от нее зачесалась кожа. Чуть позже пришел почти неслышимый, но осязаемый гул. И тогда от салатно-серебристой башни вдруг отделился каменистый пласт, качнулся и рухнул на булыжники. А под ним открылся гладкий сверкающий металл...

Рука так и просится написать, что толпа ахнула. Но я не помню этого. Мне кажется, что все происходило как в кино, когда случайно выключили звук. В металле возник черный прямоугольник, в нем появился человек в светлом костюме. Кудлатый мальчишка бросился к нему, тот присел, подхватил пацаненку, и металл непроницаемо скрыл обоих от наших взглядов.

Дрожь усилилась. Каменные пласты начали рушиться к подножью башен один за другим. Они были выгнутые, грубо-неровные с внешней стороны и гладко-блестящие с внутренней. Слово кора громадных деревьев, которые проснулись и решили сбросить старую одежду со стволов. А «стволы», открывшись, сверкали зеркальной чистотой. И через две минуты вместо Каменных Ворот подымались над замершей площадью Подгорья две светлые металлические башни — с полукруглыми оконечностями и двумя перемычками в виде громадных подков.

Великанское это сооружение выглядело таким тысячеконным, что никто сразу не понял, не осознал, что башни уже не стоят, а повисли без опоры: их кольцевые фундаменты были метрах в трех от земли. Потом башни шевельнулись и плавно пошли вверх — без вспышек, без звука.

«Катамаран!..» «Даблстар», «Двойная звезда»... Вот Сашка пожалееет, что не видел этого!

Голубой и зеленый прожектора запоздало метнулись за кораблем. И видно стало, как медленно, словно нехотя, двойной корпус вошел в густые волокна тумана...

— Разобьется!! — тонко завопил кто-то в толпе.

Но сверху не доносилось ни звука. Ни удара о каменный свод, ни сотрясения. Неожиданно вспыхнула иллюминация. Видимо, станция, отключенная для запуска, опять дала полный ток.

...Площадь оживала. Наполнялась криками, гулом, радостными воплями ребятишек. Даже оркестр заиграл опять.

Я шел, проталкиваясь сквозь потоки споров. «Это клуб «Расколотое небо», их штучки! Совсем распустились!» — «Да бросьте вы, они мальчишки, а тут такая техника!» — «Ну и что? Там тоже мальчишка!» — «Кто разрешил ломать Ворота? Это же памятник!» — «Сейчас, небось, прилипли к своду и не знают, что дальше...» — «Ах, перестаньте, какой там свод! Это же четырехмерники!» — «Какие четырехмерники! Расскажите вашей бабушке! Взрослый человек, а городите мистику...»

Я спешил в гостиницу, чтобы рассказать все Сашке. И, кстати, спросить: неужели он не знал про старт катамарана от Пантюхина? А если знал, неужели не

интересно было посмотреть?.. И почему «Даблстар» прятался под личиной каменных башен? И сколько времени он здесь простоял? Все было непонятно и потому даже тревожно.

К этой тревоге прибавилась еще одна, когда я увидел, что Сашки в комнате нет.

Глава седьмая

ПОХИЩЕНИЕ

1. Пуговица на полу

Впрочем, сначала я забеспокоился не сильно. Скорее всего Сашка увидел из окна взлет «Даблстара» и помчался на улицу. Или еще раньше соскучился и пошел погулять. Может, меня решил отыскать в толпе (такая мысль теплом погладила мне душу). Конечно! Окно открыто: махнули с Чибой через крышку...

Я сел в кресло. Оно как-то криво стояло посреди комнаты... Черт возьми, а почему так? Ну да, поторопился выскочить, оттолкнул его от окна. И книжку кинул на пол... А вот на темной половице желтая пуговица от Сашкиного костюма!

Ну и что, пуговица? Она и так болталась у него на ниточке, сбоку на штанах. От привычки теревить...

Каждую деталь можно было объяснить по отдельности. Но если глянуть на все вместе — нельзя не заподозрить, что случилась здесь возня или свалка... Да, но с кем?

Ох, да скорее всего с Чибой дурачились. Чего тут волноваться! Скоро прибегут...

И все же я встал. И спустился к хозяйке. В ресторанчике было почти пусто и спокойно: видимо, сюда еще не докатилась весть о случае на площади. Я спросил, не видела ли хозяйка моего племянника. Она сказала, что с час назад он спускался сюда с какой-то обшарпанной птицей на плече («Я, кстати, не знала, что у вас с собой пернатое существо, за что следует особая плата»), купил горсть молочных тянучек и, судя по всему, вернулся к себе.

— Кстати, недавно вас спрашивали двое молодых людей...

— Меня?!

— Вас.

— Что за люди?

— Они не отрекомендовались. Один высокий, другой пониже, полный и кудрявый. По-моему, они поднялись к вам. Я решила, что если мальчик у себя, то и вы...

— А когда ушли?

— Я не видела, как они уходили, принимала постельцев... А разве их нет наверху?

Я кинулся к выходу.

Даже здесь, на окраине, было людно. Все куда-то спешили, смеялись, спорили. И не было в этой толпе человека, к которому можно подбежать, крикнуть: «Сашка пропал, помогите!»

Я оглянулся с нарастающим паническим страхом.

Среди праздничного (и такого ненужного теперь!) мелькания к гостинице двигалась высокая сутуловатая фигура в штурманской куртке.

— Капитан Пантюхин!

Он не удивился, подошел сразу. Я спросил в упор:

— Это вы с кем-то увели Сашку?

— Увели? — Он не встревожился, но как-то напряглись его рыжеватые брови.— Нет, я только иду к нему. Хотел попрощаться. Вчера ваш проводник здорово помог нам... Вот, подарок ему несу.— В руке Пантюхина были роскошные пилотские очки из гнутого полированного оргхрустала с мягкой красно-белой оправой, на которой сбоку сидел плоский орех навига-

ционного корректора, с головным ремнем из широкой резины. Любой пацан завыл бы от восторга... Но Сашка не завоет, Сашки нет!

— Господи, где же он?! — вырвалось у меня. Лицо капитана Пантюхина отвердело. Совершенно по-капитански.

— Как это случилось?

Я, икая с испугу, рассказал.

— А ну, идемте! Наверх!

Мы почти бегом поднялись в комнату. Пантюхин осмотрел ее с порога — зорко и стремительно.

— Похоже, и правда была свалка. И — через окно... Бредятина какая-то!... Он бросил на кровать очки, что-то быстро пощупал под курткой. — Ничего не трогайте. Не пришлось бы вызывать службу поиска... А, черт, в этой дыре ее нет, конечно...

— Что же делать?

Кажется, и у Пантюхина появилась растерянность:

— Думаете, я знаю? Я... Что за черт? — Он шараялся, потому что в окно влетел растрепанный вороненок и закувыркался под потолком. Потом уронил из клюва мне на башмак желтую пуговку — такую же, что валялась на полу. И заорал:

— Укр-рали! Скар-рее!

— Это Чибя! — крикнул я. — Чибя, где Сашка?

— Скар-рее! — И он ринулся за окно. Я за ним — забыв про свой шестой десяток и болезнь...

Крыша, лестница, сад... Пантюхин не отстал от меня. Чибя трепетал в воздухе уже за калиткой. В лапках у него (а может и под хвостом) горела красная лампочка. В другое время такая техническая деталь позабыла бы меня. Но сейчас...

— Скар-рее!..

— Да подожди ты, существо! — крикнул Пантюхин. — У меня машина!

— Хар-рашо!

В самом деле хорошо. Если бежать, меня хватило бы не надолго. Крытый брезентом вездеходик стоял у главного входа в «Дорожный уют». Я, дыша как рыба на берегу, повалился на сиденье. Чибя с рубиновым огоньком трепыхался перед ветровым стеклом. Автомобиль рванулся по булыжникам горбатой дороги. Затрясло как в камнедробилке, Пантюхин выругался. Я сел. И, несмотря на тряску, скоро отдышался. Пролетали мимо фонари, шарахались карнавальные парочки...

2. Похитители

Ехали мы совсем недолго. Пантюхин тормознул, я сунулся носом в его спину. Из машины мы вывалились одновременно, однако в броске через тротуар Пантюхин опередил меня: «Сюда!» Я успел заметить над дверью вывеску какого-то бюро путешествий. На вывеске подпрыгивал Чибя.

Пантюхин дернул дверь, и она отлетела с легкостью почтовой открытки. Мы ворвались в тесную контору с плакатами туристических агентств. Там были трое. Рослая девица со старомодными косами до пояса трамбовала и затягивала на полу красный альпинистский рюкзак. У пластикового стола, сбоку, сидел полный толстогубый перень с чернокурчавой башкой, а между столом и фанерной перегородкой стоял другой — высокий, спортивный, лицом и фигурой похожий на испанского торреро. У обоих были напряженные физиономии и позы, ибо чахлая дверь в перегородке гудела и прогибалась от чьих-то частых ударов.

— Где мальчик?! — гаркнул Пантюхин.

Курчавый толстяк начал медленно вставать. Голос у него оказался неожиданно тонкий и жалобный:

— Вам, Пантюхин, прежде чем врваться и орать, следовало бы...

Пантюхин ударом справа послал парня в угол. Тот ухнул на пол, как выпавший из вертолета мешок с

картофелем. Но при этом Пантюхин неосторожно повернулся открытым боком ко второму. «Торреро» стоял в защитной позе «ветряк»: лицо прикрито скрещенными руками, правое колено вскинута к подбородку. В следующий миг нога распрямится и врежет капитану под ребра...

Я в жизни дрался очень редко, а последние тридцать лет не дрался совсем. Но сейчас внес лепту в дело освобождения моего проводника: поддавшись вдохновению, врезал парню по той ноге, на которой он стоял — башмаком под колено. «Торреро» грянулся на пол. Девица завизжала и замахнулась на меня рюкзак. Но тот оказался тяжелым и перевалил ее назад.

Пантюхин отскочил к входной двери и, пружиня на полусогнутых ногах, выхватил из-за пазухи блестящую машинку. Из нее выскочил черный стержень.

— Всем на месте! Руки!.. В пыль разнесу!

Я не знал, что у него за штука, но парни, видимо, знали. Вздернули руки и замерли на полу в неудобных позах.

— Где мальчик?! — рявкнул капитан.

Вопрос был излишним, потому что сквозь грохот, сотрясавший дверь в перегородке, неслись яростные вопли: «Открывайте, паразиты! Не имеете права! Все равно убеги!..»

Пантюхин глянул на ревущую девицу, шевельнул машинкой:

— Открыты!

Но дверь в этот миг сорвалась со щеколды и петель и грянулась плашмя. А на дверь — пузом, руки-ноги в стороны — приземлился мой ненаглядный лодман Александр Крюк.

Он стремительно сел, яростно обвел всех мокрыми глазами, взвился ракетой, кинулся к Пантюхину, вцепился в машинку:

— Владимир Евгеньевич, не надо! Это не бандиты! То есть бандиты, но не надо... Они не виноваты...

— Сам ты бандит, — сказал толстяк. Он опустил руки и держался за поясницу. — И вы, Пантюхин... С цепи сорвались?

— И вы... гражданин Решилов, — сказал «торреро». Он встал, держась за колено, и смотрел на меня через плечо. — Интеллигентный человек вроде бы... Я ваши книжки еще в первом классе читал. Про трюмных гномов с «Геродота»...

— Весьма польщен, — отозвался я нервно. — Однако подожду принести извинения, пока не выясним ситуацию...

— Кто вы такие? — полицейским голосом спросил Пантюхин.

Сашка быстро сказал:

— Это наши, из «Пилигрима»... — и засопел.

— Я... диспетчер группы проводников, — постанывая, сообщил толстый. — Меня зовут Клим Збаров. — Он кривясь опять сел к столу. — И если бы я знал, что из-за этого гамадрила...

— Сам такой, — мрачно сказал Сашка.

— Молчи, Крючок! — взвизгнула девица. — Дать бы как следует по шее.. Заварил кашу да еще и... — Она вслипнула и сердито вытерла глаза подолом широкого зеленого свитера. Интересно, что Сашка не возмущился «Крючком», не огрызнулся. Засопел сильнее и стал рассматривать ссаженный локоть.

— Что за кашу заварил мой проводник? — осведомился я со сдержанным негодованием. — И может ли какая-то «каша» служить причиной для похищения ребенка из гостиничного номера?

— Кирилл, объясни ты им... — плаксиво сказала девица.

Но похожий на испанца Кирилл (он все еще держался за ногу) язвительно предложил:

— Пусть «ребенок» расскажет сам. Тем, кто его героически спасал... Ну, давай, Сашенька, поделись планами, которые мы так бессовестно сорвали...

— Что все-таки случилось? — хмуро поинтересовался Пантюхин. И спрятал машинку под штурманку.

— А то... — с расстановкой начал диспетчер Клим Збаров, — что это сокровище... Вы посмотрите, как он занят своим локтем... Это сокровище намылилось ударить в рейс на вашем «Даблстаре», капитан Пантюхин!

У капитана Пантюхина по-мальчишески приоткрылся рот. Сашка брызнул в диспетчера Збарова гневным взглядом, и опять занялся локтем. Попытался даже лизнуть его, что, разумеется, было немыслимо.

3. Беглец

Я обалдело переваривал информацию.

Кирилл наконец отпустил ногу и выпрямился. Сказал с улыбочкой под черными усиками:

— Представляете ситуацию? Где-нибудь на энном отрезке темпорального вектора открывается дверь в отсек и... «здравствуйте, я ваша тетя».

— «Я ваш племянник»... — сорвалось у меня. Сашка глянул мне в лицо. Удивленно и беззащитно. И... ох, нехорошо мне стало. И, уже заступаясь за Сашку, я заметил сварливо:

— Но теперь-то, когда катамаран улетел, можно освободить пленника...

Сашку как током трягнуло. Вскинул глаза на Пантюхина:

— Улетел?!

— Да, — сказал Пантюхин. Глядел в сторону.

— А вы?!

— А я остался, как видишь.

— Почему?!

— Потому... Так надо.

Я почувствовал, что сейчас в Сашке порвется какая-то нервная жилка. И сказал, чтобы сбить напряжение:

— Даже смешно, товарищи. Как в плохом фантастическом романе сороковых годов. Тогда часто писали про зайцев-школьников на звездолетах... А как по правде мальчишка заберется в закрытый корабль? Там что, нет сигнальной системы?

Все, даже Сашка, посмотрели на меня, будто на младенца. Клим Збаров проговорил со стонущей интонацией:

— Он же не просто лодман! Он четырехмерник всей душой, от Бога! Что ему стоит проникнуть в любую замкнутую емкость...

Пантюхин вдруг взял Сашку за плечо. И совсем другим голосом, не тем, что орал и командовал, объяснил:

— Он здорово нам помог. Посоветовал сбросить каменную корку с помощью вибрации. А то ведь мы таскали эту оболочку еще со времени посадки в Каменном лесу, на Марсе... Но никто не думал, что мальчик Сашка метит в экипаж...

Сашка стоял с опущенной головой. Со щеки сорвалась капля-искорка. Все молчали и не глядели друг на друга.

Пантюхин сказал неловко:

— Если бы простой темпоральный скачок по вектору, тогда не жалко. Туда-обратно, дело нехитрое. Но это же невозвратный рейс... Видишь, даже меня оставили...

Сашка вскинул лицо, не стесняясь мокрых глаз.

— Как невозвратный?

— А вот так... Кончена программа. И вообще... Ты даже не представляешь, что было бы. Сесть корабль уже не может, только сбросит автомат...

— Вот и сбросили бы нашу радость с автоматом, — заметила девица. Она уже не вслипызала.

— Автомат сядет в пустыне...

— Значит, вовремя украли голубчика, — вздохнул я. — Но если он умеет свободно проникать в замкнутые

объемы, то и обратно должен уметь. Почему же не вырвался от вас?

— Потому что мы тоже не лыком шиты, — буркнул Збаров. А Кирилл сказал с оттенком гордости:

— Ухватили мы его и правда в последний момент... Визжал и царапался, как стая камышовых котов... Мы, собственно, не собирались его увозить, хотели только предупредить вас. Но он оказался в комнате один. И в драку...

— Мы сегодня же сообщили бы вам, — добавил Збаров.

— А как вы узнали, что он... это самое...

— Служба такая, — насупленно отозвался Збаров. — Всё должны знать о проводниках. Кто где ходит, кто как работает, кто задумал податься в дезертиры...

— Ты не обзывайся! — взвился Сашка. — Кто дезертир?

— А кто бы это на самом деле? — Збаров возвел глаза к потолку. — Может, я?

— А я, что ли? Я Игорю Петровичу все показал, что надо! Даже перевыполнил программу!

— А по срокам? Что в контракте сказано?

— Причем тут сроки! Если программа выполнена! Игорь Петрович, скажите им, сколько мы...

Я прислонился к косяку и грустно сказал:

— У меня нет претензий к проводнику. У меня только вопрос... к мальчику Сашке, с которым мы... ну, не то что подружились, но все-таки. Вот улетел: был этот Сашка, а я что? Бегай, ищи, кричи-надрывайся: где ты, куда девался?

— Ну-у, Игорь Петрович! — Клим Збаров даже привстал со стула. — Это вы зря! В этом плане наш Сашенька человек обязательный. Собирался и маме письмом отправить, и вас не забыл. Вот, полюбуйтесь. Как говорится, изъято при задержании... — Он вытащил из кармана куртки помятые конверты.

— Дай сюда, — привычно сказал Сашка. — Чужие письма хватать — это свинство.

— А тут не чужое... — Збаров поднялся. — Это Игорю Петровичу адресовано, пусть он и полюбуйтсвуется...

— Не смей. Дай сюда!

— А зачем писал, если не хочешь, чтобы...

— Дай сюда! — сказал Сашка с таким звоном, что диспетчер Збаров малость усох и сунул конверты ему в руку. Сашка скомкал письма в шарик, рывком затолкал его в карман на шортиках, отчего они сильно съехали и он яростно поддернул их.

Збаров потоптался перед нами и вдруг сказал официальный голосом:

— Игорь Петрович, объединение «Пилигрим» приносит вам извинения за инцидент с проводником Крюком. Вы вправе расторгнуть контракт, деньги будут возвращены без вычетов.

Сашка опять уронил голову. Я смотрел на его пушистую макушку, и делалось мне все горше и горше.

— Нет, зачем же расторгать. Мы и правда выполнили программу... Верно, Сашка?

Он шевельнул плечами, затеребил, задергал на кромке штанов оставшуюся пуговку.

«А, собственно говоря, что я от него хочу? От ребенка... Дружеской преданности? Но кто я для него?»

Девица подняла с пола рюкзак и бухнула его на табурет. Остальные вздрогнули, Збаров посмотрел на часы.

— Через час нам надо уезжать...

Сашка глянул исподлобья, и в негромком вопросе его проскользнула капелька ехидства:

— Что так быстро?

Отвечил Кирилл. И не Сашке, а мне:

— Хорошо четырехмерникам, которых Господь награждал талантом от рождения. Шастают, где хотят, без всякой науки. А мы — расчетники. Прежде, чем сунуться в сопредельное пространство, считаем и формулы выводим до помутнения в голове. Ловим момен-

ты для перехода... И если сейчас не уйдем, застрянем здесь неизвестно насколько...

— А у нас дел других полно, не только всяких крючков ловить,— обиженным баском добавила девица. Сашка презрительно промолчал, Збаров сказал:

— Этого добра молодца, Игорь Петрович, мы, естественно, заберем с собой. А вам дадим направление к частному проводнику, он здешний. Серьезный взрослый парень, без фокусов.

Я подумал, что нужен мне этот взрослый проводник без фокусов, как...

— А можете уйти вместе с нами,— предложил Кирилл.

Я молчал. Потерянно и сердито. Куда уходить, зачем? Я ничего не нашел здесь, ничего не понял и не решил... А что я хотел понять и решить?

— ...Ну, или...— неловко проговорил Збаров.

— Что?

— Есть, конечно, и такой вариант... Контракт еще не завершен. В принципе вы имеете право оставить прежнего проводника... Хотя после того, что случилось...

— Пусть решает сам,— сказал я.

Сашка не поднял головы. Все молчали. В этом молчании Сашка боком сделал два шаркающих полушажка. Ко мне. Плечом коснулся моего локтя. Нерешительно взял меня за обшлаг. Тепло прошло по мне от головы до пяток. Но я сказал сухо:

— Пошли в гостиницу. Спать пора.

— Только пускай Крючок поклонится, что больше...— начала девица и вдруг заверещала, прижав к подбородку растрепанные косы. На кроссовке у Сашки сидела белая крыса с черным, как у морского кота, хвостом-жалом.

— Чибу не узнала, что ли?— сказал девице Кирилл...

Этот случай разрядил обстановку, все, кроме Сашки, посмеялись. Правда как-то нервно. Пантюхин сказал:

— Я отвезу вас до гостиницы. Пошли, лоцман.— Взял Сашку за плечо, мягко двинул к двери. Тот послушался.

— Игорь Петрович, задержитесь на минутку, пожалуйста,— попросил Кирилл. Он был сейчас похож не на матадора, а на смущенного студента. Я остался.

— Игорь Петрович, вы за ним поглядывайте, ладно?— тихо сказал Кирилл.— Раз уж так получилось... А то у него обций алгоритм паршивый...

— То есть?

— Ну, существует такое понятие — алгоритм пути,— хмурясь, вменялся Збаров.— Или алгоритм события... Можно сосчитать с большой долей вероятности... Мы стараемся рассчитывать, когда отправляем проводника. А на Сашку как ни считаешь, обязательно выскакивает возможность чего-то... такого. Иногда вообще... прямо трагический потенциал... В этот раз, когда направляли, все вроде было нормально. А сегодня утром пересчитали на всякий случай (душа-то неспокойна), и — мамочки мои, сплошные минусы на выходе! Белые на черном...

Неуютно мне стало, зябко.

— Но зачем же вы тогда...

Кирилл перебил меня:

— Да сейчас-то уже все в порядке. Этот вариант мы нейтрализовали. Правда, скандальным путем, но...

— Я не про этот вариант, а вообще. Зачем вы его посылаете, если... этот алгоритм ваш такой.

— Это не наш, это его алгоритм,— неохотно сказал Кирилл.— А посылаем... потому что это лучше, чем если бы он сам... Разве удержишь? Есть птички, которые в клетке не живут.

Девица шумно шмыгнула носом и объяснила:

— Это все равно, что стараться запретить поэту стихи сочинять. Как он это сможет, если он даже думает стихами?

Я вспомнил, как Сашка дирижировал пространствами... А потом почему-то, как нес его через каменную осыпь к месяцу. И ощутил в нагрудном кармане теплый камешек.

Кирилл, морщась, переступил с ноги на ногу. Я сказал:

— Мне очень жаль, что я так неловко... лягнул вас.

— Ничего,— буркнул он.— Будем считать, что это вроде автографа.

4. К вопросу о педагогике

В машине мы молчали. Пантюхин высадил нас у гостиницы и коротко попрощался, сказав, что завтра утром уезжает. Вздохнул Сашке волосы и укатил.

В комнате Сашка увидел очки. Спросил нерешительно:

— Это что?

— Подарок тебе. От «Даблстара»...

Непонятно, обрадовался ли он. Примерил очки, снял, помахал ими. Скинул кроссовки, с ногами забрался на кровать. Тихонько сел, привалился к стене. Натянул очки на поднятые к подбородку коленки, пощелкал резинкой...

Я копался в «сидоре», отыскивая чистую рубашу. Молчание давило нас обоих.

Наконец Сашка сказал, будто издали:

— Игорь Петрович, простите меня, пожалуйста...

Я понимал, что веду себя дурацки, и все же ответил надутю:

— Ну, ты же знал, на что идешь, когда хотел удрать. Чего теперь извиняться?

— А вы... очень обиделись?

— А ты как думаешь? Радоваться мне, что ли?

Кажется, Сашка чуть-чуть ошетинился:

— А тогда... зачем согласились, чтобы я опять с вами?

«А ты почему захотел, чтобы опять вместе?» — чуть не спросил я. Но вместо этого получилось:

— А затем, что показалось... что возвращаться с «пилигримами» тебе совсем уж тошно. И еще...

Он стыдливо стрельнул глазами:

— Что?

— Я не привык бросать тех, кто со мной на Дороге...

Эх, зачем я его так? Будто наотмашь... Идиот старый!

Сашка сжался. Потом спросил глухо:

— Что же мне теперь? Головой о стенку стучаться?

Чтобы как-то все смягчить, я проворчал добродушно:

— Если голова дурная, расплавляются другим местом...

Сашка не смягчился. Спросил пренебрежительно:

— А для вас было бы удовольствием отлупить меня, да?

«Дурень,— чуть не сказал я.— Даже своих детей я сроду пальцем не трогал...» — Но опять меня защекотал этакий педагогический зуд:

— Дело не в удовольствии, а для назидания следовало бы тебе всыпать горячих... Кстати, имею право! Ты сам ко мне в племянники записался. Так что я мог бы взгреть тебя как родственник.

Сашка опять сильно щелкнул резинкой очков. И сообщил:

— Один пробовал. В прошлом году... Месяц с прокушенным пальцем в больницу ходил.

— И кто же этот неудачливый воспитатель?

— П-папочка,— с непередаваемой интонацией сказал Сашка.

Тут мне совсем стало тошно. И чтобы это скрыть, я постарался проговорить со сдержанным упреком:

— Весьма сочувствую твоим семейным неприят-

ностям... Но, в конце концов, не я в них виноват. И не я толкал тебя на... сегодняшнее приключение. Так что зря ты на меня дуешься.

— Это вы... дуетсясь.

— Но у меня-то есть основания!

— А у меня... А мне теперь что? — И вдруг он предложил, хихикнув: — Ну, давайте в угол стану. Колени на горюх.

— Где ты горюх-то возьмешь?

— Ну... тогда просто так. Меня маленького мама носом в угол ставила...

— Видимо, недостаточно...

— Ага, — отозвался он с намеком на прежнюю дурашливость. — Хотите, стану? — И спустил ноги с кровати. Это была уже наполовину игра.

— По-моему, ты сам хочешь. Наверно, для очищения души от греховной тяжести.

— Встаю, — решительно вздохнул Сашка. И шагнул в угол между окном и креслом. Встал ко мне спиной. В нарочито покаянной позе: пятки раздвинул, колени свел, голова ниже плеч. И начал легонько поддавать ногой очки, которые держал за резинку в сложенных за спиной руках.

Я закрыл «сидор». Сказал Сашкиной спине:

— Какой смиренный, послушный ребенок. Всегда бы такой...

Он поддал очки сильнее и пробубнил, не обернувшись:

— Между прочим, это тоже унижительная процедура. Торчать вот так...

Я изобразил сдержанное злорадство:

— Естественно. Всякое наказание унижительно. Ибо оно — наказание, а не праздник.

— Значит, вы меня наказали? — обрадовался Сашка.

— Здрарсте! По-моему, ты сам себя наказал.

Он поглядел через плечо:

— И долго мне так стоять?

— Наверно, пока дурь из головы не улетучится.

— Тогда всю ночь, — печально сказал Сашка.

— Ночь — не ночь, а пока я не вернусь, стой.

— А вы куда?

— Это детям до шестнадцати знать не полагается.

По правде говоря, я хотел пройтись по улице, а потом заглянуть в бар и пропустить рюмку коньяка. Нужно было очухаться от всего, что случилось, и zároveň решительной мерой снять давление, а то в голове начинался гипертонический гудек.

...Так я и сделал. Потолкался среди все еще шумной, хотя и поредевшей карнавальной толпы. Все осуждали взлет «Даблстара». Одни уверяли, что это пришельцы, другие, что подготовленный организаторами праздника аттракцион. Третьи с ними спорили, что никто ради аттракциона не разрешил бы разрушать памятник природы и древности.

Я спохватился, что ни о чем не расспросил Пантюхина. Как могло оказаться, что корабль стоял на площади несколько веков? Неужели «Даблстар» когда-то ушел по вектору времени назад и приземлился в прошлом? И, значит, у них в корабле совсем иной темп времени? Ведь Пантюхин вовсе не библейский старец, а кроме того, там есть даже и мальчишка. Откуда он вообще, этот «Даблстар»? Что ищет, в каких пространствах?

От размышлений голова загудела сильнее, но порция в баре оказалась благотворное воздействие. И я с удовольствием вспомнил, что за три дня путешествия в этих краях мои прежние хвори не потревожили меня. Что ни говори, а благодаря Сашке.

Я взглянул на циферблат. Прошло уже около часа, как Сашка отбывал свой добровольный арест. Впрочем, я не думал, что он и вправду торчит в углу. Наверняка завалился на кровать и читает «Плутонию» или развлекается с Чибой. И, поднявшись на второй этаж, я в

коридоре нарочно затопал погромче, чтобы Сашка успел принять в углу у кресла прежнюю смиренную позу и продолжить игру.

Глава восьмая

ЛИХОРАДКА

1. Пробитое небо

Все-таки он меня надул. Самым бессовестным образом. Когда я вернулся, его и след простыл. Снова было раскрыто окно. Теплый воздух шевелил на столе самолетик из газеты, который Сашка, видимо, смастерил без меня... Я со страхом, с нарастающим опять чувством беды обвел глазами комнату. Чибы тоже не было. И... не было нигде пилотских очков.

Жуткая догадка толкнула меня к двери. Я прогремел вниз по лестнице, кинулся через улицу, толкая людей в пестрых костюмах и масках. Надо мной смеялись, палили вслед из хлопущек. А я, задыхаясь, торопился к площади. С ужасом, с горькой жалостью к обреченному Сашке!

Конечно... Конечно, он так решил... Почему я сразу не догадался? Ведь можно было понять: раз не удалось ударить на «Даблстаре», он попробует взлететь на самолете. Назло судьбе! Чтобы доказать себе и всем, что каменного неба нет!..

Как спасти? Догнать, вцепиться в хвост самолета!..

Нет, не успел я... Когда пробился на площадь, красно-желтый самолет уже дрожал и дергался в сбивчивом ритме двигателя. Триск мотора — как у десятка гоночных мотоциклов — заглушил голоса толпы. Пропеллер превратился в прозрачный искрящийся круг, и за этим кругом, за лобовым стеклом, за выпуклыми очками я увидел прищуренные Сашкины глаза.

— Сашка, не надо!

Конечно, он на меня не взглянул. Не услышал за треском настоящего мотора. Да и в полной тишине он никого сейчас не услышал бы. Он весь был в напряжении старта и прицельно смотрел вперед... Триск перешел в ровный вой, с капота ударил белый прожектор, луч рассек надвое толпу.

— Сашка, не смей... — сказал я уже плачущим шепотом. Самолет шевельнул подкрылками, дернулся и побежал через площадь, подпрыгивая резиновыми бубликами колес на булыжниках. Скорее, скорее... Он пронесся совсем рядом, крыло мелькнуло в метре от моего лица, обдало ветром.

На середине площади самолет взлетел. Толпа замерла, потом разом ахнула: казалось, летучая машина врежется на малой высоте в крышу городского управления, рядом с башней. Но перед самым зданием самолет взмыл, лег на крыло, сделал вокруг башни «бочку» и пошел над площадью по кругу. Толпа будто взорвалась, все орало, плясали, швыряли над собой маскарадные колпаки и шляпы. Три прожектора поймали самолет своими лучами, и он засверкал красным лаком и стеклами. Я видел, как светло-желтым огоньком вспыхивают Сашкины волосы...

Все ликовали, думали, что этот полет — еще один сюрприз праздника. И только я заостенел в обморочном предчувствии.

Самолет в сотне метров над крышами несколько раз облетел площадь, потом вдруг вошел в крутое пики. Ниже, ниже... Опять все замерли, и в этой тишине кто-то пронзительно завопил. Я хотел закрыть глаза и не смог...

Над самыми головами машина выровнялась. Сперва летела горизонтально, затем снова свечкой пошла вверх. Выше, выше!.. Прожекторы едва успевали за ней. Но вот они запутались в густых волокнах облаков, а

самолет мелькнул красной каплей и ушел в этот взвихрившийся туман.

Прожектора качнули лучами и погасили...

Несколько секунд ничего не было. Ни движения людей, ни звука мотора, ни голосов. И я вдруг испытал великое облегчение. Значит, Сашка пробился! Так же, как звездный катамаран! А почему я, дурак, решил, что он не пробьется?

Но в этот миг площадь трянуло глухим каменным ударом. И сверху разошелся ярко-желтый свет.

Среди разорванных облаков горела теперь громадная звезда... Нет, не звезда. Пробоина в каменном своде — неровная, с разбежавшимися трещинами-лучами. В нее пыльным светлым столбом вошел и упал на толпу тяжелый солнечный свет.

Наверно, в другое время это могло показаться красивым. Но в ту минуту... С нарастающим свистом летели вниз и грохались на площадь громадные камни (не знаю, зацепило ли кого-нибудь). Затем, кувыряясь, упало на булыжники искроверканное хвостовое оперение. Рядом с ним ударились резиновое колесо. Подпрыгнуло выше голов и поскакало по булыжникам...

Растворяясь в безнадежности и ужасе этого бреда, я ждал, когда упадет и весь самолет. И... Но время тянулось, тянулось, и было непостижимо, как можно вынести такую муку. И наконец лопнувшей струной ударила догадка: самолет не упадет здесь. Он все-таки пробил каменный свод...

...Почти не помню сзоего пути из-под Горы. И, главное, не помню, сколько прошло часов. Кажется, я мчался куда-то, стоя на крыле пыльного дребезжащего «газика» с парусиновым верхом. Потом карабкался по обрывам — по тем, которые не смог преодолеть в детстве. Наверно, очень долго карабкался. Но времени просто не существовало. И не существовало усталости, боли в сорванных ногтях и сухом расчесавшемся горле...

Потом я долго шел по горячей от высокого солнца равнине. Сквозь щбенку росли кустики сизой полыни. Я шел, шел... и знал, что в конце концов увижу в земле черную дыру с трещинами, а на краю — обломки самолета. И... его...

Не было дыры, только горячая каменно-клочковатая плоская земля. Но когда горизонт стал дымчато-оранжевым, а среди кустиков струйками зазмеился песок странного апельсинового цвета, я увидел самолет. Его остатки. Неожиданно и совсем рядом. Груда деревянных шангоутов, дюралевых трубок и рваные полотнища алой и желтой перкаля.

Я заставил себя подойти.

Сашка лежал под обломками крыла. Видны были раскинутые коричневые ноги. Почему-то не в кроссовках, а в нелепых старомодных ботинках с пуговками. По кругу бегал птичий скелетик. Маленький, гладко-желтый, вроде того, что я не раз видел в витрине магазина «Учебные пособия». Скелетик наклонил голову, глянул на меня пустой глазницей и отчетливо сказал:

— Непр-равда. Это Андр-р-рис...

— Пошел... — отозвался я. Без удивления, уже без страха, только с ощущением невыносимой жалости и горя. Взаялся за крыло, отвалил его.

Сашка лежал ничком, в метре от головы валялись расколотые очки. Льняная рубашка на спине была в бурых пятнах, волосы тоже в засохшей крови. Правую руку он поджал под себя, левую откинул в сторону... Мне вдруг показалось, что пальцы шевельнулись, будто хотели схватить кремнистый осколок. Я быстро нагнулся, схватил Сашку за тонкое запястье с белой полоской от сорванных часов. Потянул осторожно. «Сашка...» Рука легко отделилась от тела. Из места обрыва тянулись какие-то белые ленточки, похожие на резиновую ленту...

— Это алгор-р-ритм! — крикнул из-под крыла скелетик.

Опрокидываясь во тьму, я успел схватить остатки сознания, спрессовать их в мольбе: «Не надо! Пусть это будет сон!»

И сделалось, что это сон.

Я выходил из сна с колотящимся, как у перелуганного пацаненка сердцем, со счастливым ощущением, как отступает, превращается в ничто недавний ужас. И вспоминал, что по правде все было не так. Что, вернувшись, я застал Сашку в углу и он в ответ на мое глуповато-бодрое «как дела?» независимо шевельнул спиной: «Видите, стою. Из принципа...»

— Хватит уж дурака-то валять, — проворчал я. — Вот, я тебе яблоко принес. И бутерброд с ветчиной. Бери, лолай...

Он подошел, взял яблоко. Бормотнул что-то вроде «спасибо». Скинул кроссовки, забрался на кровать, погладил Чибу-котенка, который дрыхнул на подушке. Воткнул в яблоко зубы.

— Может, уж хватит коситься друг на друга? — сказал я.

— Ага... — Он заулыбался и часто зажевал.

— И, наверно, спать уже пора. Вон как нагулялись за день.

— Ага...

...И сейчас он, конечно, соспывает, свернувшись под простыней. Я скосил глаза на Сашкину кровать. Не было Сашки! Только смятая простыня. Я стремительно сел. Дверь в прихожую была открыта, а другая дверь, в туалет, светилась яркой щелью. А, вот оно что...

Какие-то странные горловые звуки донеслись из-за двери — то ли кашель, то ли всхлипы. Я шагнул в прихожую, нажал выключатель. Сашка появился из-за двери — всклокоченный, с измученными глазами в темных впадинах, с мокрым подбородком.

— Игорь Петрович... Меня почему-то очень тошнит... — И стал сползать спиной по косяку.

Я схватил его. Он был, как налитая кипятком грейка.

2. Жар

Дальше опять был страх. Словно продолжение сна. Горячий и беспомощный Сашка обвис у меня на руках. Тяжелый такой, будто неживой. Я принес его на кровать. Зачем-то суетливо укутал простыней до подбородка.

— Да что же это... У тебя жар наверняка под сорок!

А он вдруг перевалился на бок, свесил с кровати голову, его опять затошнило, затрясло. Я подхватил его за плечи, чтобы хоть как-то помочь. Чтобы не вздрагивал так, не стонал. А он то мучился от судорог, то страшно обвисал. Потом выдавил:

— Все...

Я снова уложил его на спину.

— Что же с тобой? Отравился чем-то? Я сейчас в «скорую» позвоню, внизу телефон...

— Не... — он слабо дернулся. — Не надо... Это не отравка... это от жара тошнит. У меня так... бывает...

— Все равно! Врач нужен!

Ох как не хотел я врачей! Но что было делать?

— Не... Это пройдет... скоро. Не бойтесь...

Но я боялся. Боялся за него, боялся своей беспомощности. Боялся жуткой предсказанности того, что случилось. «Это алгор-р-ритм!»

— Полотенце на голову... мокрое... Мама так всегда...

Я метнулся в туалет, намочил два полотенца. Одним обтер Сашке лицо, другое положил на лоб. Сашка благодушно притих.

Лампу я не включал, но света из прихожей было достаточно. Я видел Сашкино лицо под мокрой чалмой, оно казалось маленьким, острым и незнакомым. Да,

надо идти к телефону, звонить по «ноль три». Но я оттягивал эту минуту, будто надеялся на что-то. Может на то, что это опять сон? Нет, все теперь по правде. Я нагнулся, стал загирать полотенцем пол. Сашка зашевелился, выдал жалобный шепот:

— Игорь Петрович, простите, пожалуйста... Что я так...

— Меня аж перекутило от жалости.

— Лежи ты, лежи спокойно. Не надо разговаривать...

— А врачей нельзя... вызывать. Они... решат, что заразное что-нибудь. И в больницу...

— В любом случае я тебя не оставлю.

— А вас не спросят... Меня в карантин, а вас... тоже... для проверки...

— Черт возьми, а ведь и правда может так случиться! Но я сказал со всей решительностью:

— Вдруг ты в самом деле подцепил что-то такое, опасное.

— Да нет же-е... — выдохнул он со стоном. — Это лихорадка. От пере... грузок. Много было барьеров... в пространстве...

— Но ведь я тоже их проходил. И ничего...

— Вы большой... Не надо «скорую»...

Я прополоскал в ванне грязное полотенце, вымыл руки. Вернулся к Сашке. Компресс уже нагрелся как от чайника. Я перевернул его и прямо-таки обжегся о лоб... Может, разбудить хозяйку, попросить лекарство от жара? Она, конечно, мегера, но должна же понять. Ведь ребенку плохо!.. Или выскочить на улицу, спросить, где тут дежурная аптека?.. Батюшки, голова дырявая! У меня в портфеле аптечка, в ней аспирин!

Я вытряхнул все из «сидора», нашел коробочку, выхватил облатку с аспирином. Принес повстакана воды.

— Сашка, надо проглотить. Обязательно. Жар ослабнет, уснешь. А утром поглядим.

— Ага... Давайте...

Я помог ему сесть, придерживая за спину. Она просто польхала, колючие позвонки жгли сквозь майку ладонь, будто угольки. Сашка проглотил таблетку и воду, помычал, откинулся. Но через минуту снова свесился с кровати и его опять стошнило. Водой и белыми зернышками лекарства.

— Нет, голубчик, так не пойдет. Надо, чтобы аспирин растворился внутри.

— Я же не нарочно...

— Я растолку таблетку в порошок. Выпьешь икрепишься.

Он выпил и крепился. На груди от частых толчков сердца вздрагивала простыня. Я подтащил кресло, сел рядом. Взял Сашку за кисть руки — тонкую, как птичья лапка. Вспомнил сон, вздрогнул, но пальцы не разжал.

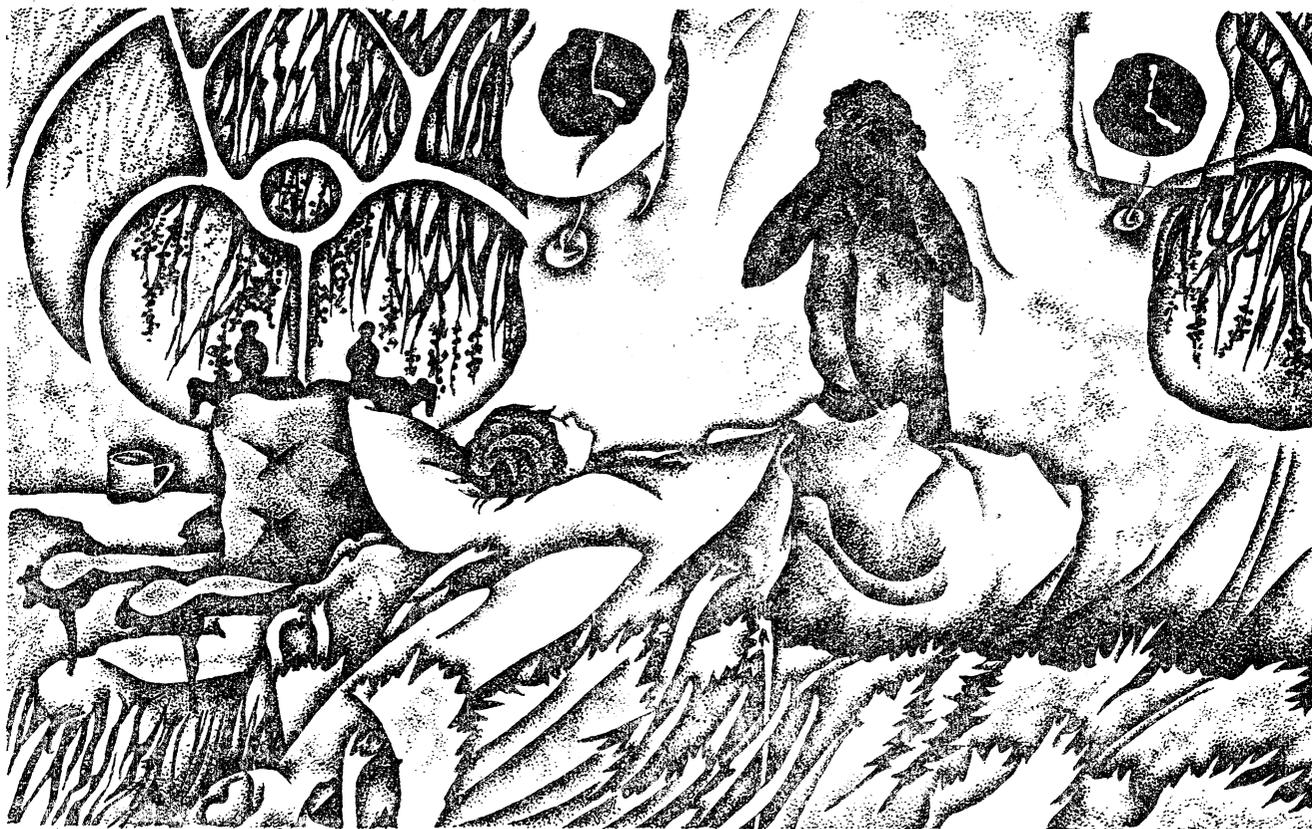
— Чибу... дайте мне, пожалуйста.

— Ох, малыш ты, малыш...

Чибу я нашел на подоконнике — опять в виде тряпичного клоуна, будто неживого. Сашка положил его под бок. Улыбнулся чуть-чуть. Я сменил ему компресс, опять сел у кровати. Сашка вроде бы задремал... Надолго ли? И что будет дальше?

Когда болели Лариска и Денис, их лечила Тереза. А мне оставалось только бояться за них и быть на подхвате — бегать в аптеку, делать грелки, вызывать докторшу Веру Игнатьевну... И всегда была уверенность, что умелые решительные женщины справятся с любой ребячьей хворью... А сейчас я один на один с безжалостной Сашкиной болезнью. Как на необитаемом острове.

Я опять взял Сашкину руку. То ли мои пальцы уже притерпелись, то ли в самом деле — жар, кажется, сделался поменьше. Я откинулся в кресле. Тяжелая, липкая, как смола, дремота обволокла меня. Но потом сделалось легче, и оказалось, что я — маленький, десятилетний — иду вверх по деревянной лест-

нице в разрушенном приморском храме.

Но шел я без привычной детской радости, без ожидания встречи с морем. Горько мне было.

Оказавшись на каменной площадке, я не взглянул на картину. Потому что это был бы взгляд с упреком. А какое право я имел упрекать тех, кого впереди ждало столько мук?

Но все же я сказал тихо и насупленно:

— Если бы что-то со мной случилось, то ладно, так мне и надо. А Сашка-то при чем? Получается, что он из-за меня...

Потом я осторожно поднял глаза на нижний край картины. Над лакированной планкой рамы увидел зеленый край платья и босые мальчишеские ноги. И только теперь заметил, что большой палец на левой ноге, видимо, разбит — замотан серой тряпичей, из-под которой торчит зеленый листик. Наверно, подорожник — извечное мальчишеское лекарство... Тогда я прошептал:

— Ты ведь тоже мальчик. Помоги ему, а?... Я понимаю, что невозможно помочь каждому на Земле, когда так перемешано добро и зло... Но Сашке помоги, постарайся, ладно? Потому что... — Я не знал, какие найти убедительные слова. — Ну... потому, что он проводник. Он водит других, а сам беззащитен на Дороге...

Я мигнул, вытер под носом рукавом ковбойки. Внизу у края рамы висел синий стеклянный пузырек с еле заметным клочком пламени. Я сел перед ним на корточки.

— Ты же сам отпустил меня на Дорогу...

Огонек шевельнулся. Я нерешительно придвинул к нему ладони. И он опять согрел их сквозь стекло пушистым теплом. Совсем не таким, как колючий жар Сашкиной болезни.

С этим ощущением я проснулся. За переплетами венецианского окна светил желтый рассвет Подгорья.

3. Ловушка

Сашка лежал на боку, носом к стене. Волосы его клеились в сосульки. Влажная простыня была откинута. Майка пропотела насквозь. Я тронул мокрое Сашкино плечо — оно было теплое, но без большого жара. Он проснулся, повернул голову, улыбнулся слабо и виновато.

— Ну, кажется, наши дела получше, — сказал я. — Давай-ка маечку снимем, а то простудишься в сырости... — Помог ему сесть, стянул майку через голову и жидкие, как плети, руки. Опять поразилась щемящей разнице между загорелой кожей шеи и беспомощной белизной спины с лопатками-крылышками. Ощущение Сашкиной ребячьей беззащитности резануло меня новым страхом.

А он вдруг оперся локтями о подушку, пробормотал:

— Ох, простите, мне надо... — Спустил с кровати ноги.

Я помог ему дойти до туалета, подождал, привел назад. Откинул на своей кровати одеяло:

— Давай-ка сюда... — Уложил его на сухие простыни.

— А вы? Где будете спать?

— В кресле выпался.

— Намучились вы со мной...

— Помалкивай... Ну-ка укрйся, а то дрожишь.

— А где Чибя?

Чибя — в виде котенка — вышел из-под кровати, муркнул: «Доброе утро». Прыгнул на одеяло. Свернулся клубком.

Я придвинул кресло, сел.

— Спи. Рано еще. Тебе сейчас полезно больше спать.

— Ага... — Сашка послушно прикрыл глаза. Но че-

рез минуту опять вскинул ресницы. Глянул на меня, на потолок.

— У тебя что-нибудь болит?

— Не-а... Только весь такой... будто через выжималку в стиральной машине пропустили.

— Бедняга ты... За что на тебя такая напасть?

Он пробубнил — и виновато, и насмешливо:

— За то, наверно, что от вас... ударить хотел.

— Ты что же? Верить в Провидение?

— В привидения? — удивился он.

— Да нет... В судьбу, в законы высшей справедливости и так далее...

Сашка погладил Чибю, вздохнул, глядя в потолок:

— Мама верит... Она говорит, что, если что-нибудь натворил, расплачиваться все равно придется. Поэтому и не наказывает. Говорит, что жизнь сама спросит...

— И сбывается?

— Часто...

— Мудрая у тебя мама...

Он скосил на меня глаза, сказал нерешительно:

— А у вас... разве не такая?

— У меня, Сашка... маме было бы сейчас уже за девяносто. Я был поздний ребенок...

— Ну, все равно. По-моему, она похожа на мою...

— Почему ты решил?

— Ну... когда вы по хронофону говорили, помните? У неё голос похожий... как у моей мамы.

— Может быть...

Я вспомнил историю с сундуком и телефонным аппаратом, и показалось, что случилось это давным-давно... Как хорошо было бы оказаться сейчас на Пустырной улице (такой привычной, просто родной) под решительной опекой Генриетты Глебовны Барновы... Но как туда доберешься с беспомощным Сашкой?

А здесь — ни друзей, ни знакомых. Пантюхин? Неизвестно, где его искать. Ребята из «Пилигрима» еще вчера покинули Подгорье... Сашка снова не по-хорошему розовел, и глаза у него блестели. Я потрогал его лоб.

— Ну вот! Опять ты раскалился.

— Да ничего... А почему вы сказали, что были поздний ребенок?

— Потому что так... Сперва старшие брат и сестра родились. А я уже много после, через двенадцать лет...

— А я всего один... Тоже поздний. У мамы долго детей не было, а потом... вот...

— «Вот» получился вполне удачный, — деликатно сказал я.

— Не знаю. Маме сравнивать не с кем, раз я один... А вас брат и сестра не обижали маленького?

— Нет... Когда я подросток, они жили уже отдельно, учились в Ленинграде, потом и остались там... А мы с мамой вдвоем... Отец был офицер, после войны в Германии служил, а потом... В общем, развелись они.

— Все похоже, — выдохнул Сашка.

— Что поделаешь...

— Может, и к лучшему. А то с отцами одни скандалы...

Я хотел возразить, что с моим отцом было иначе — ни историй, ни скандалов. Но, во-первых, от этого не легче, а во-вторых... зачем это Сашке?

— Видать, хлебнули вы с мамой, — сочувственно сказал я.

— Было, — согласился он как-то очень бесхитростно. — Главное, что при этом у меня свойства терялись. «Проводниковые»... Я боялся, что навсегда... А вас никто, значит, никогда не обижал... и не трогал?

— Одно время жила с нами младшая мамаина сестра, тетя Лика. Да какая там «тетя», студентка. Она возымела привычку хлопать меня линейкой. Но это обычно кончалось так: она линейкой — трах, а я выхвачу — и о колесо. Наломали в конце концов стола...

ко, что хоть печку растапливай... Только один раз меня хотело взгреть по-настоящему. Попал в ловушку.

— Терпеть не могу ловушки.

— Кто же их любит... Мы с приятелями стреляли из луков, и стрела моя залетела в чужой двор. А в нем — палисадник вокруг грядки, высокий, выше моей головы... Ну, думаю, там надо искать. Перелез и вдруг вижу: ко мне дядька движется, хозяин... Не какой-нибудь там красноречивый кулак, а вполне профессорского вида, в очках, в соломенной шляпе, с бородкой... Я, конечно, обратно к палисаднику. Ухватился, ногами скребу по рейкам, в обе коленки занозы вогнал, а руки слабеют. Как во сне, когда за тобой гонятся, а ты еле движешься... Наконец подтянулся, но пальцы тут сорвались и я повис... На груди между лямками была перекладина, она наделась на торчащую рейку — и обратно мне никак, высоко...

— А оторвать нельзя? Перекладинку эту...

— Меня подвели штаны... До того дня я был ими очень доволен: крепчайшие, из замши какой-то особой выделки. Мне их отец из Германии прислал. Там, в Тироле, такие кожаные штанишки на лямках носят и мальчишки, и взрослые мужики. Сначала я надевать их стеснялся: какие-то «не советские», с кожаными кисточками, с отворотами. Однако ребята во дворе «трофей» оценили, самый образованный, Женька Ремезов, сказал: «Как у Вильгельма Телля». Понравилось всем и качество материала. Особенно здорово было в них кататься с наклонной крыши большого погреба, по гладкому кровельному железу. Правда, взрослые ворчали, что зад сделался отполированный...

— Так ведь тирольские штаны, они чем больше потеряты, тем ценнее. Я читал, — вставил Сашка.

— Женька Ремезов так же говорил. Но тетюшка Ляка не верила и несколько раз хватала линейку. Однако тирольская замша и здесь мне служила верно...

Сашка хихикнул и спросил нервно:

— А в огороде-то... Вы все-таки убежали?

— Не сразу... В общем, я повис, как кукла в кладовке у Карабаса. Вывернул шею и смотрю в каком-то полуобмороке, как хозяин приближается. А он не спешит, видит, что я как пескарик на крючке. И улыбочка у него... Вырвал он у забора сорняк с крепким стеблем, идет, ощипывает с него листочки, помахивает. И глаза у него, Сашка, какие-то медовые, в них удовольствие, что вот он я перед ним — беспомощный, голодный, готовенький для расправы... Но тут во мне как пружина сорвалась: заорал, дернулся изо всех отчаянных сил. Рейка отломилась, повисла на мне вместе с ржавым гвоздем. Я плюхнулся в траву, схватил обломок, пустил его в хозяина. Кажется, гвоздем оцарапал ему щеку. И тут же — мимо него, в одну калитку, в другую...

— Не поймал?

— Нет... Потом, правда, разузнал про меня, приходил жаловаться. Мама перепугалась, засадила меня на целый день дома... Но это были пустяки по сравнению с той жутью, когда я висел, а он подходил... Мне и теперь этот случай снится, если жизнь опять ловушки устраивает...

— Я вот тоже теперь... в ловушке, — вздохнул Сашка.

— Ну, что ты говоришь! Ты же не один, со мной!

— Да... — Он поспеел виновато, опять опустил ресницы и сказал так, с приоткрытыми глазами: — Вы меня не бросили... А я вчера... вас чуть-чуть одного не оставил...

— Да ладно тебе. В конце концов, я же не больной. Взрослый, здоровый дядька...

— Ох уж и здоровый...

— Ну, все-таки... Большой, самостоятельный.

— Не такой уж самостоятельный, если с проводником... А проводник-то чуть-чуть не сбежал!

Я сказал осторожно:

— Но ведь теперь-то ты уже не жалеешь, что у тебя ничего не вышло?

Он опять глянул очень блестящими глазами. Щеки розовели все сильнее. От жара или по другой причине?

— В том-то и дело, что жалею... Но если бы это вышло, жалел бы, что вас бросил... — И часто задыхался.

— Сашка, что? Опять хуже стало?

— Нет, ничего...

Было уже совсем утро. В коридоре — шаги, голоса.

— Я сейчас вернусь...

Хозяйка была в баре. Я небрежно сказал ей, что мальчик слегка прихворнул: видимо, переутомился вчера. Не найдется ли градусник? Хозяйка градусник принесла и проводила меня настороженным взглядом.

Сашка подержал градусник минуты две и... — Батюшки мои! — тридцать девять и две! Это с утра-то! — Только не надо врача! Я еще таблетку проглочу, посплю, и все пройдет!

И он правда уснул, приняв аспирин.

И Чива уснул — превратившись в летучую мышь и повиснув на люстре. Я тоже задремал в кресле... И проснулся от того, что Сашку опять тошнило — водой и крошками аспирина. Я подхватил его за плечи, и снова он обвис у меня в руках, горячий и беспомощный. Потом откинулся на подушку, отдышался, выдал жалобно:

— Это последний раз... Ничего...

Какое уж там «ничего»... Что же делать-то?

Едва я успел вытереть пол, как постучали в дверь. Появилась хозяйка с подносом. Величавая, как старая фрейлина.

— Вы сказали, что мальчик нездоров. Я решила, что позавтракать вам лучше здесь... — Она опустила поднос с тарелками и кофе на стол, оглянулась на Сашку. — О... да у него несуточный жар! Вам не кажется, что это серьезно?

— Нет... — сказал Сашка.

Хозяйка повела плоским плечом, выплыла из комнаты. Но в дверях оглянулась и поманила меня. Я надел пиджак и вышел.

Хозяйка сказала опять:

— Вам не кажется, что это серьезно?

— Кажется, — признался я.

— По-моему, срочно нужен врач. Вы же взрослый человек, должны понимать...

Я был взрослый человек, я понимал: она права. И все же сидело во мне глупое ребячье чувство, что я предаю Сашку.

— И в конце концов... — У нее сделалось совсем деревянное лицо. — Поймите и меня. Здесь не медицинское учреждение. Вдруг у мальчика инфекция?.. Я позвоню в скорую помощь.

Я пожал плечами — с печалью и облегчением. Потому что спорь — не спорь, а она все равно позвонит.

Когда я вернулся в комнату, Сашка — со сверкающими щеками и торчащими волосами сидел на краю кровати. Он был в рубашке на голое тело и суетливо натягивал шортики.

— Что с тобой? Ты куда?!

— Я знаю... она звонить пошла... врачам...

Сашка быстро встал. Затолкал босые ноги в кроссовки. Шатнулся. Я подхватил его. Он дернул горячими плечами.

— Окно откройте...

— Зачем?

— Откройте окно... ну, пожалуйста! — сказал он так отчаянно, что я бросился, толкнул створку. Сашка ринулся мимо меня, вмиг оказался на крыше. Откуда только силы!

— Сумасшедший!..

— Карр! — заорал Чива, вороненком качаясь на люстре. — Скар-ре! Кар-рета «скор-рой»...

«Негодяй», — мельком подумал я, вываливаясь из окна вслед за Сашкой. Тот с кромки крыши сиганул в песочную кучу совсем как здоровый. Но с песка уже

не встал. Приподнялся на четвереньках, потом сел. Прилег на бок...

Не помню, как я скатился по лестнице. Схватил его. Он всхлипнул, перемазанной в песке щекой привалился к пиджаку. Что-то бормотнул. Я — уже в каком-то отупелом отчаянии — понес его к крыльцу.

— Не туда, — простонал Сашка. — Вдоль забора.

— Не дури.

— Ну, я прошу вас... Грани сходятся, я чувствую. Это последний шанс...

— Ты бредишь, что ли?!

— Нет! Всего десять шагов! Если боитесь, закройте глаза! Игорь Петрович...

«Минутное дело, — решил я, — пусть. А то еще потеряет сознание...» — И заплетаясь башмаками в траве, стал считать вдоль забора шаги. И зачем-то в самом деле закрыл глаза. А после десятого шага открыл...

И увидел, что стою на темной Пустырной улице.

4. Спасение

Генриетта Глебовна поняла все моментально:

— Догулялся, голубчик!.. Несите его к моей кровати... — Она растолкала подушки, откинула атласное одеяло. Я с невыразимым облегчением опустил Сашку в прохладную мякоть обширной постели. Сдернул с него кроссовки.

Генриетта Глебовна стремительно облачилась в белый фартук, принесла полотенца и какие-то бутылки. Включила настольную лампу. За окнами синели сумерки. Наверно, при межпространственном переходе опять сместилось время, на Пустырной улице уже был вечер...

— Игорь Петрович, вы не переживайте, — бодро гудела Генриетта Глебовна. — У мальчишек это бывает. Особенно часто случается, когда резкая смена климата, например, если на Юг приезжают. А ведь там, где вы гуляли, эти смены на каждом шагу... Сейчас мы этого героя натрем уксусом, вернейшее средство. Завтра будет как огурчик.

Сашка бессильно пробубнил в подушку:

— Не хочу... натираться...

— Да?! — обрадовалась Генриетта Глебовна. — Надо же! Буду я тебя спрашивать!.. Игорь Петрович, помогите-ка его раздеть... Совсем, совсем... Ах, мы еще дергаемся! Какие мы стеснительные! Будто не видела я вашего брата... Вот так... Игорь Петрович, полотенце мне, пожалуйста, и бутылку...

От запаха уксуса закружилась голова. Я быстро отошел, сел. Локти Генриетты Глебовны энергично двигались. Покорившийся судьбе Сашка ойкал и постанывал. Я закрыл глаза.

... — Игорь Петрович, выпейте-ка вот это и тоже ложитесь. Вы, я смотрю, намучились с ним...

Я увидел у своего лица зеленый стаканчик, из него пахло мятой и валерьянкой. Я выпил, пошла по жилам прохлада и сладкая беззаботная усталость. Сашка лежал, укрытый до носа одеялом. Дремал. Ну и хорошо...

Я пошел к себе. Начал раздеваться. С грустью подумал о пиджаке, которая с «сидором» и всеми дорожными вещами осталась в Подгорье... Ладно, лишь бы Сашка поправился... А то ведь этот его дурацкий «алгор-р-ритм»... Едва я забрался под одеяло, как постучала Генриетта Глебовна.

— Игорь Петрович, простите. Он про какую-то Чибу бормочет. Спрашивает, не появлялась ли. Я сперва думала, что бредит, но... Ай, кто это?!

В открытую форточку лезла обшарпанная плюшевая обезьяна с большущей (больше, чем она сама) синей сумкой через плечо. С книжкой «Плутония» в мягкой черной лапе...

Когда я проснулся, обрыв за окнами был рыжим от солнца.

Натягивая брюки, я слышал, как на кухне Генриетта Глебовна чем-то звякает и напевает старинный марш «Тотлебен». Это внушило мне бодрость и надежды. Я оделся и первым делом сунулся в комнату к Сашке. Там било в окна солнце. Сашка сидел на кровати, завернувшись в простыню как в бурнус. Глянул на меня и сказал вредным голосом:

— Штаны куда-то спрятали. И все остальное... Что за жизнь! — Но тут рот его округлился, а глаза сделались несчастные: мимо меня в комнату вдвинулась Генриетта Глебовна. У плеча она держала вверх иглой искрящийся на солнышке шприц.

— Смотрите-ка! Жалуетесь! Я, старая, ночь на раскладушке промаялась, а он на перине почивал, и теперь еще недоволен жизнью!.. Прекрасная у тебя жизнь, радость моя! И будет еще лучше, когда введем укрепляющее средство... А потом и штаны получишь. Ну-ка...

— Зачем! — панически сказал Сашка. — Не дам я!.. Мне нельзя! У меня от этого... обмороки бывают! Правда!

— Обморок — это не смертельно. Зато здоровее будешь.

— Игорь Петрович! Я и так уже здоровый!

Но я развел руками в знак бессилия и покорности обстоятельствам. И вышел. Вскоре послышалось: «Ай! Ешкин свет...» В ответ — сухой шлепок и добродушное: «Ты мне поругайся, чучело гороховое... Все, теперь ты живой-здоровый. Не первый раз я тебя за уши на белый свет вытаскиваю...» — «А когда первый-то был?» — «Много хочешь знать... Одевайся и брысь!»

Скоро Сашка появился — слегка надутый, но без признаков хвори.

— Как самочувствие, лощман?
 — Ага! Скажу, что плохое, так опять... «укрепляющее средство»...
 — А если всерьез?
 Сашка подпрыгнул, болтанул в воздухе ногами.
 — Хоть сейчас на маршрут!
 — Никаких маршрутов,— сообщила из своей комнаты Генриетта Глебовна.— Сегодня от дома не отходить, отдыхать, смотреть телевизор... Игорь Петрович, ему в самом деле еще нельзя. Да и вам полезно передохнуть.
 — Слушаем и повинемся.
 — То-то же. Ступайте завтракать.

5. Кое-что о «Далбстаре»

До обеда Сашка то колдовал над комбинациями из спичек, то валялся на раскладушке и читал «Плутонию». Я тоже почитал — «Апокрифы» и «Вестник». Потом сходил в местный универмаг: надо было обзаводиться имуществом взамен оставленного в Подгорье. О Сашке-то Чива позаботился, притащил сумку, а я остался даже без бритвы... Купил я объемистый портфель и все, что полагается человеку в поездке. Жаль было свой заслуженный «сидор», да что поделаешь... Хорошо хоть, что ушел из Подгорья в пиджаке, с паспортом и деньгами в кармане...

Вернувшись, я опять лениво взялся за книги. С Сашкой мы почти не разговаривали, но молчание наше было не тягостным. Оба мы были, как два путника, утомленные долгим путешествием и понимающие друг друга без слов. Я спросил только:

— Сашка, а где Чива?

Сашка сказал недовольно:

— Шастает где-нибудь. За ним разве уследишь...

В обед Генриетта Глебовна покормила нас борщом и жареными карасями. Сашка ел охотно, и за это нам разрешено было погулять в парке над обрывом.

— Только не лезьте вверх напролом, идите по лестнице. А то знаю я вас, альпинистов.

С моей-то ногой напролом по обрыву! Скажет тоже... Тем более, что опять гудела голова. Ну, ничего...

Парк был захламлен, решетчатые павильоны и лавочки заросли сорняком. Сирень разрослась, как джунгли, и пахла одуряюще. А над ней — высоченные березы, клены и липы, солнце сквозило в них — как тысяча золотых шпаг. И тихо-тихо. Почему-то совсем не было слышно и видно птиц. Только по кривономугому облезлому роюлю, что стоял на развалившейся эстраде, прыгали воробьи.

Я забрался, открыл клавиатуру, хотел тронуть клавиши.

— Не надо,— тихо, но решительно сказал Сашка.— А то... всякое может быть.

Ну, ему виднее. На то и лощман.

— Сашка, здесь что, никто не бывает? Рояль бросили...

Сашка повеселел, хихикнул:

— Бывают, наверно... Только по ночам. Такое тут...

— Кто? Нечистая сила, что ли?

— Ага... Похоже,— дурашливо сказал он.

— Ну тебя...

Сашка ответил уже серьезно:

— Я не знаю. Это закрытый объект. Сюда только у лощманов первой категории есть полный проход.

— А у тебя какая категория?

— Пока никакой, потому что документы не дают. Но по третьей взрослой я все равно работаю. А то и по второй... Ура, лошадь! — Он взлягнул ногами и помчался от меня.

У края обрыва стояла не лошадь, а гипсовая скульптура лося с обломанными рогами. Сашка, будто

обезьяна, забрался посю на спину и сел с видом полковода. Но мне показалось, что он чересчур бодрится. Неестественно. Я вспомнил, как еще недавно он почти без сознания висел у меня на руках, и страх опять прошел по мне короткой судорогой.

— Сашка... Ты как себя чувствуешь?

— Я-то? Во! — Он вскинул большой палец, этим же пальцем почесал нос и сообщил решительно: — Завтра мы во-он туда отправимся.— Вытянул к горизонту руку.

С обрыва был виден весь город Овражки, за ним луга и роши, лес в синеватой дали, а из-за леса поднимались, как свечки, белые колокольни. На них и показывал Сашка.

— А что там?

— Ново-Камышино. Деревушка, а рядом крепостно-монастырь. Там и сейчас монахи живут. Говорят, у них библиотека такая, что даже из всяких академий ездят... Может, вы там и ту самую книгу найдете, Ршелье...

— Как же, найдешь ее...

— А может... и Тетрадь.— Сашка хитро глянул с высоты.

Я не выдержал:

— Дернуло меня однажды за язык сказать тебе о них. И о книге, и о Тетради...

Кажется, он слегка надулся. Я проговорил примирительно:

— Пойдем еще побродим.

Сашка на животе сполз с гипсового «коня».

— Пойдемте. Мое дело такое, я проводник.

— Обиделся, что ли?

— Не обиделся. А только, что вы все время... это...

— Что?

— Киснете!

Вот ведь душекопатель на мою голову!

— Не кисну я. Просто подумал, что Генриетта Глебовна не пустит нас завтра. Путь-то, небось, не близкий.

— Ага! Надо по речке сплавляться. Вон, видите среди лугов блестит... За день не успеть...

— Вот я и говорю!

— Ну и что! Поплывем, когда пустит!

— А послезавтра наш контракт кончается...

Сашка вскинул потемневшие глаза:

— Вам, значит, уже надоело со мной, да?

— С чего ты взял? Господи, да поплывем, если хочешь!.. Только больше не болей.

— Не! Теперь у меня им-му-ни-тет!

Мы бродили еще долго. Как в неведомом лесу. Наткнулись на кривобокую избушку, она стояла на могучем пне, будто на разлапистой птичьей ноге. Скорее всего это был заброшенный киоск, построенный в нарочито сказочном стиле. Но...

— Смотри, Сашка, жильё бабы Яги. «Ешкин свет»!

— Точно! Сейчас бабка сама пожалует! На метле! — Сашка, смеясь, вскинул голову. Я тоже.

Небо уже было предвечерним. Бабы Яги в нем не оказалось, только золотилось похуже на перо облака, и его протыкали два реактивных следа. Очень близко друг от друга. Видимо, два истребителя в тренировочном парном полете.

— Будто катамаран,— сказала я.

Сашка быстро и без улыбки посмотрел на меня. Вот тут я его и спросил:

— Слушай, лощман, объясни мне все-таки: почему те люди, с «Далбстара», оставили на Земле Пантюхина? Он же капитан! Разве они имели право?

— Ну, значит, имели,— сказал Сашка неохотно.— Раз путь такой... безвозвратный. Они не хотели, чтобы Пантюхин тоже не вернулся. У него семья в Турени...

— Подожди... Что значит, «невозвратный» путь? Зачем тогда мальчишку взяли?

— Какого мальчишку?

— Ну, был там кудлатый, маленький...

Сашка сказал, глядя под ноги:

— Все это и не мальчишка... Они все почти ровесники были — два темпоральных исследователя и капитан. Но один с Круга Времени вернулся на полужае, поэтому в таком виде...

— Ничего не понимаю...

— Я тоже толком не понимаю. Мне Пантоухин это в машине объяснял, в двух словах, пока вы дремали...

— Я дремал?!

— Ага, вы сами не заметили. Когда в гостиницу из конторы ехали... Но он мало объяснил, про остальное я сам кое-как догадался. Тут вообще сплошная легенда. Оказывается, катамаран свободно менял направление по вектору времени, ходил то в прошлое, то в будущее... Но теперь у них кончился локальный срок. По алгоритму... И они пошли вдвоем, два брата, по прямой через Кристалл. Со скоростью света... До конца...

— До... какого конца?

— Пока не столкнутся с каким-нибудь метеоритом. Тогда каждый станет звездой... Двойная звезда...

— Страшноватая легенда, — вздохнул я. И подумал: «Только тебя там и не хватало...»

— Почему страшноватая? — кажется, обиделся Сашка.

— Ну... то есть печально все это. Разве можно стать звездой от столкновения в космосе? Сгоришь, вот и все.

— Это как лететь. У светового предела масса же возрастает... А душа... она разве может сгореть, если она есть?!

Я не знал, что сказать. И сказал, что пора домой.

Этот оборот и бес-искуситель все же уговорил меня спуститься не по лестнице, а напрямик — с обрыва. И кончилось тем, что мы кубарем скатились прямо во двор к Генриетте Глебовне.

Сашке-то ничего, а я чувствовал, что это последняя минута моего существования, и хотел только, чтобы никто не видел такой недостойной кончины. Но ее видели. На крыльце стояла незнакомая женщина.

Сашка кувыркнулся через голову, вскочил и кинулся к ней.

— Мама!..

6. Обман

Когда Генриетта Глебовна привела меня в состояние, близкое к жизни, я сел на крыльце и со стоном спросил:

— А этот... провокатор... Жив он?

— Что ему? Он резиновый. А вы самоубийца.

— Ох... А зачем его мать приехала?

Генриетта Глебовна опустила рядом.

— Скажу честно, это я ей позвонила. Хоть ругайте меня, хоть бейте... Нельзя ему сейчас путешествовать, рецидив может быть. Слабенький он. Организм-то растет, тянется, а сердечко отстаёт...

— Правильно вы сделали, Генриетта Глебовна, — сказал я со смесью грусти и облегчения.

— Я еще утром позвонила в Краснохолмск, только вам не сказала, чтобы раньше срока не расстраивать... Мы условились, что она завтра приедет, да вот не выдержала, примчалась. Хотя я и говорила: не волнуйся... Мы ведь с ней, с Верой-то, давно знакомы, только Сашка меня не помнит...

Вера Николаевна, Сашкина мама, оказалась вовсе не похожей на мою. Маленькая, тихо-улыбчивая, с желто-серыми Сашкиными глазами. Но, видимо, достаточно энергичная, несмотря на свою внешнюю нерешительность. По крайней мере, Сашка ее слушался.

Не заскандалил, когда узнал, что надо уезжать сегодня. Только посмотрел на меня грустно и виновато.

— Надо, так надо, — мужественно сказал я. — Что поделаешь.

— У меня с работой так получается, — объяснила Вера Николаевна. — Завтра надо быть на дежурстве в отделе... — А когда Сашка ушел собираться, добавила: — А что срок по договору не кончился, то я верну плату, сколько положено.

— Не хватало нам еще говорить про такое!

Я пошел в нашу комнату. Сашка, вздыхая, укладывал в сумку свое имущество.

— Не кручинься, молодец, — сказал я. — Мы и так славно погуляли. Масса приключений...

Сашка слабо улыбнулся:

— А Тетрадь-то все равно не нашли.

— Да не было, Сашка, никакой Тетради...

Мать, перепуганная Сашкиной лихорадкой (может, простуда?!), привезла ему джинсы и оранжевый крупной вязки свитер. Сашка был сейчас в этом наряде и казался каким-то маленьким, укутанным, присмирившим. Лишенным своего лоцманского дара. Он сел против меня на раскладушку и тихо спросил:

— А если не найдете Тетрадь, то, может, хотя бы вспомните, что в ней писали?

«А тебе-то зачем это, малыш?» — подумал я.

— Много раз пробовал вспомнить... Мне кажется, это была повесть о Дороге.

Он спросил еще тише:

— Вообще? Или о той?

Выходит, он и правду знал, что существуют два понятия Дороги. Во-первых, это жизненный путь, на котором желания человека то спорят, то сплетаются с законами Всеобщего Кристалла Вселенной. И с жизнями множества других людей. Судя по всему, это и образует Судьбу. Но, во-вторых, есть еще чисто физическое понятие Дороги. Путевая полоса, бесконечно протянувшаяся сквозь грани совмещенных кристаллических пространств и хитросплетения темпорального континуума. А может быть, и сквозь межпространственный вакуум... Это обычный тракт — местами асфальтовый, местами мощный булыжником, кое-где устланный плитами со старинными письменами загадочных цивилизаций. А иногда он — просто песчаный или земляной — с травянистыми обочинами и застоявшейся в тележных колесах дождевой водой. Идет эта Дорога среди звезд и миров, идут по ней люди разных времен. Порой встречаются те, кто давно потерял друг друга. Иногда находят то, что нигде в жизни найти не могли. А некоторые идут, зная дальнюю и тайную цель. Может быть, хотя бы отыскать смысл бытия... Сама Дорога бесконечна, и Время на ней бесконечно тоже. И, возможно, кое-кто отыщет, что искал, поймет, что хотел понять...

— О великой Дороге хотелось написать, — сказал я. — Во всех ее проявлениях. В том числе и о той... Я, правда, никогда не был на ней, но, случалось, видел во сне.

— Во сне видят многие, — глядя в пол, возразил Сашка. — А как выйти на нее, не знает никто, даже самые лучшие лоцманы... Многие говорят, что ее нет. Нам объясняли, что понятие «Дорога» не вписывается в структуру Кристалла...

— Значит, надо искать за пределами структуры! — Я старался сказать это бодро.

— Но ведь Кристалл безграничен!

— Кто знает...

Сашка сидел, полохматил затылок. Потом затолкал в сумку обмякшего тряпичного Чибу, взял со стула свой льняной костюм — помятый и лишившийся нескольких пуговиц, встряхнул его. Из кармана выскочили два бумажных комка. Мы с Сашкой посмотрели на них, потом друг на друга. Сашка торопливо на-

гнулся, поднял. Смущенно, словно против желания, расправил конверты. Потом один скомкал снова, а другой... сунул мне.

Сидя на кровати, я вытащил и стал читать мятый лист с крупными торопливыми буквами.

«Игорь Петрович! Пожалуйста, не обижайтесь! На улице Часовых Мастеров, номер 2, это рядом, живет лощман Валерий Кротов, вы скажите ему, что вы от меня, он выведет. А я должен улететь, потому что это такой единственный шанс. Я раньше не знал, что «Даблстар» будет стартовать сегодня. Игорь Петрович, получается стереоэффект. С Андрисом. Он заглядывал в тот сундук, и я тоже. Он перелетел через Атлантику, а я должен перелететь через пространственную пустоту в другое время, туда и обратно. Поэтому что это такой корабль. Этот случай нельзя пропустить. И тогда случаи с Андрисом и со мной наложатся друг на друга и возникнет новый вариант пространства и будет много всего интересного. И может быть, откроется Дорога. И тогда я позову Вас. Сашка».

Почерк был как «курица лапой», но ошибок ни одной. И даже «Вас» — с большой буквы. Это я отметил машинально. А главное — была новая волна страха за Сашку. Страху сильного, хотя и запоздалого.

— Сашка... Но ведь Андрис не летал через Атлантику. Не успел, разбился в тренировочном полете...

Сашка опустил на пол сумку, опять сел. Глянул недоверчиво. Потом — потерянно. Сказал полупотом:

— Но вы же... вы тогда сами говорили...

— Да. Потому что не хотел огорчать тебя...

— Причем тут «огорчать», — проговорил он еле слышно. И лучше бы никогда не видеть мне этих горьких Сашкиных глаз.

— Господи, но я же не думал, что так повернется! Сашка... — У меня было резкое болевое ощущение, как рвутся между нами все ниточки, как рушится все хоршее.

Он сказал отчужденно, будто незнакомому:

— Вы не думали, а у меня... все планы у меня на этом строились. А теперь...

— Но ведь «Даблстар» все равно ушел! И слава Спасителю, что без тебя! Ты сам это знаешь... Теперь то какие планы!

— Вы ничего не понимаете, — бессильно ответил Сашка. Скомкал свой льняной костюм, как тряпицу, запихал в сумку. Рывком задернул молнию. И замер так, будто боялся разогнуться и лишний раз взглянуть на меня.

— Сашка... Ну откуда я мог тогда знать, что это так важно?..

Он стрельнул из-под волос мокрыми глазами.

— Это неважно? Перелетел человек через океан или погиб!

— Но это же было давно...

— Это было, — сказал он. И отвернулся к окну. Маленький, в мешковатом свитере, несчастный. Упрямый...

Зачем дернуло меня в тот вечер сказать неправду? Трус несчастный... Зачем вообще меня принесло сюда из больницы? Зачем повстречался с Сашкой? Подыхал бы, дурак, в палате и в тысячу раз был бы счастливее, чем теперь. Чем видеть эту Сашкину спину и опущенные руки...

Сашка, не оборачиваясь, произнес вполголоса:

— Оказывается, писатели тоже умеют врать...

— Еще как, — сказал я с ненавистью к себе.

Сашка постоял и тихо вышел, не взглянув на меня. ...Но потом, при матери, он держал себя со мной без видимой обиды. Только задумчивый был. Он не заспорил, когда я сказал, что провожу их до станции. Прощептал:

— Как хотите...

По дороге он молчал.

Точно мне вспоминать этот похоронный путь. Мать сказала Сашке:

— Ну что ты кукишься? Жаль, что так неудачно все кончилось?

— Ага, — вздохнул Сашка. А она не знала, как все у нас кончилось. Улыбнулась даже:

— Ничего. Может быть, не последний раз.

Мне захотелось, чтобы рядом была кровать и чтобы я мог лечь и заскулить в подушку.

У вагона Сашка, уткнувшись глазами в перрон, сказал «до свиданья». И даже подал мне руку, когда я нерешительно протянул свою. Но рукопожатие было такое, словно не ладонь у Сашки, а вялый лист.

И лишь одно меня чуть-чуть утешило. Уже на подножке он оглянулся и тихо посоветовал:

— А в Ново-Камышине вы все-таки побывайте. Это можно и одному. Вдруг найдете чего...

И уехал.

Я опять вспомнил о кровати и подушке. Опустился на вокзальную скамейку и присидел на ней до сумерек. А когда вернулся к себе, увидел на подоконнике «Плутонию».

Нарочно он оставил книгу или просто забыл?

Я лег и решил, что завтра уеду домой.

Глава девятая

БЕЗ ЛОЩМАНА

1. Ново-Камышино

В Ново-Камышине я все-таки побывал.

Мне казалось, что, если я исполню это прощальное Сашкино пожелание, потом будет легче, спокойнее (хотя когда «потом»? И зачем?). С соседским Костей, который вежливо помогал мне, мы отыскали на берегу Окуневки щелястую плоскодонку, а потом и ее небритого, страдающего от похмелья хозяина. Я сторговал «корабль» за два червонца и сам законпатил и засмолил (Костя содействовал — подносил от костра жидкий гудрон, ухитряясь при этом не испачкаться).

Облачившись в новый тренировочный костюм, я поплыл вниз по Окуневке среди кувшинок и зарослей рогоза. Путь и правда оказался неблизкий. Белые свечи новокамьшинских колоколен (похожие на московского Ивана Великого) то справа, то слева вставали за травами плоских берегов, но не приближались.

Я заночевал на острове с низкими ветлами, во круг которого орали лягушки. Продремал до рассвета у костра, завернувшись в брезентовый плащ, который одолжил у Генриетты Глебовны. Потом погреб дальше и к полудню оказался у дощатых мостков, где новокамьшинские тетушки полоскали половики.

Здешний монастырский комплекс, хотя и считался туристским объектом, был почти безлюден — не положили сюда еще хорошей дороги. На широких мощеных дворах и каменных галереях встречались лишь местные мальчишки, игравшие в рыцарей, смотритель музейного корпуса, да молчаливые, вечно озабоченные чем-то монахи.

Монахов было здесь немного, человек пятнадцать во главе с настоятелем отцом Леонидом. Оказалось, что отца Леонида я знаю. Мы в одни годы учились в университете, только он на философском факультете, а я на журфаке. И приходилось нам бывать соперниками на КВНах. В ту пору будущий настоятель был юн, худ, ироничен, ходил с пышной черной шевелюрой и в модных квадратных очках. Сейчас шевелюра поредела, зато отросла смоляная с проседью борода. А очки, по-моему, остались прежние... Отец

Леонид тоже узнал меня и принял со всяческим радушием. Вечером пригласил на ужин в свою келью, где мы вдвоем греховно усидели бутылку пятазвездного «Самтреста». Затем он обратился с мирской просьбой — подписать ему книжку «Стеклянные паруса» (повесть о мальчике, который был в лакеях у Петра Великого, потом бежал, убоюсь приступа царского гнева, бродяжил по морям на иностранных и русских кораблях и наконец сделался искусным мастером-стеклодувом).

— Весьма недурственно сочиняешь, старик, весьма...

Признаюсь, этим он крайне польстил мне, и мы расстались к ночи крепкими друзьями. Но перед прощанием я все же не удержался, спросил:

— А скажи честно, познал ты здесь Истину?

Он глядя без упрека, но и без улыбки.

— Ну-у, дружище... Я же не спрашиваю тебя, написал ли ты свою главную книгу.

— Не написал.

— А я... по крайней мере, я теперь гораздо защищенное от того, что не Истина. Это уже немало.

— Пожалуй... Но и не так уж много.

Отец Леонид сказал негромко, но наставительно:

— Не забывай, что я служитель православной церкви. И это искренне, от души. И в этом плане я уверен, что знаю Истину... Но тебя ведь она интересует в ином аспекте...

— В каком? — слегка ошетинился я.

— Не в духовном, а скорее, в потребительском: для чего нас сотворил Создатель? В чем смысл существования? И что будет дальше?

— Что же здесь потребительского? — обиделся я.

— А разве нет? «Объясните мне, зачем создан мир, тогда я постараюсь что-то сделать для него. Докажите, что есть царство небесное, тогда я начну

спасать свою душу. А иначе зачем тратить силы...»

— В чем-то ты прав... Но, честное слово, я не думал о собственном спасении и о вечной жизни на небесах, когда пытался написать «Мальчика из Назарета»... Я думал о самом Мальчике...

И я рассказал отцу Леониду о своей неоконченной повести. Просто очень захотелось поделиться. И еще любопытно стало: обвинит ли он меня в ереси или посочувствует?

Отец Леонид сказал:

— Оставим религию. Я ведь не знаю твоих убеждений... Хотя я редко видел людей, которые бы совсем ни во что не веровали...

— Допустим. И что дальше? — буркнул я.

— По-моему, ты не понял, что пример Спасителя был лишь изначальным импульсом, и что Мальчик, способный к Великому Служению, рождается снова и снова в каждом из нас, когда мы появляемся на свет. Но путь тяжел, и мы затаптываем этого Мальчика в себе и в других. Жизнь затаптывает и распинает. Гасит Божью искру, и потому исчезает надежда на воскресение... Подумай, много ли надо, чтобы сломать росток?

«Иногда хватает случайной лжи», — подумал я. И сказал с ожесточением к себе:

— Вся беда, что понимаешь это слишком поздно...

— Так и бывает, — согласился отец Леонид. И на миг прорезался у него голос бывшего кэвээновского капитана. Этакая снисходительно-ироническая нотка. — Конечно! Пока не грозят нам ни хвори, ни годы, не так уж и волнует нас вся эта философия. А как замаячит порог, начинаем подпрыгивать? «Ах, для чего живем, если все прахом станет? Ах, а может, все-таки что-то есть там?» Вот тут-то и начинаются метания: «Дайте нам Истину»...

— Ну, а разве это не естественно? — вздохнул я.

Отец Леонид ответил уже без насмешки:

— Однако и мальчиком быть — тоже естественно. А мальчики... они не думают о конце, жизнь для них впереди, и кажется им, что перед ними вечность. А кто верит в вечность, для того она существует. И, может быть, Истина... или одна из истин... в том, чтобы не терять Мальчика в душе? Тогда не страшным будет путь... Уж если кому-то суждено спасти мир и познать смысл бытия, то именно мальчикам — тем, кто владеет вечностью.

— Но ведь вечность их обманчива...

— Откуда ты знаешь? — усмехнулся отец Леонид. — Непохоже, что ты пытался быть мальчиком до конца.

— Ты уверен?

— Прости меня, вижу. Иначе ты, как истинное дитя, не ведал бы страха.

— Разве дитя не ведает страха? Я в детстве был весьма трусоват...

— Дурень. Я говорю не о страхе разбитого носа, двоек или темноты, а о страхе перед миром. Перед его загадками, перед бесконечностью Вселенной. О боязливом сознании, что ты микроб в непостижимой громаде бытия. У детей этого нет...

Прислушавшаяся к себе, я понял, что не ощущаю страха перед бесконечностью Вселенной (по крайней мере, в данный момент). И горделиво поведал об этом отцу Леониду. Он улыбнулся:

— Ну, значит, я ошибся. Не совсем погиб в тебе мальчик.

— Ты считаешь, что мальчикам не должны быть ведомы никакие «космические страхи»?

— Настоящим мальчикам...

— А страх Божий? — коварно спросил я. — Он ведь тоже явление космического порядка. Но как же без него?

— Я же говорил: не трогай религию, поскольку ты профан!

— Вот видишь, уже и ругаешься...

— Грешен, прости... Но все-таки ты туп, если считаешь, что страх Божий — это страх перед Богом. Неужели ты думаешь, что Отец Небесный это вроде папаша с ремнем? Будто ему только и дела, что проверять твой дневник... Бояться следует собственной совести, а Создатель надо помогать, творя добро и совершенствуя свою душу. Чтобы хоть капельку внести в создание общей гармонии, к которой стремится мир.

— Все логично, — покивал я. — Кроме одного: зачем помогать Создателю, если он и так всемогущ?

— Ты болв... больно умен. Но умен, извини, как-то по-бывательски... Создатель сотворил мир вместе с его законами. Конечно, единственным мановением он мог бы заменить эти законы на другие. Но отчего другие будут лучше прежних?.. Он мог бы отменить их совсем. Но разве хаос лучше системы развития?

— Да я не о том...

— Знаю, о чем ты! Почему Господь в своем всемогуществе не дал нам всеобщего счастья! Так... Но этот вопрос люди задают испокон веков, а что такое счастье объяснить не умеют. Часто получается, что счастье одних — это беды других. А чтобы такого не было, люди сами должны пройти дорогой суровой науки и совершенствования. Именно в соответствии с законами развития мира. Этот мир — не инкубатор для беззаботных птенчиков, а непостижимый в сложности часовой механизм. Пружина закручена, маятник пущен... И, кстати, стрелка делает еще первый круг...

— А что будет, когда сделает последний?

— А вот это уже зависит от нас...

— От нас или от пружины с маятником?

— А мы сами — и маятник, и пружина...

— Мы?.. Или те, кто остались мальчиками в душе? Отец Леонид потер виски, потрянул головой.

— Ладно, Игорек, не будем играть словами... Спать пора.

Наутро отец Леонид открыл мне глубокие, но сухие подвалы монастырской библиотеки и оставил одного, напутствовав истиной, что «ищущий да обрящет».

Я был ошарашен книжным богатством. Большого порядка на дубовых стеллажах не было, но это придавало лишь дополнительный интерес моим поискам. Среди кожаных фолиантов с житами святых, среди окованных медью Евангелий попадались книги и совсем не церковные. И очень неожиданные. Первое прижизненное собрание сочинений Гоголя с его родовым гербом на обложке, двухтомный «Новый Робинзон» Генриха Кампе — издание восемнадцатого века; «Восточная война» Богдановича, старые альбомы по истории античного мира с прекрасными гравюрами... Особенно много книг было по навигаторской науке и путешествиям. Я просто обалдел, когда увидел «Географию генеральную», изданную при Петре, а потом «Атлас Балтийского моря» капитана Нагаева, напечатанный два с половиной века назад.

Часа полтора, приткнувшись у настенного фонаря, я читал рукописные «Записки корабельного священника о Кирилле, волею Божией совершившего плавание кругом света на шлюпе «Олег» в 1830, 31, 32 и 33 годах». Почерк был крупный, разборчивый, а в «Записках» — масса остроумных наблюдений жизни «матросских служителей» и «господ офицеров» на деревянной парусной скорлупке посреди океана...

Но книгу Альфреда де Ришелье о трехмерных зеркалах я, конечно, не нашел. И в середине дня, шурясь от солнца, выбрался на монастырский двор, где сквозь булыжники прорастала уличная безлепестковая ромашка.

— Ну и как наше хранилище премудрости? — приветствовал меня отец Леонид.

— Впечатляет.

— Ежели что спер, сын мой, признайся чистосердечно. Может, и подарю...

— Ничего не спер. Не нашел, что хотел...

— Потому и душа печалится?

Душа печалилась не поэтому. Просто и там, в библиотеке, и здесь, на дворе, я чувствовал пустоту оттого, что нет рядом Сашки. Я представлял, как он кидался бы от полки к полке, разглядывая золоченые корешки («Ешкин свет, вот старина-то, а?»), как листал бы альбомы с гладиаторами и атласы со схемами плаваний. Как вертел бы могучий глобус в медных кольцах экватора и меридиана («Игорь Петрович, смотрите, тут еще даже Австралии нету!»). И как задирал бы голову на купола собора и крепостные башни, и как мы полезли бы на колокольню к могучим дремлющим колоколам...

Но не было со мной проводника Сашки.

— Ежели что гнетет, покайся, — вроде бы шутил предложил отец Леонид. Но вроде бы и всерьез.

Каяться я не стал, но, пока бродили по двору, рассказал про Сашку. О нашем путешествии и о том, как расстались.

— Ну, чего ты хочешь, мальчишка ведь, — сказал отец Леонид совсем не в духе вчерашней беседы. — Сперва надулся, а сейчас, небось, и забыл про обиду. Может, понял уже, что не со зла ты его обманул, а чтобы не ввергать в печаль...

— Боюсь, что все это сложнее. Будто что-то сломал я...

— Не усложняй... Бог даст, еще встретитесь...

«Если и встретимся, — подумал я, — будет уже не то. Все равно трещина...»

— Покажи камушек, что от месяца отломали, — вдруг попросил отец Леонид. — С собой, небось?

Камушек был со мной. Я вынул его из кармана, спрятал в сложенные тесной лодочкой ладони, прикрыл от дневного света грудью. Отец Леонид придвинул лицо.

— Смотри-ка ты, и правда светится. — И вдруг по-

просил совсем по-мальчишечьи: — Слушай, отлочи кусочек, а?

Я надавил на камушек пальцами, он послушно развалился на половинки.

— Возьми.

— Спаси вас обоих Господь, — тихо сказал отец Леонид. А я вдруг подумал: «Что бы ни случилось, а главное, что лоцман мой жив и здоров... Моя дорога, ясное дело, кончилась, а Сашку пусть добрая сила хранит и дальше от зловещего алгоритма...»

Отец Леонид спрятал камушек в складки рясы и спросил:

— Побудешь у нас еще?

— Нет, надо возвращаться... Спасибо тебе.

— И тебе спасибо... И отроку твоему, проводнику.

Кабы не он, мы бы и не увиделись...

— Это правда.

— Инок поедет в село за хлебом, отвезет тебя. Правда, не на машине, а в телеге... А оттуда — автобус до Овражков... С лодкой-то твоей что делать?

— Отдай мальчишкам, пусть катаются...

2. Кобург

Оказалось, что автобус будет лишь рано утром. Я не стал возвращаться в обитель, переночевал в Доме крестьянина. На рассвете уехал, а к обеду был у Генриетты Глебовны. Она сказала, что у меня усталый вид, я должен несколько дней пожить у нее спокойной, погулять неспеша, не думать ни о чем печальном и набраться сил. Но я чувствовал, что надо возвращаться. Опять болела нога, давило голову и подкапывала подлая обморочная тошнота. Причем все это сильно, неотвязно. Короче говоря, самочувствие было, как накануне того дня, когда я попал к любезному Артуру Яковлевичу.

Сейчас больница вспоминалась без прежнего отвращения. Может, и к лучшему — свалиться на койку, получить от сестрицы Зои успокоительную дозу в известное место и уснуть, забыв все горести.

Но, конечно, я не стал раскисать сразу. Расплатился с Генриеттой Глебовной за постой, бодро попрощался и даже, дурачась, пообещал звонить по «тому самому» телефону. В ответ она грозила крепким пальцем и говорила, что любопытные мальчишки плохо кончают, если вовремя не возьматься за их воспитание... Потом мы вдруг встретились глазами, замолчали и погрустнели. Я не выдержал, спросил:

— А вы... никогда не звонили Андрису?

— Звонила. Не раз... Просила, чтобы не летел в тот день. А он смеялся. Он верил в свой мотор и в свою судьбу. Храбрый был мальчик...

На станции я дождался пестрого, почти игрушечного, поезда «Пилигрим», сел в хвостовой вагон — полупустой и прохладный. Поехали: трюх-трюх, дзынь-дзынь. Все так просто, никаких отраженных миров, никаких проблем. Через час буду дома. Помоюсь, разберу почту, позвоню кому надо, а утром пойду сдаваться Артуру Яковлевичу.

Я лениво смотрел в окно на болотистые луга, на рощицы. Потом на пологие холмы, которые мне показались незнакомыми. На одном махала крыльями ветряная мельница, я таких сроду не видел в наших окрестностях. И ехали мы, кстати, уже значительно дольше часа...

— Скажите, — обратился я к симпатичному старику со щетинисто-серебряным подбородком. — Станция Начальная... Скоро ли до нее доберемся?

— Простите? — сказал он с прибалтийским акцентом. — А, Начальная! То есть конечная... Боюсь, что не

скоро. Даже по расписанию часа через три. А ведь поезд постоянно опаздывает.

Тут я увидел за окнами поросшие соснами дюны и окончательно понял, что все не так-то просто. Окажется, путь туда и путь обратно вовсе не одно и то же в здешних местах. В детстве все было проще, а теперь что-то изменилось на этом рельсовом маршруте. Опять шуточки отраженного мира?

Наконец прибыли. Я вышел из вагона и окончательно убедился, что тревога была не напрасной. За перроном краснел вокзал, похожий на маленький кирпичный замок. Правда, на белой вывеске значилось название «Начальная», но кругом — ничего знакомого. Вдали, за крышами финских домиков, летали чайки, я даже слышал их картавые крики. Пахло влагой, как на побережье. Быстро бежали облака — серовато-белые, пухлые, какие собираются обычно в теплые дни над большими поверхностями воды.

Я прошел через вокзал на тесную площадь. Один край ее замыкала серая каменная стена средневекового бастиона. Между зубцов торчали рыла музейных пушек. У стены торговала забывками старенькая цветочница в чепце. Я сказала ей:

— Простите, что это за город? Я проехал свою станцию, и вот...

Она заулыбалась без удивления, понимающе:

— Это Кобург. Не знаменитый немецкий Кобург, а наш, местный. Советую посмотреть...

Я отошел, сел на выступ у стены. Прислонился к камню затылком. Назойливо, тянуще болела нога. Стиснуло в груди, сдавило голову. Ну вот, началось все-таки...

Цветочница быстро нагнулась надо мной.

— Что с вами? Вы нездоровы?

— Боюсь, что да...

— Одну минуту... не волнуйтесь. Здесь рядом телефон...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ПЕРОВЫ, ВНУКИ ХУДОЖНИКА

Александр ВИКТОРОВ

Кому не известны картины великого художника Василия Григорьевича Перова: «Сельский крестьянский ход на Пасхе», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Тройка»... Но мало кто знает о его внуках. С Романом Алексеевичем Перовым я встретился впервые в 1974 году в Ленинграде, куда я прибыл с группой омских студентов-медиков для встречи с бывшими бойцами 364-й Омско-Тосненской стрелковой дивизии, которая в годы войны сдерживала натиск фашистов, рвущихся в Ленинград.

В том году ему шел 85-й год. Ходил с необычной палкой-костылем. Ему оставил ее старший брат — Федор Алексеевич. Дело в том, что Перовы, начиная с деда Василия Григорьевича, выращивали деревья с фигурными «говорящими» стволами.

Когда фашистская Германия напала на нашу страну, братья были уже в преклонном возрасте. Однако они добровольно пошли на фронт. Федор, как инженер-фортификатор, попал на Сталинградский фронт. Оттуда он писал брату: «Рома! Здесь, в Сталинграде, идут смертельные бои. Враг рвется в город. Но допустить его сюда мы не имеем права. Вопрос стоит так: умереть или отстоять город! Я чувствую, что живым отсюда не вернусь. К тебе есть поручение: найди в нашем лесу деревце...» Федор Алексеевич не вернулся с войны — погиб.

Брату много пришлось походить по окрестным лесам в поисках чудо-деревца. И Роман Алексеевич показал нам свою палку. Она так причудливо извивалась, что

можно было различить две буквы: «С» и «Ф» — «Смерть фашизму». Задолго до окончания Великой Отечественной войны предвидел этот финал Перов, внук Перова!

Федор Алексеевич Перов был талантливым инженером-фортификатором. Его сооружения, выполненные под Ленинградом, сыграли большую роль в защите города. Он принимал участие в укреплении наших западных границ, сотрудничая с известным генералом и фортификатором Дмитрием Михайловичем Карбышевым, погибшим смертью героя. Был Федор Перов и незаурядным художником, унаследовав этот дар от деда. Роман Алексеевич в войну был разведчиком. Не раз его разведгруппа доставляла из немецкого тыла «языка». Однажды добыли такого полковника, что вся дивизия получила целый месяц передышки от изнурительных боев.

Умел Роман Алексеевич веселить бойцов, сочинял стихи, а то и писал музыку. По Ленинградскому фронту ходили его песни, в основном сатирические. Пели их через усилитель, чтобы и фрицы слышали. Один из куплетов он нам тогда пропел — на мотив песни «Крутится-вертится шар голубой...»

Крутится-вертится в бешенстве фриц:
«Где же Москва? За что мы дрались?»
Волгу увидел он и Ленинград,
Только костей уж ему не собрать!

После войны Перов-младший трудился в родном Ленинграде: отстраивал разрушенные дома, высаживал деревья, участвуя в создании «зеленого пояса» вокруг города. А кроме того, Перов вывел новый сорт гречихи «Перовский» — морозостойчивый и урожайный. Этот сорт демонстрировался на ВДНХ, и Роман Алексеевич был удостоен за него золотой медали.

В Москве внук художника-передвижника разыскал дом, в котором когда-то жил В. Г. Перов. Дом этот будет отреставрирован, и в нем откроется музей великого художника.

г. Екатеринбург

Юрий
ДУНАЕВ

Березы у дороги

Старый Московско-Сибирский тракт... Широкое, наезженное земляное полотно, а по краям — череда повывавших виды вековых берез.

Многие и теперь считают придорожные березы «екатеринскими», якобы посаженными по случаю предполагавшегося приезда на Урал императрицы Екатерины II. Это не так. Тракт был официально утвержден в 1783 году. Тогда Екатерина II, напуганная выступлением крестьян под водительством Емельяна Пугачева и знавшая настроение уральских мастеровых, даже не помышляла о поездке на Урал. А перестройка тракта и посадка берез производились после смерти императрицы.

Дело обстояло так. Тракт, единственный торговый путь из Сибири в центральную Россию, славившийся своей добротностью, через несколько лет эксплуатации пришел в расстройство. Это побудило Пермское губернское правление разработать проект его перестройки.

В 1797 году пермский губернатор К. Ф. Модерах предписал Думе командировать землемеров для измерения и разделения дороги на участки, чтобы приступить к усовершенствованию тракта. Через год оханский землемер Калинин и кунгурский Борисов провели измерение дороги в пределах Пермской губернии, ограничили ее верстовыми столбами.

С 1799 по 1811 год шли работы по устройству тракта. По сторонам дороги крестьяне рубили лес, копали канавы, между ними выстлали хворостом и засыпали землей полотно шириной до 6 сажень (12,8 метра). Необходимо

заметить, что на перестройку трактовой дороги правительство не выделило ни копейки, не мог употребить деньги из поземельного сбора и губернатор. Работы оплачивались натурой, и это дорого обошлось местному населению, проживающему вблизи тракта. Оно было привлечено к отбыванию дорожной повинности.

Помню участия в строительстве тракта каждой семье в придорожных селениях выделялись участки вдоль дороги, которые предстояло засадить березами. И ухаживать за ними: поливать, огораживать, а если деревца не отрастали или оказывались сломанными — хозяин двора считывался своей шкурой: его наказывали плетью и заставляли вновь высаживать деревья.

Почему здесь высаживали непременно березу, а не другую породу деревьев? Во-первых, береза — символ России. Вряд ли найдется на российских просторах другое дерево, которое так прочно вошло в жизнь и душу русского человека. Во-вторых, светлая кора березы — хороший ориентир в ночное время, — не даст ямщику сбиться с пути.

А почему все-таки тракт и березы называют «екатеринскими»? Объяснить это можно так: Московско-Сибирская дорога вела к Екатеринбургу. Непривычно для русского крестьянина произносить «бург». Кстати, В. Н. Татищев тоже называл город не иначе как Екатеринбургом. Вот и крестьяне называли так дорогу, ведущую в город, а заодно и березы, сопровождавшие ее.

г. Первоуральск

В эфемеридах (списках) Института теоретической астрономии Академии наук СССР по малым планетам этот астероид значится под номером 2349. Диаметр его 18 километров, расстояние от Солнца — 3,8 астрономических единицы (астр. ед. — 150 миллионов км), период обращения вокруг нашего светила 5,8 лет, открыт в 1971 году. А называется эта малая планета **Курченко** — в честь бортпроводницы Надежды Курченко, погибшей в двадцать лет, когда она пыталась помешать бандитам угнать самолет за границу.

Сегодня в знаменитом поясе астероидов, расположенном между орбитами Марса и Юпитера, насчитывается более двух десятков малых планет, которые носят молодежные имена. Среди них есть **Зоя** — по имени Героя Советского Союза З. Космодемьянской, и «**Чайка**» — это был позывной первой в мире женщины-космонавта В. Терешковой, **Гайдаря** и **Гагарина**, «**Артек**» и «**Орленок**» — по названиям детских городков-лагерей на Черном море, и многие другие.

Омоложение имен в поясе астероидов началось в 1925 году, когда открытая астрономом Крымской обсерватории В. Альбицим малая планета была внесена в эфемериды под № 1283 и получила название **Комсомолия**. С тех пор на звездных картах появились также имена «крылатых сестер» — **Катюша** и **Руднева** (Екатерина Зелено первой среди женщин-летчиц в годы Великой Отечественной войны совершила около города Ромны таран вражеского самолета; Герой Советского Союза Е. Руднева выполнила 645 боевых вылетов); **Ибаррури** — в честь Рубена, сына пламенной Пассионарии, павшего при защите Сталинграда; **Островский** — по фамилии советского писателя.

Особо хотелось бы сказать еще о двух астероидах: **Таня**, открытом в 1971 году, и **Рушева** — 1982 г. В названии первого из них увековечена память о школьнице из Ленинграда Тане Савичевой, которая во время блокады города вела скорбные записки о смерти близких в дневнике (он хранится в музее Пискаревского кладбища). Последние слова в нем: «Умерли все Савичевы, осталась одна Таня». А название другой малой планеты посвящено

талантливой юной художнице Надежде Рушевой, создавшей свыше 10 тысяч прекрасных рисунков, которыми на многочисленных выставках и сегодня восхищаются люди в различных уголках Земли.

К 1990 году астрономами Крымской обсерватории АН СССР было открыто 23 «молодых» планеты. Особенно результативной при этом оказалась работа Т. Смирновой, которой принадлежит честь открытия восьми таких астероидов, в том числе и планеты-астероида Курченко.

И еще одна любопытная деталь из истории новаций пояса астероидов. Недавно Международной астрономической союз присвоил четырем малым планетам, которые были открыты американскими астрономами в 1983—1984 годах, имена популярнейшей четверки «Битлз» — Джона Леннона, Пола Маккартни, Ринго Стара и Джорджа Харрисона.

А. СЛАВИН

В 1912 году в Балтиморе (США) построили первоклассный отель: широкие мраморные лестницы, большие холлы, роскошные номера, рестораны. Короче, полный сервис. Кроме одного — системы отопления, которую архитекторы и строители... не предусмотрели в проекте.

Несколько лет назад Итальянский банк выпустил новые банкноты достоинством в 1000 лир, на которых был изображен известный путешественник Марко Поло. Так, по крайней мере, считали ответственные лица государственного банка. Но искусствоведы вскоре опровергли их мнение — они установили, что на банкноте помещена репродукция картины XVI века, изображающая неизвестного вдовца.

В 1903 году британская колония на Малых Антильских островах выпустила серию марок, изображавших Христофора Колумба, который — как и положено мореплавателю — рассматривает морские дали в подзорную трубу. Поза очень эффектная. Правда, была допущена одна «неточность» — подзорная труба изобретена спустя столетие после смерти Колумба.

Рекордно дорогая синтаксическая ошибка была сделана одной машинисткой в США в 1962 году. При перепечатке программы для ЭВМ она пропустила тире. В результате появилась погрешность в расчете траектории космической ракеты — и ее пришлось уничтожить тут же после запуска. Цена пропущенного тире — 18 миллионов долларов.

В. РОЦАХОВСКИЙ

Домашняя хозяйка Полин Шоу из Манчестера ничем не отличается от других англичанок ее возраста. Но когда она входит в банк или магазин, служащие смотрят на нее с опаской — о Полин идет слава как об «электрической женщине». Холодильные установки и компьютеры выходят из строя, едва она коснется их. Как сообщала газета «Сан», достаточно мимолетного прикосновения, чтобы практически любое электрическое устройство перестало функционировать. За сравнительно короткое время по ее «вине» перегорели 25 утюгов, 18 тостеров, 15 электрочайников, 6 стиральных машин, 12 телевизоров, 15 радиоприемников и т. д. Иногда с пальцев Полин срываются искрящиеся заряды длиной до 8 сантиметров. «Когда у меня болит голова, — жалуется она, — это значит, что во мне накопилось много электричества, и надо срочно разрядиться...» Феномен Полин Шоу фотографировали и показывали по телевидению, но ученые пока не берутся его объяснить.

В. РОЦАХОВСКИЙ

Какие птицы откладывают самые крупные яйца? Чего же тут думать, конечно, страуса, отвечают многие и будут почти правы. Почему же почти? Потому, что все зависит от того, с какой стороны взглянуть на этот вопрос.

Если мы станем учитывать только фактическую величину яйца, то приоритет у страуса. Но ведь можно сравнить яйцо с величиной снесенной им птицы. И вот тут-то чемпион страус будет на последнем месте. Да-да, оказывается, яйцо страуса, весящее от полутора до двух килограммов, составляет всего полтора процента веса птицы.

Ну, а кто же на первом месте? Киви. У этой оригинальной нелетающей птицы, обитателя Новой Зеландии, яйцо составляет 25 процентов ее веса (450 граммов)! Около восьмидесяти дней самец (именно самец) будет терпеливо насиживать яйцо, прежде чем на свет появятся уже оперившиеся волосатозидными перьями птенцы.

Кстати, в не таком уж далеком прошлом в той же Новой Зеландии водились гигантские бескрылые птицы моа, яйца которых весили семь килограммов! В такое яйцо могло поместиться восемь яиц страуса или 140 куриных. Но и птичка была ростом, по некоторым данным, до четырех метров, то есть выше слона. Об этом сообщил журнал «Нэшнл уайлдлайф».

Е. СОЛДАТКИН

Андрей
ПОНИЗОВКИН

М Маленькая М

Ирландия

...Мне кажется, Айлин берёт свою дудочку, по-английски — «пайп», забивается в угол дивана и начинает играть, когда ей грустно: не ладятся дела или нет вестей от родных. Но может быть, и совсем наоборот — настроение поднимается в такую высь, что просто невозможно выразить его иным способом. Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь сумеет вразумительно объяснить, отчего именно человеку вдруг перестаёт хватать слов и его неодолимо тянет запеть, коснуться струн, клавиш, чего там еще?

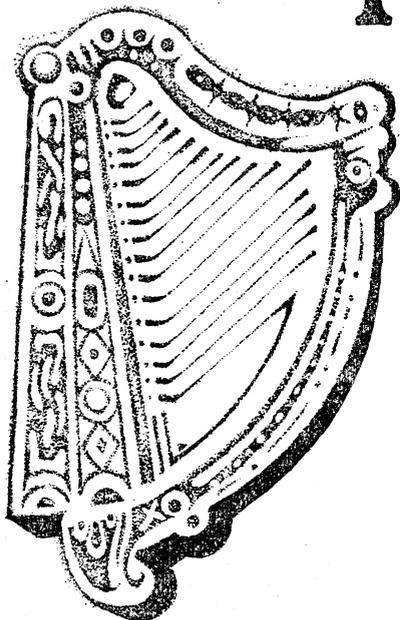
Мои свердловские друзья и домашние слышали, как играет на дудочке Айлин, они в восторге. Но мне повезло гораздо больше. Я слышал ее у нее дома, и еще я видел кое-что из того, о чем так пронзительно и чисто поет ее старенький, должно быть — с родины Керри, пайп. Я тоже видел Ирландию. Пусть не всю, пусть краем глаза. Но все-таки...

Наш скромный дом

Несмотря на то, что водитель находился совершенно не там, где он должен быть — справа, а не слева по ходу автобуса (какой-то шофер наоборот...), мы уверенно преодолевали милю за милей почти четырехчасового ночного пути от провинции Клэр, места посадки нашего самолета, через весь остров, к Дублину. Уже позади остались ослепляющий блеском витрин и избытком товаров магазин «Дьюти фри» в Шереметьево-2 (первое ирландское предприятие в Москве и первый образец западной жизни, ошарашивающий туриста-новичка), более чем подозрительный салон авиалайнера, где недурно кормят и вдобавок предлагают хорошее вино, светлый безлюдный зал аэропорта Шэннон с повсюду разложенными телефонными справочниками и яркими проспектами, которые никто не уносит с собой. За окном — едва проступающие сквозь сумрак очертания холмов; вдруг — огни, остановка, и мимолетное, будто всплывшее из далекого детского сна видение: мощеная готическая улочка — живая картинка из учебника истории, а на ней, под старой башней с часами — мечтающее о чем-то очаровательное юное создание с белыми до пояса волосами и с метлой.

Принцесса-дворничиха! И не страшно ей посреди города Лимерика в три часа ночи одной! Да нет, похоже, нисколько. Когда страшно — так не улыбаются...

Я, один из четырнадцати свердловчан, участников журналистского обмена «Дублин — Свердловск», только приближался к пункту своего назначения — столице Ирландской республики, а впечатления уже теснили друг друга, начинали путаться в голове. Видимо, так случается с каждым, кто,

вынырнув из привычного водоворота жизни, пусть родного, но почти неразмыкаемого круга интерьеров и пейзажей, забот и проблем, вдруг перемещается в атмосферу, абсолютно для себя неведомую. Большинство из нас, россиян, ведь напрочь лишены нормального для современных цивилизованных земель чувства реальности, осязаемости не столь уж и необъятного в XX веке мира, и нужно время, чтобы оно появилось. Но есть в этой обделенности и свой плюс. Мало с чем может сравниться ощущение встречи с заморской страной, как с настоящей сказкой. В первые часы, минуты в душе — парение, прорыв, космонавтика какая-то, чудеса, да и только!

Теперь, по возвращении, убежден: нашей группе (за себя, во всяком случае, могу поручиться) повезло и в том смысле, что Запад мы начали познавать не с привычно расхваливаемых у нас государств Европы, и даже не с пресловутой США или Канады, а с маленькой окраинной Ирландии, «изумрудного острова» — женщины, которую не приглашают на танец в собрании западноевропейских наций» (печальный образ одного знаменитого географа). Страна с площадью в треть Свердловской области, с населением куда меньшим, чем полмосковского, страна, судьба которой по-своему ничуть не менее трагична и революционна, чем судьба России, но, в отличие от нашей, никогда не имевшая ни особенного политического, ни военного могущества, остается тем не менее одной из наиболее уникальных стран планеты, где, к счастью, в цене не одна лишь сила оружия. «Время от времени ирландцы оказывали культурное влияние на мир, никак не соизмеримое с их численностью», — писал историк Кеннет Нейл («Ирландский народ», Нью-Йорк, 1979 г.), имея в виду великую ирландскую литературу — Свифта и Уайльда, Шоу и Джойса, О'Кейси и Беккета. Есть что показать и чем гордиться современным островитянам, со всеми их трудностями, с незаживающей раной Ольстера, и кроме памятников писателям. «Вероятно, сегодня Ирландия — наиболее известная «маленькая» страна мира» (там же). Еще бы! Сама Америка перед ней в долгу!

Известная, да не в нашей огромной...

Друзей (официальный термин — партнеров) мы себе не выбирали. Их подбирал компьютер по заранее заполненным анкетам. И вот у вычисленных таким образом друзей-коллег мы должны были полмесяца провести в домах и на службе, как и они позже у нас — частью с отрывом на «программные», но очень обязательные мероприятия, а в основном — по свободному, на усмотрение хозяев и наше, расписанию. Система любопытная (хотя и небесплатная...), дающая, кроме всего, возможность пожить повседневной, обыденной «их» жизнью, присмотреться к быту, но не без элемента неожиданности, даже интриги.

По правде говоря, я рассчитывал на мужчину, приблизительно ровесника. Мне же досталась Айлин — Айлин Мерфи. Анкетные данные: 24-х лет, незамужняя, проживающая в отдельном доме. (Хорошо, что бумаги выдала только в самолете, и эти строчки не успела увидеть моя жена!). А кое-что из бумажной информации настраивало на лад сверхсерьезный. Судите сами — бакалавр политологии, редактор журнала, преподающая вдобавок немецкий язык в университете... По нашим меркам, чрезмерная разносторонность для девушки. Я уже начал опасаться переучившейся мумии, ходячей ЭВМ, но чего-чего, а этого я опасался зря. Встретила очень живая рыженькая мисс с большими удивленными глазами, чем-то — может, далекими от условностей зелеными бриджами или девчоночьими веснушками на носу? — напомнившая однокурсниц по журфаку.

— Хеллоу, Эндриу! — сразу узнала по вклеенной в анкету фотографии. — Хотите отдохнуть, или сперва позавтракаем?

Знакомство прошло без особых проблем, с минимальными психологическими потерями.

Забегая вперед, должен сказать, что позже далеко не все получалось у нас так гладко. Оно и не мудрено. Как-никак, росли не на соседних улицах — на противоположных, десятилетиями почти не сообщавшихся концах огромной Европы. И все-таки, при всей несхожести

наших характеров, привычек, взглядов на вещи (добавим сюда пресловутую разницу в конвертируемости их и наших денежных знаков, отнюдь не способствующую развитию народной дипломатии...), по-моему, мы нашли неплохой общий язык: иногда — английский, точнее — урало-ирландский его вариант, в других случаях — беззвучный, жестовый, в третьих — язык мелодий, музыкальных фраз... Маленькая Айлин — практичная и рассеянная, младенчески наивная и не по возрасту рассудительная одновременно (интересно, что думает обо мне она?) — в сущности, оказалась человеком очень искренним, добрым и обаятельным, тем ни на одно другое не похожим обаянием, которое, видимо, без натяжки можно назвать чисто ирландским. Фамилия «Мерфи» там очень распространена. Я встречал ее всюду: в витринах магазинов, на рекламных плакатах, в газетах. И хотя это не наше «Иванов» — древнейшие, праотцовых кельтских корней ирландские фамилии начинаются с «Мак» — «сын» и «О» — «внук», — она очень гордится своим коренным происхождением. А кроме того, у нее оказались чудесные приятели...

Они пришли в дом вечером, на ужин в честь русского гостя. Но сначала стоит, наверное, несколько слов сказать о самом доме, куда я вселился, по совету Айлин, не снимая ботинок. (Такая штука, как тапочки, у них, похоже, не в ходу: на улицах постоянная, во многом природная чистота, обувь чуть ли не круглый год легкая, полы, покрытые паласами, свободно пылесосятся).

Дом, где живет Айлин, расположен в районе Дандрам, минутах в пятидесяти езды на двухэтажном автобусе от центра Дублина. Это вполне добротный, хотя и без архитектурных изысков, каменный коттедж с «приусадебным участком» сотки в полторы, покрытым очень густым ровным слоем травяного ковра — лужайкой для отдыха. Внутри — ничего неожиданного за исключением настоящего «холмовского» камня с углями и кочергой — неизменного атрибута всех здешних жилых интерьеров, да лестницы наверх, свидетельствующей о наличии жизненного пространства, возможности дышать полной грудью. А в остальном — средний по почерпнутым из газет западных стандартам домик, к тому же не собственный (описки в анкете?), а снимаемый тремя жильцами вскладчину. И автомобиля нет у подъезда... Можно было бы запросто назвать жилищные условия Айлин скромными в ряду существующих хором многих ее сограждан, даже посочувствовать ей, если бы не одна маленькая деталь. Снимают коттедж вчерашние студентки, не обретшие еще семей, только-только вступающие в самостоятельную жизнь — ну, те самые «молодые специалисты», что годами у нас не могут удержаться в общежитие.

Так вот, друзья пришли вечером, сначала — трое: кучерявый атлет Рене, хитроглазый бородач Поль и еще одна маленькая блондинка Патриция — все очень молодые, как Айлин. Естественно, трудные сии имена я усвоил не сразу, но они сами повинны в том, что не дали сосредоточиться, одним своим видом заставив рассмеяться. На Рене была майка с цветным фотографическим портретом уснувшего рядом с бутылкой пива и соломенное сомбреро, на Поле совершенно невообразимые шорты в оранжево-желто-зеленых квадратах и тоже проиллюстрированная чем-то спортивным маечка. Они довольно долго прогуливались перед нами во всем этом, как бы стараясь дать понять: вот они тут какие, супер-свободно-расхристанные, на Западе! — но постоянно сами сбивались на хохот, не в силах удержаться...

Потом мы сели за стол, и Поль с Рене продолжали беспрерывно перешучиваться, подначивая то друг друга, то скромно помалкивавшую Патрицию, то Айлин с ее «традиционным ирландским блюдом», над которым она колдовала полдня — как я понял, впервые. Конечно, время от времени обращались и ко мне, как никак, центральной фигуре в тот день. Мне же все больше и больше становилось не до смеха. Ведь говорили они хоть и на «изученном» мною английском, но с невероятной скоростью,

к тому же с акцентом и множеством фразеологизмов, и я то морщил лоб, мучительно вспоминая слова, то мрачнел, расставаясь с надеждой хоть как-то освоиться в этой компании...

Впрочем, дальше в тот вечер дела мои пошли значительно успешней. Появились новые люди: черненькая, очень симпатичная Врон-Вроника — подруга детства и соседка Айлин, Том с внешностью и достоинством хоккеевиста, чуть позже — Тина, женщина постарше, и с нею — юноша с моцартовским именем Вольфганг. Все они были очень вежливы, веселы, с неподдельным интересом спрашивали о России. И постепенно я заговорил, расставаясь с комплексами. Нет, не от выпитого спиртного. Его как раз почти не было. Рисунок на майке Рене ни к нему, ни к кругу его общения не имел ни малейшего отношения. И курящий, кстати, оказался я один. (То самое новое поколение, которое и впрямь выбирает здоровый образ жизни?) Просто я обнаружил, что моего словарного запаса достаточно для ответов на многие вопросы и даже для шуток вокруг них. Политика как-то сразу отошла на второй план. Имена наших лидеров они знали не хуже, чем я, рассуждать же с места в карьер на тему «уравниваются ли успехом перестройка» было вроде бы не время. Неведомыми, загадочными, фантастическими оказались вещи самые простые, обыденные! Что такое Урал — не знал никто. Пояснил: рядом с Сибирью. «Сибирь? — изумляются, как дети. — Но ведь это же жуткие морозы, море снега, медведи! Как же вы уживаетесь с медведями?» «Нормально, — говорю. — Они у нас вместо собак, дома стерегут. Покормишь его вечером — и спишь спокойно». Смеются, видят — шучу, но убедить их, что косолапого наблюдал только в зоопарке, стоит трудов. И уж совсем убивает меня пытливая Вроника: «Послушайте, Эндрю, а в вашем доме тоже есть столы, стулья, шкафы — как у нас?»

Не одни они для нас, мы для них тоже — инопланетяне. Видно, врани нам друг про друга с одинаковым усердием. Утешает только то, что у нас с ними, наверное, все-таки куда больше общего, чем с жителями какой-нибудь Кассиопы. Незаметно поток слов иссяк, возникла откуда-то гитара, был снят со стены большой бубен, и Айлин впервые при мне достала свою дудочку...

Много любопытного довелось услышать и кроме песен. Выяснилось, что собравшаяся компания — вовсе не исключительно здешняя: Рене — голландец, приехал сюда работать с друзьями; Тина (и, видимо, Вольфганг) — из ФРГ, на острове живет ради учебы маленького сына («отличное начальное образование дают в ирландских школах! Непременно напишите об этом...»); что перемещения из страны в страну в Европе, как и знание универсального английского — давно уже норма жизни, однако в Германии, например, не очень-то принято собираться вот так вот вечером, чтобы просто поболтать, попеть — собственно, поэтому, кроме других причин, они все живут здесь, а не в другом месте; и, наконец, самое для меня существенное в личном плане, во избежание дальнейших двусмысленностей: хорошо это или плохо, но факт остается фактом — в католической Ирландии запрещены разводы (и аборт тоже...); Айлин и большинство ее подруг пока не замужем, однако к семье, для них юридически возможной лишь раз в жизни, к самому институту ее относятся с огромным уважением, а значит, и к моему положению главы такой — соответственно...

Поразмыслим, сидя на газоне...

На следующий день, в воскресенье, после обычного, по утверждению Айлин, фермерского завтрака — яичницы с ветчиной, они с Вроникой заявили, что повезут меня в некое симпатичное местечко. Возражать дамам я не стал, и правильно сделал, поскольку местечком оказался как сказано в рекламе, один из самых больших парков Европы Пауэрскотт, вдобавок с самым высоким водопадом Ирландии. Не имею возможности проверить рекламу на

объективность, так как в других европейских парках не бывал, но одно уяснил себе точно: девичье «симпатичный» — «найс» — определение для Пауэрскотта явно недостаточное. И даже «роскошный», «великолепный», хотя и роскоши, и великолепия в нем достаточно: фонтаны, омывающие божественные тела статуй, искрящиеся на солнце позолотой изящные решетки... А еще там кусты неведомых мне названий, как женщины, гордятся своими прическами — делом рук садовников-парикмахеров, и клумбы напоминают мозаичные панно. Не любите причесанность в природе? На здоровье! Рядом — абсолютно нетронутые деревья, протягивающие вам свои ветки, как им вздумается, затаенный рыскай первозданный прудок... Одно другому не мешает, все вместе — произведение искусства. «Культурно возделанный» — вот какое определение больше всего подошло бы Пауэрскотту. И, говоря о культуре возделывания в данном случае дублинских парков, когда-то, по слухам, имевшейся и у нас, надо непременно сказать и о культуре их посещения. Речь не только о том, что в Пауэрскотте просто страшно кидать под ноги окурок, — о самой возможности прийти туда. Как вы думаете, сколько парков в столице Ирландии с населением менее шестисот тысяч человек? Сто? Триста? Ну же, смелее! Около шестисот. Правда, шестисот вместе с открытыми площадками для игры в гольф, футбол и других развлечений, ну да все равно — по одному на каждую тысячу. Все равно дублинца буквально обволакивает эта элементарная культура городского досуга, он окружен ею, обложен на каждом шагу, ему нигде от нее не деться...

Одно задело мою уральскую воспитанность в Пауэрскотте, и не только в нем. В Ирландии все ходят по газонам! Но напрасно я переживал за сохранность дивного изумрудного ковра. Оказывается, в здешних парках не просто не возбраняется — рекомендуется по нему ходить! И неспроста. Ведь трава ирландская после того, как потопчется по ней, вроде бы свежей становится, распрямляется еще пуще...

Так присядем же, читатель, рядом с Вроникой и Айлин на шелковистый газон и попробуем, глядя на золотых коней подле фонтана, поразмыслить при помощи доступных нам книжек о том, откуда же произошла эта самая западная европейская страна, где так мало по российским масштабам земли и так много в ней благородной жизненной силы?

Древнейшие жители острова кельты, поселившиеся здесь еще в шестом веке до нашей эры, называли остров Эрин, то есть Западный, римляне — Гибернией (видимо, от латинского «гиберна» — «зимние квартиры»); но легионы достославной империи, подвергнувшие изрядной латинизации большинство близлежащих земель, в том числе — соседнюю Британию, не стояли на этих квартирах никогда. Первые века своего разумного существования труднодоступный для завоевателей Эрин жил сам по себе, общеевропейские катаклизмы его не задевали. И эта уникальная уединенность дала миру, по словам того же Кеннета Нейла, «первую утонченную цивилизацию», во многом определила судьбу народа. Кельты не только выращивали пшеницу, ячмень, закладывали основы скотоводства, кормящего ныне десятки государств, благо почва и климат тут для этого — лучшие в Европе. Уже в эпоху варварства они пытались строить правовое, духовное общество. Вождь родового союза у них выбирался вполне демократическим путем, кровная мсть заменялась штрафом, и так далее. В древнеирландском сборнике юридических трактатов «Шенхс мор» — «Великой книге старин» найдется, наверное, немало норм, применимых и к нашей сегодняшней жизни. Во всяком случае, воссозданный в Дублине кельтский поселок, где актеры изображают своих предков, по словам очевидцев, очень похож на современную уральскую деревню. Правда, сам я там не был, судить не могу. А вот над шедевром старини — подлинником — «Книгой кельтов», хранящейся в Длинной комнате библиотеки столичного Тринити Колледжа, простоял довольно долго. Поразительно мастерство ее творцов. Сколько света в ликах изображенных святых, сколько фантазии, усердия стоит за каждой заставкой к строке, каждой рукотворной буквой! Как установлено, книга была создана примерно в восьмисотом году прошедшего тысячелетия, в одном из монастырей. Это уже свидетельство новой эпохи — христианской, начатой трудами миссионера Патрика, сегодня — самого почитаемого святого. Эрин, принявший христианство значительно раньше многих в Европе, сделался его важным центром. «Островом святых и ученых» называли его в VI—VIII веках. Здесь появилось множество монастырских

школ, изучать священное писание, философию, географию, астрономию присажали посланцы разных стран. Не сидели дома и учителя. Путешествовали, неся в мир слово Божие, открывали новые земли: Исландию, например — за сто лет до появления там скандинавов.

А потом пришел конец устремленной к небесам раздумчивой уединенности. В VIII веке на острове появились норманны (викинги). И началось... Конечно, никакое прошлое не стоит идеализировать. Были в Ирландии войны, междоусобицы и до норманнского нашествия — на описания их в летописях ссылаются многие исследователи. Но таких бедствий прежде остров не испытывал. Больше двухсот лет постоянных изнуряющих набегов викингов, затем, после короткой передышки — «англизация», с переменным успехом растянувшаяся на века. Постоянное расчленение земель, населенных живыми людьми, их дележ вдоль и поперек; бегство в болота от солдат Кромвеля, культурный террор, выражавшийся прежде всего в гонениях на гэльский (кельтский) язык; одним словом — унижения, унижения, унижения, закономерно породившие в ответ недобрую волну национализма...

Пусть, пройденный многострадальным народом этой страны, не описать ни в журнальном очерке, ни в книге толстой старинного фоллианта, хотя без крупиц истории, мне, видимо, не обойтись и дальше. Здесь хочу показать только, что народ этот, рожденный умным, гордым, самобытным, действительно настрадался сверх всякой меры. А может быть, и расплачивался он на протяжении столетий именно за свою особость, изначальную непохожесть на других? И, чтобы не утомить вас окончательно датами, еще всего лишь две необходимых. В 1921 году в результате многотрудной освободительной борьбы Ирландия (за исключением большей части северо-восточных земель провинции Ольстер, который до сих пор называют последней английской колонией) добивается статуса доминиона Великобритании; в апреле 1949-го провозглашается Ирландская республика. С тех пор за считанные десятилетия независимости из истерзанной провинции влиятельного соседа, британского «города и пастбища» она превращается в не самую богатую, однако достаточно зажиточную и превосходящую нашу по многим показателям страну. В том числе по так называемому индексу гуманистического развития. Теперь дети в ней наряду с английским учат в школе язык своих предков — гэльский.

Мне кажется, она очень похожа на тамошнюю траву — история ирландского народа. Сколько ни мяли народ, ни топтали — он становится лишь сильнее и крепче...

«Эмбарк», или о «кроликах в ловушках» и «больших рыбах в маленьком пруду»

Праздник уикенд в конце концов завершился, наступил понедельник. Пора было и делом заняться: Айлин — поработать, мне — начать оправдывать командировку.

На работу нас повез Рене, подкативший к дому в десятую часу утра на стареньком автомобиле. На этот раз одет он был куда более сдержанно, чем в первый вечер. После двадцати минут дороги выехали к довольно грязному морю и остановились почти на самом берегу, напротив мрачного, старинной постройки особняка.

Внутри здания царил знакомая ремонтная неразбериха: всюду лежали доски, мусор, пахло краской. В просторном кабинете Айлин, куда мы пришли, ремонта не было, зато налицо был иного рода беспорядок — бумажный, какой, видимо, во всех редакциях мира принято называть творческим. Айлин, тем не менее, все эти мелочи ничуть не смущали. Усадив меня перед пачкой журналов — «мое творение» — и извинившись — «пара срочных звонков», — она тут же взялась за телефон, как бы подтверждая тем самым, что действительно является редактором.

Назывался журнал «Эмбарк». В словаре, с которым не расставался, я нашел два основных значения этого слова: «грузить» (ся), садиться на корабль, «начинать, вступать в дело (или войну)». «Начало»? «Отплытие»? Куда, зачем? Понравился цветной коллаж на обложке с подписью: «Гулливер возвращается в Дублин» — огромный Гулливер, лежащий на морском песке, а вокруг лилипуты в современной одежде. Я знал, что Гулливер, персонаж дублинца Свифта — почти национальный герой, но какой эта иллюстрация имела подтекст в данном случае, и какое отношение к подзаголовку — «журнал для выпускников ирландских вузов во всем мире»? Сколько их, нуждающихся в своем издании? Ответы снова помогла найти история.

Есть для ирландцев год, который они в своем прошлом до сих пор выделяют не меньше, чем год обретения национальной независимости. Но если 1949-й — год радости, победы, то 1841-й — века черной беды. Это — начало великого голода, превратившего сотни тысяч родов и еще тысячи семей сорвавшего с насиженных мест. Причиной его называют наступление грибка фитотрофы — болезни картошки, основного тогда продукта питания простых людей. Население острова с тех пор катастрофически уменьшилось, теперь он — один из наименее людных в Европе. Уезжать за лучшей жизнью, особенно в США, стало национальной традицией. Вот откуда приставки «Мак» и «О» перед «американскими», «английскими», «австралийскими» фамилиями. Вот откуда признание покойного президента Джона Кеннеди, обращенное к ирландцам: «Ни один народ не верил более глубоко в искренность ирландской дружбы, чем народ Соединенных Штатов. И ни одна страна мира не внесла больше вклада в мое личное становление, чем ваши дочери и сыновья». Семья Кеннеди, десятки других его сограждан имеют ирландские корни. Как видим, остробитые без всякого преувеличения внесли немалую лепту в становление Америки, поневоле обделив родину своими талантами, энергией. И хотя большинство из них не забывают родства — день 17 марта, день Святого Патрика, говорят, за рубежом празднуется еще пышнее, чем на острове; хотя многие, уехав и заработав себе репутацию, состояние вне родины, возвращаются в конце концов домой, не выдержав испытания ностальгией, как сделал это дед Айлин, — эмиграция является едва ли не главной болью республики...

Но имеется в Ирландии и встречающая проблема. Существуют в этом западном государстве люди, не имеющие ни финансовых, ни профессиональных возможностей выехать не только из страны, но и из своего города. Существуют очень бедные люди. Один знакомый перед поездкой пошутил: «Побываешь у капиталистов, напишешь репортаж «Ирландия — страна контрастов»... А вернувшись, я имею полное право сказать ему: знаешь, контрасты действительно встречаются. И это совсем не смешно. Слухи о всеобщем западном благоденствии порядком преувеличены. Потому что видел своими глазами девочку-нищенку, клянчащую пенс у магазина, где пианистка сопровождает полонезом процедуру покупки, инвалида в коляске на столичном мосту, протягивающего кепку в сторону равнодушно летящих мимо «фордов» и «мерседесов»... Конечно, ирландские нищие нечасто попадают на улицах и существенно отличаются от наших. В Екатеринбурге та девочка-оборванка была бы просто неважно одетой, и самоходная коляска инвалида свидетельствовала бы о его полном благополучии. А если перевести тамошнее пособие по безработице в рубли по реальному курсу, то, наверное, выйдет повышенный советский оклад, и тому подобное... Но тем, кто принадлежит к меньшинству в обществе «двух третей» (у двух третей все о'кей и даже лучше, а третьей — не повезло) от этого ничуть не легче. Они ведь живут там, а не здесь. Причем поначалу я, как это у нас теперь модно, встретив дублинского бедняка, сразу начинал подозревать его во врожденной лени или полной бездарности. Но после разговора с учителем школы Святой Марии мистером Доулином мое сочувствие к ним резко возросло. Правда, учитель предупредил: школа для города не показательная, государственная, очень-очень бедная — и для бедных детей. Впрочем, об этом можно было догадаться уже по интерьеру, отличающемуся от аналогичного нашего разве что скульптурами святых на месте бюстов Ленину. Дети же выглядели и вели себя совершенно так же. Только что во время очень бурной перемены на школьном дворе они едва не вывинтили объектив из моего фотоаппарата...

— Мистер Доулин, устраивает ли вас количество учеников в классе? Нормально ли оно для полноценной работы?

— Конечно, нет. Тридцать — слишком много. Невозможно добиться хороших результатов при таком количестве ребят. И у всех у них родители не процветают. А у четверти — совсем плохо. Пьяницы, преступники, кто под судом, кто в тюрьме. Очень тяжелая обстановка дома, большие психологические нагрузки.

— Но есть у них в дальнейшем какая-то перспектива? Получить приличную квалификацию, учиться дальше...

Часто ли выпускники Сент Мери поступают в высшие учебные заведения?

— Я работаю здесь десять лет... — мистер Доулин чуть помедлил, поправляя очки. — За мою практику не поступил ни один.

Так вот о ком — неизменно звучавшее здесь выражение, когда речь заходила о бедных — «кролики в ловушке!» О людях, которые с рождения и до смерти обречены на строго определенное жизненное пространство только потому, что рождены на свет такими же «кроликами». А ведь среди них наверняка немало способных, талантливых...

Вот потому-то мистер Доулин — член партии труда. В капиталистическом устройстве общества он разочарован, верит в социализм (с оговоркой — «конечно, иной модели, чем ваша...»). Его любимые книги — «Труд и ирландская история» легендарного революционера Джеймса Конноли и «Преданная революция» Льва Троцкого. Хотите верьте — хотите нет.

Конечно же, из одного этого маленького интервью глупо делать какие-то крупные выводы, прогнозы. Я далек от мысли гадать, лежит ли будущее Ирландии на путях социализма, или оно на каких-то иных дорогах. Рискну лишь высказать тут одно соображение, не лишнее, думаю, оснований: рая на земле все еще нет, по крайней мере, рая социального. Живут лишь мифы о нем, которые мы с вами так любим. А вот в другом почти убежден. В том, что в завтрашний день Ирландская республика имеет все основания глядеть с оптимизмом. Ибо здесь существуют и не снившиеся нам механизмы урегулирования самых болезненных проблем.

Взять ту же эмиграцию. О ней постоянно говорят, пишут, ею не на шутку озабочено правительство. Результаты налицо: за последние пять лет поток выезжающих приостановлен. Правда, грядущее повышение налогов грозит изменить положение к худшему. Но в любом случае — родина не забудет о них, об уехавших. Доказательства? Ну, допустим, сугубо местный справочник для отбывающих в насолливую Великобританию — где там жить, как питаться, отдыхать... А прежде всего — совет: подумайте еще раз. И если уж приняли окончательное решение — «эта книга вам пригодится, она сохранит ваши деньги, ваше время и ваши силы». Да зачем же им экономить силы собственных отщепенцев, да еще в стране-притеснительнице? — изумится бдительный наш приверженец лозунга «Не пушать ни туда, ни обратно». Логика, тем временем, элементарна. Эмигранту, в особенности — даровитому, предприимчивому, стоит за любой границей оставаться здоровым и зажиточным в интересах его собственной страны, потому что если он надумает вернуться больным и нищим — вряд ли поможет ее процветанию. Больше того. Один из наших собеседников сенатор Дэвид Норрис, профессор литературоведения, знаток парадоксов Шоу и Джойса, ратует за предоставление избирательного права в республике ирландцам, живущим за рубежом. И парадоксы тут совершенно ни при чем. По мнению сенатора, получить шанс влиять на дублинское правительство, эмигрант займет возможность голосовать и за выгодную для его возвращения расстановку политических сил... В такой ситуации идея молодого журнала «Эмбарк» представляется как нельзя более уместной и плодотворной. Раз существует феномен эмиграции «молодых специалистов» — а обучают их в ирландских вузах, говорят, отменно, — существует и дефицит сообщения между ними, обмена деловой и другой информацией, адресами работы. Насколько я понял, Гулливер на обложке — своеобразный символ окрепшего в чужих краях, переросшего умом и умением многих соотечественников ирландца, вновь приплывшего к родным берегам и нуждающегося в рациональном употреблении своего потенциала.

Но самое интересное, поучительное для нас в «Эмбарке», по-моему, не направление и содержание (они могли бы быть и другими), а — личность редактора, точнее, так сказать, жизненные позиции Айлин — и вовсе не из-за нашего с ней короткого знакомства. Поищите-ка в СССР двадцатичетырехлетнего, едва со студенческой скамьи главу целого международного издания с сетью корреспондентов в десятках стран, вдобавок — представительницу слабого пола. Сомневаюсь, что отыщете. Но, может быть, она все-таки уникал, вундеркинд от журналистики, единственная в своем роде?

Вряд ли. Биография ее, похоже, обыкновенна для ирландцев этого поколения и «социального происхождения». Детство в фермерской провинции Керри, затем — столич-

ный Тринити Колледж. Не знаю уж, почему — то ли город там консервативней в делении общества на имущих и прочих, то ли сказывается неодолимая тяга деревенских родителей вывести детей в люди — молодежь с ферм имеет намного больше шансов получить хорошее образование, чем небогатая городская. Айлин, однако, рассчитывать на родителей не приходилось. Росла в многодетной семье, бостонский дед, а потом и отец, измученный сердечным недугом, рано умерли... Первые годы учебы она совмещала с работой, а получив диплом (степень бакалавра), сразу же, без раскачки, принялась за дело. Настоящее, не игрушечное.

Закончив со звонками, Айлин повела меня по зданию, которое внутри оказалось куда более привлекательным и наполненным жизнью. В нем трудились не одни журналисты. Художник-дизайнер показал альбом своих работ — отличная мебель в современном стиле; мультипликатор-американец, продемонстрировав наброски для нового фильма, вдруг громко зашел: «Вольга, Во-о-ольга, мать родна-а-я... Я тоже был в России!»; неожиданно строгая здесь Патриция лишь едва улыбнулась из-за компьютера, а Рене, оторвавшись от монитора с «пляшущими человечками», грустно молвил: «Вся моя работа — игра...»

Зданию это, в недавнем прошлом — заброшенный отель, оказалось новорожденным дублинским «Центром новейших открытий и развития предпринимательства», объединившим под своей крышей десяток самых разных фирм и компаний, большинство из которых так или иначе ориентированы на эмигрантов. Все они невелики (Поль, Рене и Патриция — шеф, доктор, а по нашему — кандидат математических наук, втроем занимаются программным обеспечением компьютеров; в редколлегии у Айлин — четверо), и почти все — молодежные, недавно созданные. Но честолюбивых планов — бездна, что ясно уже из названия организации. И удивительней всего то, что им доверяют, субсидируют крупные суммы солидные корпорации, тресты, заводы. Центр, из которого неизвестно еще что получится, существует на средства спонсоров. Не боятся здесь взрослые многоопытные дяди давать тысячи молодым, а молодые не боятся влезать к ним в долги, рассчитывая на собственные профессионализм и энергию, олицетворением которых для меня служат привезенные домой номера «Эмбарка».

— Айлин, довольна ли ты своим положением? Лучше оно или хуже, чем у твоих однокурсников по университету, друзей? — интересуюсь за предложенным кофе.

— Мм... даже не знаю... — задумывается она. — Кто-то работает в больших газетах, другие уехали из страны... Патриция с ребятами процветают, уже имеют немалую прибыль, а мое издание — пока нет... Вообще-то делать журнал одной очень трудно. Страшно много организаторской суеты, текучки, да еще приходится вести занятия по-немецкому в Тринити — дополнительный заработок. Я бы мечтала просто писать (совершенно кивая). Но зато у меня есть свой бизнес, а это — путь к независимости. И он должен расти. Видишь ли, я... — Айлин берет ручку и начинает быстро рисовать что-то. На листке бумаги появляется огромный рыбий силуэт, обведенный овалом. — Я — большая рыба в маленьком пруду. Понимаешь?

Кажется, начинаю вникать в смысл и этого распространенного англоязычного образа, хотя и едва прячу улыбку: очень уж не похожа сублимная Айлин на созданный ею «автопортрет». Выросшая в небольшом озере рыба неизбежно начинает искать большего для себя простора, она обязана найти протоку в более крупный водоем, иначе накопленные силы пропадут зря. Именно так ощущают себя молодые дипломированные ирландцы, с которыми довелось общаться ближе всего, и это вполне обоснованное их самочувствие всячески стимулируется экономическим обустраиванием жизни.

«Эмбарк». «Начало». Иначе оно выглядит в Ирландии, чем у нас, где «молодого специалиста» зачастую едва

ли не до тридцати держат в «мальчиках для растирания красок», а потом заводятся разговоры о повальном инфантилизме, и встает вопрос: на чьи плечи взвалить ответственность? И вполне может статься, что именно они, сегодняшние «большие рыбы», с их самостоятельностью, не отвергающей, но подразаемающей взаимопомощь, с их антипатией к обеспеченному безделью, когда-нибудь помогут несчастным «кроликам» выйти из ловушки. Что это будет? Какой «изм»?

Случайное путешествие в район гражданской войны

...Помните — у Чуковского: «Едут и смеются, пряники жуют»? Так вот мы ехали и смеялись — Патриция, Рене (по очереди за рулем), Поль и ваш покорный слуга. И даже пели — в основном песни интернациональных «Битлз». Сдается мне, они, молодые европейцы, всегда ездят в полном соответствии с бессмертными строчками Корнея Ивановича, гениально передавшего «чистое», без сопутствующей нервозности, ощущение дороги — в том числе и на более серьезной технике, чем трехколесные велосипеды. И почему бы не петь, если сидишь в салоне хорошего автомобиля, впереди до горизонта — гладкая, без шербинок, лента шоссе, бензозаправки американской фирмы «Техасо» (фирменный знак — красная пятиконечная звезда, выглядящая в здешних местах довольно своеобразно) обслуживают без отрыва водителя от баранки, а прияники, коли захотелось, с лихвой заменяют десятки баров и закусовых, манящих вывесками чуть не у каждого столба... Я думаю, поколение Патриции и Поля вообще не знает, что означает «не заводится мотор», «кончилось горючее», не говоря уже о таких понятиях, как «колея» или «колдобина».

Я неспроста уделил столько места автомобильной теме. Во-первых, потому что обойти ее в подобном рассказе невозможно, так как автомобиль повсюду на Западе превращается в не просто полезное средство — едва ли не в близкое существо, члена семьи (компании друзей); это нашло отражение уже в современном английском языке: если прочие названия неодушевленных предметов в нем по родам не склоняются (шкаф — «это», чашка — «это»), то для машины вполне допустима форма «она», как для дамы. А во-вторых, именно ей, свежескупленной «Тойоте», я обязан неожиданному двухдневному путешествию за политические пределы страны.

Накануне вечером, перед очередной субботой, Айлин сказала: «Мои друзья решили сделать тебе сюрприз. Завтра они поедут обкатывать новую машину и приглашают тебя. Конечно, если у тебя другие планы, то...»

И вот мы едем — уже часа полтора, с раннего утра, все дальше и дальше удаляясь от Дублина. Болтать и петь переменчивая погода (то дождь, то, через считанные секунды — яркое солнце; таков океанический здешний климат — странная повесть Урала с Крымом) не мешает абсолютно. Становится жарко — Рене нажимает на кнопку, и — вжик! — отъезжает шторка люка на крыше; закапало с неба — вжик! — и сырость нам не страшна. Меня, однако, гораздо более разговоров и недостижимых этих достижений НТР занимает маршрут нашего круиза, о котором до сих пор не подозреваю. «Так куда же путь держим, леди и джентльмены?» — в очередной раз закидываю удочку скрытничавшим приятелям. Наконец, они сдаются. «На Север, в Ольстер. Через Белфаст!» — выдыхают хором и замирают, видимо, в ожидании восторгов. Но реакция следует другая. К чему, к чему, а к такому сюрпризу я не готов абсолютно, я в полной растерянности. Само собой, мне хочется, очень хочется побывать в этой наиболее у нас «освещаемой» части острова, своими глазами ее увидеть. Но ведь это территория другого государства — Соединенного Королевства Великобритании и Северной

Ирландии. Там же граница, «кордон!» «У меня нет английской визы... Почему вы раньше не сказали?» — сам не узнаю собственный голос. А тут еще приемник, как назло, заводит самозабвенное «Бэк ин Ю-эс-эс-а-а...»¹ Ох уж эта ливерпульская четверка...

«Не волнуйся, все будет о'кей. Мы уже почти приехали», — чувствую на плече успокаивающую руку Поля. В двух десятках метрах впереди — две зеленые будки по сторонам сужающегося шоссе. Рене нажимает педаль тормоза, и из одной из них выходит худой длинный солдат с автоматом на плече, весь какой-то неглаженный, обвислый: висят большой нос, брюки на коленках, оружие на ремне. Приближается к нам... «Хеллоу! Мы едем из Дублина в Портстюарт, в гости! А это — наш друг из России, он журналист», — бодро отвечает Рене на его маловнятный вопрос, высунившись из окна. «Из России?» — на вялом лице солдата появляется подобие интереса. «Ол райт! — кивает он в мою сторону. — Хорошей дороги! Надо же — настоящий русский...» — бормочет, возвращаясь на пост. Следом — еще два или три КПП. Двигаемся еле-еле, как бы демонстрируя свою законопослушность и отсутствие дурных намерений. Тем не менее, продолжаю сидеть, как на иголках. Что-то скажет следующий воин? Но война не видно ни у второго поста, ни у третьего. Наконец, Рене вздыхает облегченно — ужасно скучно ползти, как черепаха! — и от души давит на акселератор. Стрелка спидометра вновь взмывает к цифре «100».

«И все? — изумленно оглядываюсь на друзей. — Даже паспорта не нужно?» А они уже снова смеются-заливаются, напевают что-то. Пересечение государственной границы для них совсем не повод, чтобы расставаться с хорошим настроением. И вряд ли им объяснишь, отчего такое событие может вызвать в душе целую бурю сомнений. Ведь на обратном пути нас совсем никто не проверял. И это на одном из самых неблагоприятных европейских «кордонов», там, где вот уже три десятка лет продолжается кровавый конфликт между католиками и протестантами, где действует ИРА — подпольная террористическая Ирландская республиканская армия!

Центр столицы английской территории Белфаста, в котором мы провели часа полтора, загнав машину в подземный гараж, произвел еще более мирное впечатление. Кроме довольно громоздкого здания муниципалитета и книжного магазина, больше похожего на выставку, чем на предприятие торговли, обратил на себя внимание тучный полицейский, на вопрос Патриции — где тут поблизости кафе «Макдональдс», чтобы перекусить? — с непонятной гордостью ответивший: «В Белфасте «Макдональдсов» нет!», и пара плакатов с фотографией Льва Троцкого на стене. Но суровый лик земляка — отца военного коммунизма, второй раз напомнившего здесь о себе (случайно?), прохожих абсолютно не интересовал, в отличие от действительно привлекательной девушки, тут же, на улице, исполнявшей номер пантомимы. Рене выяснил: идет студенческий концерт, студенты собирают деньги в помощь одному из бедствующих народов Ближнего Востока. Своих неприятностей им уже недостаточно...

Дальнейший план экскурсии, придуманный друзьями, включал в себя посещение двух достопримечательностей северного побережья, до каждой из которых пришлось километра по полтора топать пешком, но зрелища стоило того. Первое — тысячи как бы растущих из воды каменных столбиков разной высоты, имеющих форму пчелиных сот; это чудо природы вулканического происхождения носит сказочное название «Дамба гиганта». Второе — перекинутый между скалой и маленьким островком всячий мост; страшновато идти по нему над ревущими глубоко внизу волнами, зато, пройдя, можно увидеть суровые берега острова во всем их великолепии. Близ этого мостика случилось маленькое, но очень запомнившееся мне происшествие.

¹ «Снова в СССР» — заглавная песня альбома группы «Битлз».

На узкой тропинке мы столкнулись лицом к лицу с двумя пожилыми женщинами. Ребята поприветствовали их, а Поль разразился целой цветистой речью, вызвавшей у дам не по возрасту бурный приступ радости. Чуть позже я спросил у него: «Старые знакомые?» «Вовсе нет. Первый раз их вижу. А почему бы не сказать пару добрых слов хорошим людям? — удивленно глянул на меня мой спутник. — Разве у вас это не принято?» Что я мог ответить молодому ирландцу? Что суровая уральская погода не располагает к чрезмерной приветливости? Да ведь и в Ирландии не все так уж безоблачно. Тем не менее, улыбаются друг другу все: юноши — старикам, миллионеры — бедным, рабочие — парламентариям... Ольстер — не исключение. Кожаный блатеастец-полицейский едва не расплылся от удовольствия, услышав голос Патриции; студентка, солировавшая в спектакле, Наверное, надела на себя маску грустного клоуна еще и потому, что сами собой уголки ее губ опустятся просто не в состоянии. Справедливости ради надо заметить, что в улыбчивости этой есть и элемент чрезмерности, дана неизменному имиджу преуспевающего европейца, как бы обязанного быть всегда бодрым и здоровым. И все-таки они в гораздо большей степени, чем мы с вами, владеют наукой радоваться ближнему — не кому-то конкретно, а просто — человеку. Забытой у нас наукой, помогающей людям переживать самые мрачные времена и самые лихие беды...

— Вы, ирландцы, очень доброжелательный народ, — пытаюсь уйти от ответа с помощью комплимента. Полю же, кажется, ничего другого и не нужно. «О, да! Мы — самая доброжелательная нация в мире!» — с готовностью восклицает он, и вот уже соленый ветер разносит, влетаая в прибой, по округе его громкий восторженный вопль: «Эй, кто здесь есть? Меня зовут Поль! Привет вам всем — всем, всем! Хелло-о-оу!»

И снова наша машина стремительно мчится по самому краю суши, и опять за окном светло-изумрудное, будущее о серые скалы море, древние храмы, высшие над ним с величием, достойным только бессмертных, цветные и чистенькие, словно игрушечные, деревни и конечно — зеленые, зеленые, зеленые холмы, и овцы на них — сотни, тысячи овец, отсюда кажущихся недвижимыми, расставленными навсегда изваяниями...

Конечной цели «обкатки» — живописного городка Порт-Стюарта, а точнее — небольшого отеля, владельцем которого оказался муж тетки Патриции, мы достигли уже к вечеру. Хозяева, сорокалетняя добропорядочная чета, встретили радушно, предоставив бесплатно два номера. В благодарность наутро, после завтрака Поль с Рене помогли разобраться с посудой на кухне. Между прочим, хозяин, проснувшийся в пять часов, попыхивая толстой сигарой, мыл ее наравне с прислугой. Так трудится он каждый день, без выходных, чтобы скопить денег на отпуск раз в три года. Как видим, не такая уж сладкая жизнь у отдельных владельцев частных отелей.

А на пути назад меня ожидал еще один сюрприз — купание, можно сказать, в самой Атлантике. Ведь пролегающей здесь пролив Северный, отделяющий Ольстер от Шотландии, выходит прямо в океан. Сбылось мое заветное желание, о котором стоило едва намекнуть ребятам. И купание поистине божественное! Неважно, что сентябрьская вода обожгла, как огнем, и я выскочил из нее значительно раньше Рене и Поля. В конце концов, сам виноват. Не нужно было нагонять себе цену болтовней о знакомстве с уральскими моржами, проводящими зиму в проруби; не стал же Рене заранее афишировать свою причастность к национальной сборной по плаванию и соответствующую закалку... Зато благословил на омовение в великих водах настоящий ирландский священник! Благословил, выдав с церковного склада плавки и полотенце...

Брат Фиделио, служитель храма, стоящего неподалеку от песчаного пляжа, оказался старинным знакомым Поля. По-видимому, связи между английским Севером и

Республикой — семейные, дружеские — не рвались никогда. И мало того, что этот добрейший старичок обеспечил нас всем необходимым для купания — еще и встретил, продрогших, заботливым вопросом: «Виски или водка?»

Но где же война? — наверняка спросит внимательный читатель. Как же быть с религиозным противостоянием, строгостью английского оккупационного режима, католическими гетто, терроризмом? Неужели это — вымысел, очередной миф, сконструированный «застойной» отечественной пропагандой? Увы, война действительно была, и она продолжается. Это подтверждает само наличие на границе унылого «человека с ружьем». После политически нейтральной, потрясающей мирной Ирландской республики, где торговля оружием запрещена, а военного в форме днем с огнем не сыщешь, он выглядит противостоительно. Другое дело — я ее не видел, да и не мог видеть за время случайной и в высшей степени поверхностной поездки на север. Весь ужас ольстерской войны и состоит в том, что она — тайная, никто не может сказать, когда и в кого выстрелят. Мне просто нечего добавить к многочисленным книгам, статьям о ней, которые вы легко найдете в любой библиотеке. Кроме одного, о чем коллеги-международники практически не упоминают: вне политики она на редкость красива и гостеприимна, земля Ольстера. И я просто не могу не верить в то, что присущий ей дух добра, мира коснется, наконец, и отношений не поделивших ее сторон, что язык репрессий, вызывающий в ответ шальные пули, сменится, наконец, в их диалоге нормальным, человеческим, каким говорят Патриция с родней и Поль с братом Фиделио...

Дублин на слух и на вкус

Дублин, с его сотнями церквей и цветниками на реках, рекой Лиффи и городком Тринити Колледжа, очень похожим на исторический парк, благородно-торжественными подъездами георгианской эпохи, соседствующими с полным набором англо-американско-японских аксессуаров современного западного города, мало видеть. Эту столь же маленькую, сколь древнюю — недавно город разменял первое тысячелетие — европейскую столицу непременно нужно слушать и — пробовать на вкус. Осмелюсь даже утверждать, что без собственных, одному ему присущих голоса и вкуса Дублин не был бы самим собой, как и вся Ирландия — Ирландией...

Да, звонкие крики уличных торговцев: «Зажигалка! Только один фунт за пару!», «Томаты! Покупайте свежие томаты!», шумы судоходной реки и моря — тоже голос города. Но наверняка торговцы кричат и в других городах мира, где «частники» торгуют не только на рынках, как у нас. К тому же их призывы сливаются с гулом разноязыкой толпы, который, полагаю, схож и в Бомбее, и в Нью-Йорке. Не слишком разнообразны и гудки паровозных труб. В отличие от музыки. Она в Дублине звучит буквально на каждом углу.

В самое разное время — утром, днем, вечером я слышал там, кажется, образцы всех существующих музыкальных жанров. Вот впечатления лишь одной прогулки по центральным улицам: средних лет трио — аккордеон, банджо и кларнет с бородой, как у Авраама Линкольна, играют заводной американский кантри-джаз; через полквартила — натуральный классический скрипичный квартет во фраках, каждому не больше двадцати пяти, что-то из Гайдна, если я не ошибся. Часом позже нам с попутчиком буквально преграждает путь весьма изящно вынырнувший откуда-то юноша с гитарой. «Что бы вы хотели послушать? — с требовательной мягкостью восклицает он. — Я могу вам сделать любую песню!» И указывает на одинокую монетку, лежащую на растеленной под витриной супермаркета курточке. Но увы, при всем желании ничем не могу ему помочь, поскольку уже бросил последний пятипенсовик в футляр старого скрипача в расшитой жилетке, без конца повторяющего бетховенского «Сур-ка» — вечную мелодию странствий...

Разумеется, Брат Фиделио и музыканты, достигшие куда большей славы и благополучия, чем уличные. Рок-звезды, например. Именами королей рок-н-ролла Ирландию,

отделенную считанными милями от родины «Битлз» Ливерпуля, не удивишь — их здесь проезжает и проживает немало. Сам Доктор Рок Поль Маккартни, говорят, снимает на «изумрудном острове» виллу. А с наиболее именитым дублинским его коллегой по цеху, лидером группы «Ю Ту» Полем Хьюзоном (он же Боно), Айлин даже обещала мне организовать встречу, поскольку училась в университете с его женой Алисон. Конечно же, это было бы хорошо — поговорить с человеком, покорившим полмира своими вдохновенными балладами, с кумиром молодых ирландцев, чьими фотографиями пестрят газеты, чье мнение весомо в самой политике. Но — не получилось, о чем жалею не так уж сильно. Ведь при всем уважении к группе «Ю Ту» — да простят меня её отечественные поклонники, истинный голос Дублина — это не голос Боно. И даже не пестрый уличный оркестр...

Я узнал его в пабах, в том числе и в этом — на Джордж стрит, куда заходим передохнуть. Здесь к уютным столикам, через сияющую зеркалами стойку бармена стекается народ, а в обычном углу, без всякой сцены собираются люди с инструментами. Что такое пабы? Это — пивные, хотя здесь можно выпить всего, чего угодно, от крепчайшего джина до свежайшей простой воды. Но кабаками (одно из первоначальных значений этого заимствованного слова) их называть язык не поворачивается. Пабов в Дублине очень много, и они очень разные: с длинными залами и полукруглыми, с гирляндами старинных люстр, отражающимися в зеркалах, и оформленных в стиле модерн. Все обязательно имеют свои названия, предметы гордости: самый высокогорный, самый старый, паб, где собираются журналисты, архитекторы, художники. И еще в каждом, пожалуй, из десятка, куда водили меня друзья, стены, а кое-где и стулья украшены всевозможными памятными экспонатами, иллюстрациями, надписями. «Тут в 1959 году сидел такой-то — большой футболист»; гравюра — колесный пароход с отъезжающими эмигрантами; ряд портретов великих писателей-ирландцев на стене — Свифт, Уайльд, прямо над туалетом — Джойс... Спрашиваю у бармена, прилично ли корифею висеть в подобном месте? «Так ведь... — бармен хитро прищуривается, — мистер Джойс тоже хаживал по нужде...»

Шутки шутками, но заглянуть в подобное заведение куда как приятнее, нежели чем прорваться в до боли родной единственный в двадцатитысячном районе Екатеринбурга заплыванный квадратный зал сквозь бушующую очередь к стоячему кружку-месту (если оно вообще есть...). В ирландском пабе можно встретить и седовласого старичка с тростью, и счастливую, чету с не слишком маленькими детьми. А в одном из них ближе к полуночи мне показали раскрасневшуюся бабушку в темной одежде, сидящую во главе длинного хохочущего стола. «У нее праздник. Двадцать пять лет назад она начала служить церкви...»

Много ли пьют ирландцы? Несмотря на то, что мои друзья практически не пили в стране, по их мнению, проблема алкоголизма стоит остро. Но в эту проблему я не стану углубляться, не имея на то ни малейшего морального права. Ведь ни одного алкоголика — в нашем, расхожем понимании, то есть «несущего социальную опасность» — в Ирландии не видел. Добродушные джентльмены под хмельком на вечерних улицах — не в счет. Что опасного в негромком пении песен и комплиментах каждому встречному? Видимо, трудно допить до навязчивого желания треснуть соседа стаканом по голове, сидя в гнущем кресле напротив гравюры прошлого века и потягивая побивающий в Ирландии все рекорды популярности напиток «Гиннесс», он же — портер, а еще точнее — стаут. Именно это темно-коричневое, почти черное пиво, названное Джеймсом Джойсом «вином страны», чаще всего заказывают в пабах. Пиво, покрытое ослепительно-белой, гладкой, похожей на деревенские сливки пеной; пиво, столь же крепкое и пьянящее, сколь здоровое и бодря-

щее. Им можно утолить не только жажду, но и голод — если утолять в меру: до такой степени оно калорийно. Пиво, которое, черт возьми, никогда не разбавляют...

Для большинства из нас фамилия Гиннесс связана исключительно со знаменитой книгой рекордов. Но не все, наверное, знают, что впервые выпущена она несколько десятилетий назад с легкой руки хозяев одноименной пивной фирмы. Сначала было пиво, а уж потом — книга. Вообще, многое началось не совсем так, как мы это себе представляем. Скажем, напиток виски придумали вовсе не в Шотландии, а все на том же «изумрудном острове». Шотландцы просто проявили большую расторопность в его рекламе и распространении. Само название «виски» произошло от гэльского «нишке баха» — «вода жизни», укороченного и упрощенного англичанами. С портером вышло наоборот. Слово «портер» (изначальное значение — «грузчик») как наименование напитка раньше всего использовалось в Лондоне, поскольку первыми темное питье оценили тамошние грузчики. И уж потом оно прочно вошло в число «чисто ирландских» слов. Началось все с того, что в 1759-м году тридцатичетырехлетний дублинец Артур Гиннесс арендовал небольшой перерабатывавший пивоваренный заводик у ворот Святого Джеймса (Сент Джеймс Гейт) и очень скоро доказал: в творческих руках любое рискованное дело окупается сторицей. Для начала он увидел ирландцев тем, что приготовил темный эль, сварив его из жареного ячменя. А затем развил эксперимент, обогатив английский вариант «портерования» своими личными секретами. Новое пиво от Сент Джеймс Гейт оказалось настолько хорошим, неповторимым букет его настолько увлек покупателей, что постепенно оно вытеснило весь экспорт из ирландской торговли. К 1914 году Сент Джеймс Гейт становится самым большим пивоваренным заводом мира, а в начале двадцатых годов нынешнего столетия в «пивной» лексикон прочно входит слово «стаут» (крепкий) — сперва прилагательным, определяющим привычное, но не совсем правильное «портер», а затем превратившееся в самостоятельное существительное — фамильное название семьи Гиннесс.

Все это и еще много чего интересного о «Гиннессе» я узнал во время посещения фирмы. Особенно впечатлило то обстоятельство, что при общем обороте в четыре миллиарда ирландских фунтов в год, собственном флоте, сети гостиниц и т. д. и т. п., а значит — при очевидной доступности для фирмы любых технических новинок сама технология варки пива — ячмень, плюс хмель, плюс дрожжи, плюс передающееся из поколения в поколение мастерство — за двести лет практически не изменилась. Это — святая святых, основа чести фирмы. Натуральный стаут нельзя воспроизвести, его можно только купить. Одно удручило не на шутку. Как ни пытались мои коллеги своими неполномочными намеками хоть немного поспособствовать активизации деловых связей между фирмой и Россией, представитель концерна оставался обходительно-холоден, давая понять: нет у его боссов серьезного к нам интереса, нет уверенности в надежности наших партнеров. Знакомые интонации... А жаль. «Гиннесс» давно уже пьют в ста двадцати странах, включая Андорру и Камерун и исключая нашу. Но зато после посещения Сент Джеймс Гейт у меня родилось вполне деловое конструктивное предложение к нашим пив-, вин-, а также ликеро-водочным заводам. Почему бы им на путях приватизации не начать одновременно с совершенствованием технологических процессов финансирование, ну, предположим, рок-концертов, или состязаний гармонистов, а в перспективе не перейти, допустим, к неделям фортепианных дуэтов, либо — балетных спектаклей? Само собой, от этого их не перестанут обвинять в «спивании народа», но никто уже не сможет отрицать, что, по крайней мере, делается это культурно. Фирма «Гиннесс» (а она выпускает и крепкие напитки типа виски) помимо книги рекордов имеет отношение ко многому. К конкурсу красоты, к музыкальному празднику в Керри, фестивалю джаза, в котором недавно, кстати, принял участие коллектив из Прибалтики, к оперному фестивалю... Ежегодно не сотни, не тысячи — миллионы тратит она на такого рода спонсорство. От нас не скрыли: делается это не из одной благотворительности, но и с расчетом на поддержание определенной репутации марки, тоже сулящей прибыли. Но разве столь уж дурен этот расчет? Не тот ли это случай, когда культура настоящего бизнеса, имеющего не только однодневную тактику, но и солидную стратегию, напрямую смыкается с культурой

«чистой», общечеловеческой, помогая и ей, и себе сохраняться, двигаться вперед?

А теперь снова вернемся туда, где распивают старый добрый стаут и собираются под вечер музыканты. Первым приходит скрипач, открывает футляр и начинает подстраивать струны, потом появляется волынщик — или волыночник? — со своим экзотическим для нас инструментом, который Владимир Даль определяет как «телячий или козий мех, снятый дудкой (целиком), ... зашитый наглухо и снабженный сверху надувною трубкою, а снизу одной или двумя игральными», и осторожно начинает — в точности по Далю! — перебирать по трубкам пальцами, «сжимая меха под левой мышкою». Затем к ним подсаживаются дудочник, гитарист, человек с бубном... Впрочем, ансамбль может состоять из трех, даже двух человек, меняться в течение вечера за счет желающих поиграть и попеть из публики. Куда важнее, что звучит в пабе. А звучит там нечто, совершенно отличное по чистоте и колориту от безликого гула, доносящегося, как правило, из наших «учреждений массового отдыха». Звучит традиционная, как ее называют на острове, по-американски — «фолк», а по-нашему — народная музыка ирландцев. Звучит не для фанатиков-гурманов и не для одержимых специалистов — для всех, включая молодых. И все ее слушают, и еще как!

В Ирландии музицируют с незапамятных времен. И в древности музыканты, как и другая «гуманитарная интеллигенция», почитались неизмеримо больше, чем политические деятели и военачальники. В кельтском государстве, в соответствии с обычаями танистри, привилегии, числившиеся за вождями (наделы земля и прочее), после их «отставки» передавались не детям и внукам, а преемникам по должности. Исключение составляли врачи, брегоны — хранители обычаев и судьи, филляды — знатоки истории и генеалогии, но раньше всего — барды! Веками существовали и развивались школы бардовского искусства, в которых помимо музыки преподавались литература, поэзия. Выпускникам, в зависимости от таланта и усердия, присваивался один из восьми профессиональных разрядов. Увы, в XVII веке школы были закрыты англичанами. Но корни традиций оказались слишком живучи, мощны, чтобы отмереть даже за несколько столетий. После обретения страной независимости в ней начинается настоящий ренессанс собственного фольклора. Появляются десятки «традиционных» групп, новые мэтры находят множество одаренных учеников. И сегодня без мелодичных кельтских песен ирландцы себя не мыслят. Их поют повсюду, нередко — на гэльском языке, под них растут ребятишки... При всей популярности рока, джаза, симфонических и иных концертов именно они остаются стержнем, на котором воспитывается художественный вкус народа, и без них вряд ли загорелись бы столь ярко звезды Боно, другой сверхпопулярной ирландской певицы Шиннел О'Койнор...

Неспроста на гербе Ирландской республики изображена арфа — любимый инструмент кельтов. И совсем не случайно на весь 1991-й год Дублин назван культурной столицей Европы. Быть может, именно здесь на родине «первой утонченной цивилизации», как нигде на Земле, знают цену наследию далекого прошлого, без которого невозможно ни хорошее настоящее, ни гармоничное будущее.

...Конечно, поздним вечером в пабе на Джордж стрит, притопывая в такт не на шутку разошедшимся бубну и волынке, вряд ли думают и говорят о таких материях жители Дублина. И наверное, они правы. Гораздо важнее всяких слов для них сейчас слиться с этой музыкой, с этим ритмом, так похожим на шум ручья где-нибудь в горах, звучащего вот уже две тысячи лет...

О «материях» думаю я, удивленный гость, взгляды ваясь в разгоряченные лица своих соседей. Две тысячи лет — в жилах каждого. Поразительно! И вдруг ловлю себя — в который уже раз — на том, что, как ни жаль с ними расставаться, страшно хочется домой. Две недели в такой дали от дома — очень мало и невыносимо много.

Хочется там, на родной земле, вспомнить о них и по-новому вслушаться в себя.

Николай МЕРЕЖНИКОВ

* * *

Всё медь, всё бронза, всё латунь,
Но как деревья полегчали.
И кажется,

лишь только дунь —

И отнесет их к дальней дали.
И сразу станет всё голо,
Исчезнет легкое сиянье.
И, чтобы их не отнесло,
Стой и задерживай дыханье.

* * *

Опять зовет к уединенью,
Пускай хотя б на малый срок,
В укромный этот уголок
Куржак, раскрывшийся
к цветенью.

Не сакура,
Не сад камней.
Простые ветки в куржавине.
А — день длинней,
А — жизнь родней,
А — сердце ждет тебя
с повинной.

* * *

Сечет, а закрыться и нечем,
И каждый под ветром картечи
Самим остается собой:
И слышно в пространстве
предвечном
Архангела с грозной трубой.

Развенчаны наши предтечи,
И время затеяло встречу
С неясною, новой судьбой.
И день впереди —
как кузнечик:
Попробуй ладонью накрой!

Кажется, наше письменное общение с юным читателем (в прошлом году эта рубрика отдела молодежных проблем так и называлась — «Пишите письма!») потихоньку приобретает вид стабильного диалога. Во всяком случае, последняя подборка из вашей почты (№ 7 за 1991-й год: напоминаете?) вызвала, пусть и с запозданием, намного большее число откликов, чем предыдущая. Впрочем, судите сами. Начинаем, как обычно, с выдержек из опубликованных ранее писем и наших комментариев к ним.

ЯЩИК РАВЕНСТВА

«...Я ненавижу школу, а считают лучшей ученицей. Я презираю школу, но... учителя тоже люди, издерганные, с длинными рабочим днем! И у меня есть граница, я держу в себе свои эмоции, я ставлю себя выше драгг. Так лучше, понимаешь? Словами ведь все это не изменишь...»

Из письма Насти, Дзержинск, Нижегородской обл.

«Понятно, отчего многие ненавидят школу. Мало где, видимо, есть учителя, по-настоящему понимающие детей. Но вот у нас в школе, конкретно в нашем классе, по-моему, найден неплохой способ уменьшить эту дистанцию. У нас есть специальный ящик, в который мы складываем отзывы об учителях, их поведении в той или другой ситуации, а потом, на классном часу их совместно обсуждаем. Конечно, шуму много. А вы представляете, сколько нелицезных слов о себе приходится читать нашим наставникам! Вспору и окончательно обозлиться... И однако до драки не доходит — в общем, довольно мирно выясняем неурядицы, обсуждаем «проколы» и «достижения» обеих сторон. Нам это помогает укрепить уверенность в себе, почувствовать себя на равных с «недосягаемым» учителем. А учителю — что-то уяснить о нас, и может быть даже — изменить в себе...»

Иоланта, Кингисепп Ленинградской обл.

Итак, наша коллекция конкретных предложений по урегулированию давнего противоречия «отцы — педагоги и дети» потихоньку растет, причем в интересной последовательности. Если японизированный манекен для битвы (Дима Кононов, Свердловск, см. № 7) явно появился в ней от отчаяния ученика, окончательно разувверившегося в возможности найти хоть какой-нибудь контакт с учителями, то мишень — карикатура из детства Джонни Леннона (см. там же, начало послания Насти) уже соседствует с более мягким «учителя — тоже люди». Опыт же Иоланты из Кингисеппа вообще доказывает, что с этой породой людей можно пытаться разговаривать на равных! Какие еще есть экспонаты, мнения?

Пополним коллекцию?..

«МОЛОДОЙ, КРАСИВЫЙ, СЕКСУАЛЬНЫЙ...»

«Дорогой Уралский следопыт! Пишу тебе второй раз с одной и той же просьбой. Умоляю, напечатать хоть что-нибудь, хоть два слова про Наташу Гусеву — юную актрису...»

А если ты не напечатаешь про нее, то случится непоправимое. Я умру от горя...»

Из письма Нели Якуновой, Сибай

А вообще тема фанатства — страшно интересная тема. Почему без пяти минут взрослые люди в один прекрасный день вдруг прекращают нормально есть, пить, спать, учиться и едва ли не в буквальном смысле сходят с ума по кинозвезде, человеку с электрогитарой — пусть даже самым талантливым? И отчего, если уж на то пошло, совсем нет в нашей почте ультиматумов вроде «умру от горя, если не напишете ничего о Пушкине (Чехове, Чайковском, Карузо)?»

Из нашего комментария

«Почему девочки сходят с ума от Шатунова (Преснякова, Разина, Державина), а не от Пушкина, Чайковского, Толстого

(орфография авторская — Д. К.). Карузо? Но это же так просто! Никто не спорит: и Чайковский, и Карузо — гениальные люди. Но они же того... умерли. И какой, спрашивается, резон нормальной девочке ст них фанатеть? А Шатунов (Маликов, Прико, Рябцев) — вот они! Живы и здоровы. Можно рядом постоять, автограф выклянчить или у подъезда подежурить...»

Так, теперь «почему почти взрослые люди с ума сходить начинают?» И это довольно просто: любви хочется всегда, особенно остро — в 14—16 лет. Так хочется встретить своего Грэя или Робина. Но алый шелк нынче — проблема, а до Шервудского леса так далеко. А тут он: молодой, красивый, сексуальный... Вот и все. Ведь любят девочки, как известно, красивых. Так что если кто-нибудь напишет, что любит да того же Юрку Шатунова за его песни — не верьте! Она его любит за его печальные глаза, за пушистые темные волосы, за очаровательную улыбку. А песни... Ну, это само собой. Их ведь Юра поет...»

Танюшка-подружка

Не правда ли — молодец Танюшка-подружка! Как лихо за все по полочкам разложила. Умер — значит неинтересен, если даже Толстой. Его и фамилию правильно склонять обязательно! А живой, цветущий — неважно что поет (пишет, рисует...), лишь бы сексуален.

Так ли все просто?

Есть и другие мнения. Вот, например, Роза из Свердловской области (увы, ее письмо слишком объемно для публикации целиком, автор же категорически требует печатать или все, или ничего, поэтому передаем лишь суть) вообще против затевания разговора, услышала в нем чуть ли не издевательские нотки. «Не надо нас анатомировать! Мы — не подопытные существа!» — тигрицей бросается поклонница «Ласкового мая» на защиту своих «братьев-фанатов». Что ж, нет желания участвовать в дискуссии — никто, в конце концов, не заставляет. Но помилуй, Роза! Ты пишешь, что интересуешься и серьезной музыкой, литературой, собираешься даже поступать на филологический факультет. С каких пор глаголы «разобраться», «анатомировать» и в особенности — «издеваться» стали синонимами? Проблема ведь в самом деле существует, как и дефицит любви, которая все-таки, по тем же Пушкину и Чехову, есть нечто неизмеримо большее, нежели скромное желание «автограф выклянчить или у подъезда подежурить»...

ПУСТЬ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ

«ПУСТЫШКА»!

«Мне не хватает общения. Хотелось бы иметь друга, которому можно выложить все, что думаешь. Очень многого хотелось бы... Но везде есть частица «бы»...»

Прощу вас, дайте мой адрес в «УС», пусть мне напишут все, кто хочет, от первокурсника до пенсионера!»

Из письма Сергея Чернышева, Алма-Ата.

Письмо-исповедь Сергея вызвало, пожалуй, максимальное число откликов. Поместить их все мы просто не в состоянии, поэтому ограничимся чем-то вроде небольшого обзора.

«Во все века находились те, кому было тесно, неуютно в этом мире, они обычно вступали в конфликт с общей массой, их не понимали, преследовали, в средние века сжигали на костре. Но именно такие люди двигали общество вперед, о них потом, спустя много лет и даже веков, говорят, что они опередили свое время... Я бы назвал их пришельцами из будущего... Конечно, и сейчас такие люди есть. Может быть, вы один из них? Возможно, поэтому вам так тяжело в обществе?» — высказывает очень лестное для Сергея предположение юрист из Омска Юрий Николаевич Сенин, сочинивший целый трактат о смысле жизни. Юля же из Тольятти, значительно меньше расположенная к пафосу, считает, тем не менее,

что такое письмо мог написать только хороший человек, думающий, «не желающий примириться с тем, что «среда заела»». Эти два послания, по просьбе авторов, мы пересылаем в Алма-Ату. А вот на следующем, из Челябинска, необходимо остановиться поподробнее. «Не знаю, кто будет читать мое письмо, да и будет ли вообще, — пишет Юля Видина, — но, наверное, он вспомнит свое детство, в котором много чего было, в том числе и шоколадные конфеты — «Мишка на севере», «Красная шапочка», «Красный мак» и так далее. И может быть, он вспомнит детскую малость, когда тебе протягивают конфету, и ты, конечно, рад и благодарен, и вдруг, под веселый смех «дартеля», обнаруживаешь, что сжимаешь в руке «пустышку» — фантик, сохранивший форму конфеты... Но переды к гаваню. Читала № 7 «УС» за 1991-й год «Диалог-клуб», и вот — как гром среди ясного неба, письмо «Что такое жизнь?» Сергея Чернышева из Алма-Аты. Такое ощущение, будто я написала его сама, до того мне были близки эти строки. В конце — просьба опубликовать адрес. Я решила, что напишу ему прямо сейчас, схватила ручку, бумагу. Так много хотелось сказать! Читаю дальше, буквы прыгают перед глазами, — а там «к сожалению, адресов не даем» и прочее. Сначала не поняла, перечитала еще и еще раз и... к горлу подкатился ком, все поплыло перед глазами. Будто что-то оборвалось внутри. Не передать это словами. Совсем как в детстве, стоишь и сжимаешь в руке пустышку, всего только фантик от надежды...»

Дорогая Юля! Очень жаль, что так получилось, и для тебя наш выпуск оказался лишь «пустышкой». Мы этого не хотели, и нам отнюдь не до «веселого смеха» — поверь. Но ты, видимо, слишком волнуешься, когда перечитывала в нашем комментарии причины, объясняющие отсутствие в «Диалог-клубе» личных адресов, среди которых — и самая в данном случае важная. В надежде, что теперь переживания позади, повторяем ее поподробней. Любый журнал по оперативности прохождения материалов уступает газетам, а наш, по абсолютно не зависящим от редакции, чисто техническим обстоятельствам, делается очень долго. Полагаю, проходит со дня сдачи номера в набор до его выхода в свет! Устрой ли юных читателей, жаждущих общения, такие сроки? События и настроения в вашем возрасте ведь сменяются с головокружительной скоростью, и вполне может статься, что за те месяцы, что координаты ваши идут к людям, они или переменяются, или будут уже неуместны на наших страницах, а то и — не дай Бог! — сослужат кому-то плохую службу в новой ситуации.

И все же твое письмо, Юля, заставило нас вновь задуматься над вопросом адресов. Вариант ответа нашелся снова в почте. «Для разрешения проблемы нужно совсем немного, — считает Мария из Кингисеппа, — надо опубликовать мое письмо вместе с адресом. Идея проста: я хочу создать нечто вроде службы знакомств для подростков и молодежи, и тем, кому от 13 до 25 и кто желает найти друга по переписке, следует сообщить мне свои «выходные данные» (черты характера, рост, сведения о внешности, лучше — фото), и пожелания относительно корреспондента. Я понимаю, на первых порах придется трудно, но со временем, думаю, все наладится. И чем больше будет почты — тем скорее пойдет дело». Понимая, в свою очередь, что одной Марии всех не выручить, отдаем, тем не менее, должное ее инициативности. Если девушка действительно готова оперативнее, чем мы, помочь хотя бы части ищущих обрести друзей — будем только благодарны! Вот адрес:

188450, Ленинградская обл., г. Кингисепп, ул. Жукова, д. 12-а, кв. 129, Марин («СЗ»). Фамилия, к сожалению, не указана.

А «Диалог-клуб» по-прежнему ждет ваших исповедей, размышлений и новых тем!

перстни, остальное спрятал. Всего перстней оказалось одиннадцать. Миша кивнул:

— Выбирай. Только учти, вот этот, с большим рубином, уже мой.

Постояв, Лука взял один из перстней с бриллиантом.

— Вот этот, узорный, можно?

— Витюнь, мне без разницы. Этот, так этот.

Вернувшись к столу, Лука вскоре пригласил Лизу танцевать. Танцевали они довольно долго. После танца, сев на свое место, Лиза молча положила перед Галей левую руку. Изучив вспыхивающий искрами на безымянном пальце старинный узорный перстень, Галя покачала головой:

— Вот это да. Откуда?

— Витин подарок.

— Витин подарок? — Галя посмотрела на Луку. — Ну, Витя, ты меня просто потряс. Честное слово.

Лука молча усмехнулся.

— Можно, я тебя немного потрясу? — спросил Миша.

— Меня? Интересно, чем?

Незаметно достав перстень, Миша протянул зажатый кулак:

— Вот этим.

Миша разжал кулак, показав перстень с рубином. Взяв Галину руку, надел на безымянный палец. Галя шуточно подняла глаза к потолку:

— Ребята, вы нас просто убиваете. Умереть можно. —

Изучив перстень, вздохнула: — Мишенька, я правильно поняла: это твой подарок?

— Да, это мой подарок.

— Потрясающе. — Вытянула руку. — Нет, Миша, ты даже не представляешь, как это красиво. Так ведь?

— Не знаю. Но я рад, что тебе понравилось.

Галя поцеловала Мишу в щеку, и они пошли танцевать.

После ресторана все четверо поднялись в номер. Парочки разошлись по комнатам, и вскоре выяснилось, что девушки без особых объяснений останутся здесь ночевать.

На следующий день примерно без десяти два Миша и Лука вошли в кафе «У Маргариты». Гурген не обманул, в этот час посетителей в кафе почти не было, сидела лишь обедающая пожилая пара и девушка с чашкой кофе. Не было также никаких признаков засады — ни снаружи, ни внутри. Тем не менее Миша на всякий случай предложил занять отдельный кабинет.

Гурген появился ровно в два. В руке у него был большой черный кейс. Войдя в кабинет, улыбнулся:

— Доброе утро, ребята.

После того, как Миша сказал «Привет», а Лука кивнул, сел. Поставив кейс на пол, поинтересовался:

— Давно сидите?

— Только пришли, — сказал Миша.

— Пока ничего не заказывали?

— Нет. Да к нам никто и не подходил.

— Тогда нужно заказать, чтобы потом не беспокоили.

Спиртного здесь нет, так что лучше всего взять кофе. Как?

— Кофе, так кофе, — согласился Миша.

Увидев появившегося официанта, Гурген бросил:

— Гриша, принеси нам кофейничек. И не беспокой больше.

После того, как официант, поставив на стол три

чашки и кофейник, исчез, Гурген не спеша разлил всем кофе. Пригубив из своей чашки, поднял глаза:

— Ну что, Коля? Начнем разговор?

— Начнем. — Не спеша достав из кармана полиэтиленовый пакет, Миша высыпал на стол все золото. Изучив лежащие на столе около двадцати мужских и женских перстней и колец, а также цепочки, кулоны и несколько пар серег, Гурген поцокал языком:

— В общем впечатляют. Но Коля, все это нужно посмотреть.

— Смотрите. Но при этом, Гурген, учтите: все это я показываю вам лишь для затравки.

Достав пачку «Мальборо», Гурген прикурил, не отрывая глаз от Миши. Сказал, затянувшись:

— Что же тогда будет не для затравки?

— Не для затравки мне нужна ваша помощь.

— Моя помощь?

— Да. Для выхода за бугор.

Стряхнув пепел, Гурген покачал головой:

— Это для меня новость.

— Теперь не новость, Гурген, хочу пояснить: я имею в виду не перевозку и не технику. За бугор мы можем вывезти любые цапки. Легко.

— Тогда — что нужно от меня?

— Мы просим подобрать нам надежного клиента. Естественно, фирмача.

С полминуты Гурген курил, разглядывая пачку «Мальборо». Наконец цокнул языком:

— Не знаю, даже, что вам сказать. Найти такого клиента не так просто.

— Я не говорю, что просто. Подумайте. Сразу же оговорим условия: за услугу я вам отстегиваю десять процентов.

— Десять процентов... — Гурген вздохнул. — Смотря от чего будут эти десять процентов.

— Эти десять процентов будут от камня.

— От камня?

— Да. — Миша отхлебнул. — От алмаза в двадцать карат.

— Ого. — Гурген испытующе посмотрел на Мишу: — Серьезно в двадцать карат?

— Серьезно.

— И что... — Щелкнув зажигалкой и выбив язычок пламени, Гурген тут же его погасил. — Этот камень сейчас с вами?

— Это неважно. Важно, что он есть.

Сигарета догорела почти до ободка, и Гурген положил ее в пепельницу.

— Ну что ж. Можно подумать.

— Подумайте.

— Я все правильно понял: вы мне даете десять процентов от двадцати карат?

— Именно. Десять процентов от двадцати карат.

— Ясно, — сделав несколько глотков, Гурген поставил чашку. — Хорошо, Коля, в этом смысле я вас понял. Ну а... цапки? Вы собираетесь мне их сдавать?

— Собираюсь.

— Тогда займемся цапками?

Вытащив из кармана луну-монокль, Гурген вставил ее в глаз. Начал внимательно рассматривать вещи. Одно временно он складывал их одна к другой, в отдельные кучки. Наконец, когда двадцать колец, шесть цепочек, два кулона и три пары серег оказались рассортированными, взял стоящий у ног кейс. Положив кейс на стол, открыл. Краем глаза Миша заметил сложенные в кейсе

пачки крупных купюр. Не обращая внимания на его взгляд, Гурген достал из кейса микронные весы, пробирную доску, ящичек с кислотами и, наконец, прибор, напоминающий микроскоп. Начал методично, одну за одной, проверять вещи. Наконец, после того как последнее изделие было взвешено, опробовано на доске и испытано кислотой, Гурген придвинул к прибору вещи, в которых были драгоценные камни.

— Что это за прибор? — спросил Миша.

— Спектроскоп. Для проверки драгоценных камней.

Изучив последний камень, Гурген спрятал в карман монокуляр. Уложил в кейс приборы. Улыбнулся:

— Что ж, Коля, вы меня радуете. Фуфла¹⁸ здесь нет.

— Раз нет, будем говорить?

— Хорошо, будем. — Гурген потер лоб. — Значит так, Коля: за все это я готов выложить вам прямо сейчас двадцать пять штук.

Названная сумма была выше той, на которую рассчитывал Миша. Тем не менее он скорчил кислую мину:

— Гурген... Вы же опытный человек. Посмотрите: тут одни камни стоят штук пятьдесят.

Гурген покачал головой:

— Может и стоят. Но вы попробуйте их сдать.

Миша ничего не ответил.

— Молчите, — сказал Гурген. — Правильно делаете.

Я согласен, если сдавать их штучно, за цацки можно взять раза в два, а то и в три больше. Но, во-первых, это не так легко сделать. Во-вторых, Коля, я не хочу вас обижать, но все эти вещи явно где-то взяты. Приобретая их, я рискую. Я должен что-то получить за риск?

— Должны. И все равно, двадцать пять штук мало.

— Коля, вы торгуетесь просто как цыган. Сколько вы хотите?

— Хотя бы тридцать.

— Тридцать не дам. Из уважения к вам могу дать двадцать семь. Но это мое последнее слово.

Покосившись на Луку, Миша спросил:

— Ну что, Антон, да или нет?

Умело затянув паузу, Лука скривился:

— Не знаю, Колюнь. Тебе решать.

— Хорошо... — Миша посмотрел на Гургена. — Хорошо, Гурген, да.

Гурген усмехнулся:

— Вы недовольны?

— Да нет. Просто жалко расставаться с рыжьем.

— Это другое дело. Но, Коля, поверьте: цена, которую я даю, абсолютно реальна. Без всяких скидок. За взятые вещи вам нигде больше трети не дадут.

— Наверное. Ладно, Гурген. Что, производим ченч?

— Давайте.

Открыв кейс, Гурген достал две пачки сотенных, пачку пятидесятирублевых и две пачки двадцатипятирублевых — все в банковской оклейке. Придвинул к Мише:

— Вот. Два раза по десять, один раз по пять и два раза по штуке. Итого двадцать семь штук.

Изучив брикеты, Миша сказал:

— Я проверю?

— Конечно.

Разорвав бандероли, Миша пересчитал две пачки сотенных. Убедившись, что здесь ровно двадцать тысяч, просмотрел пятидесятирублевки. Нет, судя по всему, кидать Гурген его не собирался, с пятидесятирублевками все тоже было в порядке. Выборочно просмотрев двадцати-

пятирублевки, Миша сложил деньги в сумку. Закрыл молнию.

— Все в норме, Гурген.

— Я могу забрать цацки?

— Можете.

Достав из кейса плоскую шкатулку, дно которой было устлано ватой, Гурген сложил туда золото. Положив шкатулку в кейс, щелкнул замками. Посмотрел на Мишу:

— Вы остаетесь или уходите?

— Нет, мы еще немножко посидим.

Наступила заминка, во время которой понять, о чем думает каждый из сидящих за столом, было трудно. Наконец Гурген сказал:

— Коля, насчет вашей просьбы о клиенте. Я подумаю.

— Я очень рассчитываю.

— Допустим, если что-то возникнет, как мы свяжемся?

— Наверное, лучше всего через Дегтяря.

— Можно, — согласился Гурген. — А можно через Ашота.

— А если нас не будет в Москве?

— Позвоните. У вас записан телефон мастерской?

— Нет.

— Запишите.

Записав телефон, Миша спросил:

— Если нам вдруг понадобится продлить «Космос» — это можно?

— Без проблем. Позвоните в мастерскую, я сделаю.

Сколько вы еще пробудете в Москве?

— Не знаем. Может, встретим здесь Новый год.

— Тогда мы еще увидимся. Может быть, даже с клиентом.

— Было бы хорошо. Тогда что — счастливо?

— Счастливо, — взяв кейс, Гурген пошел к выходу.

Убедившись, что дверь за ним закрылась, Лука спросил:

— Как думаешь, подлянки никакой не будет?

— Например?

— Например, они могут нас просто-напросто поставить¹⁹. Прямо сейчас.

— Вряд ли. Во-первых, за нас они будут отвечать перед Дегтярем. Во-вторых, Гурген наверняка просек, что у нас волины. Зачем ему сейчас разборка²⁰, если он только что заработал полтинник²¹?

— В общем-то да.

Несколько секунд оба молчали. Наконец Лука сказал:

— С бабками как? Ты считаешь, он дал меньше?

— Наоборот. Здесь штук на пять больше, чем я ждал.

— Точно?

— Точно. Ну и... по уговору четвертая часть тебе.

— Спасибо, Камень. — Лука отхлебнул. — Только вычти из этой четвертной части трюльник²². За перстень.

— Трюльник за перстень я буду вычитывать из твоей доли весной. После главной работы.

— Я уже столько слышу про эту главную работу. Что хоть за работа?

— Насчет главной работы ты мог бы уже допереть. Ты ведь слышал разговор с Гургеном?

— Насчет камня в двадцать карат? Мы что, должны будем этот камень взять?

¹⁹ «Поставить» — ограбить.

²⁰ «Разборка» — в этом контексте — перестрелка.

²¹ «Полтинник» — в этом контексте — пятьдесят тысяч рублей.

²² «Трюльник» — в этом контексте — три тысячи рублей.

— Должны. Весной.
 — Почему именно весной?
 — Потому что зимой там, где этот камень лежит, много народу. Ну, а весной все разъезжаются. Вернее, почти все.
 — То есть... — Помедлив, Лука взял свою сумку. — То есть, ты хочешь сказать, этот камень лежит на чьей-то хате?
 — Витюнь, ты прямо провидец. Лежит. Что, пошли?
 — Пошли.
 — Только осторожней, понял?
 — Понял. — Сунув одну руку в карман, Лука подошел к входной двери. Осторожно открыл ее. Из-за его спины Миша увидел: часть переулка с одной стороны двери пуста. Чуть высунувшись, Лука посмотрел в другую сторону. Обернулся: — Пока все чисто.
 — Тогда пошли. Идем сразу направо, на Кропоткинскую. Там возьмем таксу.
 Выйдя на Кропоткинскую, они довольно скоро поймали свободное такси. И уже через час сидели у себя в номере в «Космосе».

Новый год Миша и Лука встретили, как и было задумано, в лучшем ресторане «Космоса» вместе с Галей и Лизой. Выехать в Одессу они собирались третьего января и, как оказалось, угадали — второго утром им в номер позвонил Гурген. Он сообщил, что сегодня, там же, в кафе «У Маргариты», в два часа дня, они могут встретиться с тем самым надежным клиентом, которого он обещал им найти. Договорившись, что Гурген заедет за ними в «Космос», Миша вместе с Лукой в час дня спустился вниз. В машине, после того как они сели на заднее сиденье, Гурген обернулся:

— Значит, ребята, объясню все про клиента. Зовут Ильяс, он армянин. Из И... — Гурген назвал одну из арабских стран. — Вообще он постоянно живет в Европе, так что с этим проблем не будет. Дела я с ним имею уже лет восемь, за кредитоспособность отвечаю. Мужик он крутой, цены всегда дает нормальные. Само собой, в валюте. Как все это?

— Пока порядок, — сказал Миша.

— Теперь объясните примерно, чего вы от него хотите?

— Ничего особенного. Если мы сейчас убедимся, что он нам подходит, мы договариваемся еще раз встретиться здесь, в Москве, где-то ближе к лету. Встречаемся четвером, вы, Гурген, этот Ильяс, ну и я с Антоном. Во время встречи мы показываем ему камень. Он вместе с вами его осматривает и оценивает. После этого мы договариваемся о цене в валюте. Потом назначаем твердый день и место встречи в Европе. Там махнемся: он нам бабки, мы ему — камень.

Гурген посидел, оценивая услышанное. Наконец сказал:

— Время и место в Европе вы уже знаете?

— Место мы назовем потом. Ну, а время, скорей всего, это будет уже летом.

— Ясно. — Гурген включил мотор. — Тогда едем.

Когда они подъехали к кафе «У Маргариты», Миша увидел стоящий недалеко от входа пустой «Мерседес» с дипломатическим номером.

Ильяс, который ждал их в кафе за пустым столиком, внешне выглядел так, как и должен был выглядеть богатый армянин из арабской страны: средних лет, с иде-

альной прической, в отлично сшитом костюме, с множеством перстней на ухоженных пальцах. По-русски он изъяснялся довольно сносно. В разговоре, проходившем за чашкой кофе, Миша изложил Ильясу то же, что перед тем объяснил Гургену: примерно в мае-июне он хотел бы показать ему здесь, в Москве, алмаз весом примерно в двадцать карат. Ильяс ответил, что в сделке весьма заинтересован, и они уточнили технические детали. В Москве Ильяс увидит камень, они договорятся о цене и назначат друг другу встречу в Европе. Ильяс, удостоверившись, что камень тот самый и обмана нет, передает им деньги в валюте, желательно в долларах. Десять процентов от условленной цены Ильяс выплачивает Гургену. Условия этой выплаты Миши и Луки не касаются. Все остальные деньги передаются «Коле» и «Антону» непосредственно во время сделки.

По дороге назад, в «Космос», куда они вернулись на такси, Миша попытался понять: может ли Ильяс их кинуть. И пришел к выводу: полной уверенности в том, что Ильяс их не обманет, у него нет.

Вечером Миша и Лука вместе с Галей и Лизой устроили в «Космосе» прощальный ужин и на следующий день уехали в Одессу.

Глава четвертая

В середине весны Миша зашел к родителям как раз в момент, когда отец с матерью обсуждали ограбление квартиры дяди Володи, который только что звонил им из Москвы. Как понял вскоре из разговора Миша, ничего нового следствию выяснить так и не удалось. Версия, что квартиру ограбил кто-то из знакомых дяди Володи или тети Деры, не подтвердилась. Вообще дело вот-вот собирались закрывать. Как сообщила Мише мать, лично дядя Володя был убежден, что грабитель был так или иначе связан с милицией. Именно поэтому, считал дядя Володя, он и снял так легко квартиру с охраны. Дядя Володя был убежден: раз в деле замешан кто-то из милиции, толку от следствия все равно не будет.

— Значит, похищенное ты-тэ? — спросил Миша во время обеда. — Не нашли?

— Да нет, облигации-то ведь нашли, — сказала мать. — По номерам. Он их в пять сберкасс сдал, представляешь?

— Кто «он»?

— Грабитель.

— Значит, его видели?

— Вроде две кассирши его вспомнили.

— Какой же он из себя?

— Такой, говорят, высокий молодой человек. Темноволосый, похож на грузина.

Помолчав, мать добавила:

— А может, это подставной был. Ведь это когда было, еще осенью.

Обдумав услышанное, Миша сказал:

— А остальные вещи?

— Ты имеешь в виду шубу?

— Не только шубу. Там ведь еще что-то взяли?

Мать улыбнулась:

— Шубу не нашли. Что ты на меня так смотришь?

— Ничего. — Миша с трудом выдавил ответную улыбку. — Разве у дяди Володи украли только облигации и шубу?

— Конечно. Ты что, не знал?

— Ну... я думал, у него много украли.

— Облигации на десять тысяч и шуба на пятьдесят — разве тебе этого мало?

— Нет, не мало, — сказал Миша после некоторой паузы. — Но все же я думал, взяли больше.

Про себя же пришел к выводу: все правильно. Дядя Володя не сообщил в милицию о пропаже золота, потому что и не должен был об этом сообщать. Ведь половина украденного, проданная Гургену, стоила не меньше семидесяти пяти тысяч. И у Миши осталось еще примерно столько же. Если бы дядя сообщил о пропаже такого количества драгоценностей, милиция наверняка бы заинтересовалась: каким образом он смог купить столько золота при своей зарплате? Да и для розыска дядя должен был дать подробное описание каждой вещи, наводя тем самым милицию на самого себя. Нет, давать такие описания вряд ли было в дядиных интересах...

Но если так, у него, у Миши, сейчас полностью развязаны руки.

Примерно через две недели, отобрав из оставшихся у него золотых вещей два браслета, Миша решил навесить Фиму Лернера. Теперь, когда он знал твердо, что взятое им у дяди золото очистилось, он мог без всяких опасений идти к любому ювелиру. Уж тем более к Фиме.

Мастерская Фимы располагалась в идеальном для такой точки месте, в самом центре Дерибасовской. Толкнув хорошо знакомую ему резную дубовую дверь, Миша сразу же попал в перегороженное на две части помещение. Размеры мастерской не превышали шести квадратных метров, но при этом помещение было оформлено с любовью и вкусом. Вошедшего сразу же обволакивало мягкими звуками музыки, для тех же, кто любил развлечения, на экране вделанного в стенку видеоманитофона постоянно крутились клипы. Сам Фима неизменно сидел за перегородкой с лупой в глазу.

При появлении Миши Фима поднял голову:

— Мишаня, ты ли это?

— Я, Фимочка, я.

— Я уж думал, ты вообще не существуешь.

— Прости, были дела.

— Что с тобой сделаешь. Простил.

Когда-то Миша жил с Фимой в одном дворе. Поскольку обделенный физической силой Фима считался слабогрудым, Мише, хоть он и был на целых два года младше, постоянно приходилось брать Фиму под свою защиту.

Сейчас Фима был совсем не таким, как в детстве. Он вытянулся, окреп и, если бы не обширная лысина, вообще мог считаться весьма привлекательным мужчиной. Одет Фима был в наверняка недавно привезенный из-за границы белый спортивный костюм.

Изучив Мишу взглядом, Фима кивнул:

— Как, на секунду? Или есть разговор?

— Есть. И серьезный.

— Входи. — Закрыв входную дверь на щеколду, Фима тут же приоткрыл другую дверь, находящуюся за ним и замаскированную в стене. Здесь находилось помещение, оборудованное для приема особо доверенных гостей. В крохотной кубатуре Фима ухитрился разместить тахту, стол, кресло, газовую плиту и даже умывальник.

Пропустив Мишу и прикрыв за собой дверь, Фима спросил:

— Чай, кофе? Может, виски? Есть «Олд бушмиллс».

— Фимочка, спасибо. Кофейку и все.

Заварив и разлив в чашки кофе, Фима сел на тахту.

— Мишаня, я тебя внимательно слушаю.

Вытащив из кармана оба браслета, Миша положил их на стол. Поставив чашку, Фима придвинул браслеты к себе. Заключил:

— Приятные штуки. Кислоты не нужно, ясно, что ретро. Ты их просто показал? Или хочешь предложить?

— Если они тебя заинтересуют, можешь взять.

Еще раз осмотрев браслеты, Фима сказал:

— По виду я мог бы дать за каждый пятеру²³. Как?

— Вполне.

— Заметано. Ты пришел из-за них?

— Не только.

— Что еще?

— Фимочка, мне нужен твой совет.

Открыв новую пачку «Бенсона» и закурив, Фима улыбнулся:

— Давай. Чего-чего, а совет всегда пожалуйста.

— Мне нужно сдать одну вещь. За бугром. Но, понимаешь, Фима, за этой вещью может потянуться серьезный хвост. Ну и мне не хотелось бы ввязываться в это дело тебя.

— Только я не понял, что значит: может потянуться. Он что, еще не потянулся?

Несколько секунд Миша молчал, покручивая перед собой чашку. Наконец, решившись, сказал:

— Ладно, Фим. От того, что я скажу тебе это сейчас, я тебя не подведу.

— Вали.

— Я думаю, у меня скоро будет один камень. Алмаз в двадцать карат.

Помолчав, Фима посмотрел на Мишу:

— Именно алмаз? Не бриллиант?

— Именно алмаз.

— Серьезная заявка. И что у тебя с этим алмазом?

— Я хотел сдать его за бугром и получить валюту. У тебя есть какие-нибудь виды?

Лицо Фимы стало каменным. Наконец, улыбнувшись, он тронул Мишу за плечо:

— Вообще момент не без трудностей.

— Дело в том, что вывожу я этот алмаз легко. Только видишь ли, Фима... Я уже сказал тебе, я не хотел впутывать в это дело тебя. Поэтому начал нащупывать почву в другом месте.

— Нащупал?

— Вроде да. Но у меня есть некоторые сомнения.

— Излагай. С кем ты имел дело?

— С одним жуком в Москве. Заведующим скупкой драгметаллов. Вывел меня на него Костя Дегтярь.

— Если не секрет, как зовут этого твоего жука?

— Гурген. На вид ему лет пятьдесят.

Фима потер щеку. Вздохнул:

— Такого не знаю. Хотя знакомые армяне в Москве у меня есть. Ну и нашел он тебе клиента?

— Вроде бы. Это тоже армянин. Гурген объяснил: это армянин из фирмы. Поданный И..., но живет в Европе.

— Понятно. — Фима посидел, покусывая ноготь. — И что вы решили?

— Решили, что сначала я показываю этому клиенту камень здесь, в Москве. Потом мы назначаем точную дату и место встречи в Европе. Уточняем сумму. И при встрече производим ченч.

²³ «Пятера» — 5 тысяч.

— Ну да. Ну да.— Сказав это, Фима осторожно положил сигарету в пепельницу.— Теперь: на какую примерно сумму ты рассчитываешь?

— Думаю, не меньше ста штук. В грюнах²⁴. Как, реально?

Потрогав погасшую сигарету, Фима поднял глаза:

— Что же, для взятого²⁵ камня в двадцать карат сто штук в валюте — нормальная цена. Но учти, если камень выдающийся, тебе могут дать и больше. До ста пятидесяти. Но это если камень абсолютно без вкраплений, голубого или белого оттенка. Только, Мишаня...— Фима помолчал.— У вас шел разговор о комиссионных?

— Конечно. Я обещал Гургену десять процентов.

— Понятно. В общем-то процент нормальный.

— Если возьмешься ты, процент пойдет тебе.

Фима снова занялся своими ногтями. Поднял глаза:

— Ты им веришь?

— А черт их знает. Сейчас, например, мне кажется: эти два армянина запросто могут меня кинуть.

— Я правильно понял: ты хочешь вывезти этот камень в круиз?

— Правильно.

— Больному легче.— Фима помолчал.— Ладно, берусь. У меня как раз есть человек в одном из портов захода. В Неаполе. Наш, одесский, я с ним постоянно имею дело. И он все сделает. Когда примерно у тебя появится этот камень?

— В мае-июне. Если все будет хорошо.

— Лады. Как только дашь знать, я все подготовлю.

Теперь, после разговора с Фимой, Мише не нужно было ломать голову, куда деть алмазы. В том же, что рано или поздно он узнает, когда именно Любовь Алексеевна останется в Москве одна, он был уверен. Этим занимался Фарт, которому, по их уговору, была обещана треть выручки.

Так и случилось. Позвонив ему как-то в начале апреля, Фарт сказал:

— Мишаня, Ленка попросила достать ей два люкса на рысака²⁶. На конец мая, начало июня. Ей и Веронике.

Помолчав, Миша переспросил, не веря удаче:

— Два люкса на рысака? Точно?

— Точно. У Вероники появился крутой жених.

А Ленка снюхалась с его корешом. Ну и обмолвилась. Мол, нет ли у меня брата.

— Что ты ей сказал?

— Сказал, подумаю.

— Молодец. Как насчет нашей уставки?

— Все в норме. Ленка думает, мы с тобой не встречаемся.

О том, что Вероника Ларионова собирается выйти замуж второй раз, Миша узнал от Фарта еще в прошлом году. Он ожидал, что она может предпринимать что-то вроде свадебного путешествия. И все же то, что путешествие состоится здесь, на круизной линии Одесса — Батуми, было не просто удачей, а попаданием в десятку. Ведь теперь о том, когда именно Вероника уедет из Москвы и когда вернется, Миша будет знать точно. Осмыслив все это, он сказал:

— Фарт, позвони Ленке сегодня же. И скажи: два люкса ей будут.

Распахнутое окно квартиры, которую им удалось снять в Москве абсолютно втихаря, через вторые руки, выходило на Кутузовский проспект. Разглядывая пробуждающуюся майскую толчею на тротуарах, Миша усмехнулся. Там, за стеклянной выгнутой стеной кафе «Хрустальное», чуть дальше, в пятнадцати минутах ходьбы отсюда, за Киевским вокзалом, сидит сейчас в своей квартире Любовь Алексеевна. Сидит одна, теперь он это знает точно, Фарт по телефону подтвердил, что два дня назад теплоход «Украина» с Вероникой, ее дочерью, женихом Вероники, другом жениха и Ленкой вышел в круиз из Одессы. Сегодня по расписанию «Украина» должна зайти в Ялту. То есть пока все хорошо. Кроме одного: время идет, а он никак не может решиться.

При мысли об этом Миша ощутил знакомую ноющую пустоту где-то под горлом. Будь все проклято, подумал он. Ведь уже третьи сутки после их приезда в Москву что-то мешает ему снять трубку. Причем он сам не может понять, в чем дело; в том ли, что он никак не может придумать надежную байку, или в том, что он в самом деле боится мокрухи.

Миша посмотрел на беззаботно курившего рядом Луку. Ясно, Лука сейчас понимает его состояние. Но в случаях, когда нужно принять решение, что-то срочно рассчитать и взвесить, спрос с Луки маленький.

— Может, позвонить Фарту? — сказал Лука. — А не ждать, когда он сам нам позвонит?

— Хорошо, мы ему позвоним, и что?

— Не знаю. Все же это лучше, чем сидеть и ждать у моря погоды.

Последний раз Фарт звонил им из Одессы вчера вечером, сообщив, что никаких новостей нет. Новости же, по Мишиному расчету, должны были поступить к Фарту от Ленкиных друзей, с которыми Фарт нарочно все это время не прерывал дружбы. В эти же дни, когда Ленка вышла в круиз, Фарт держал с ее родителями особо тесную телефонную связь. Именно на это Миша и рассчитывал. Ведь надежную байку можно будет сочинить, лишь зная последние новости. Конечно, в запасе всегда была версия «вещей бывшего зятя Володи», но идти на нее Миша не рещался. Ведь за это время в семье Ларионовых многое могло измениться.

— Давай все же подождем, — наконец сказал Миша. — Немного, но подождем.

— Давай, — согласился Лука. И в этот момент позвонила междугородная.

Сняв трубку, Миша услышал голос Фарта:

— Мишаня, Ленка сегодня звонила домой. Из Ялты.

— Ну и что? — Миша ощутил комок, застрявший в горле.

— Ничего. У них все в порядке, плывут. Тут такое дело... — Фарт замолчал, и Миша, не выдержав, спросил:

— Какое?

— Да... Ленка вроде послала им подарок. Из Ялты. С одним знакомым.

— Подарок? — Лишь сейчас Миша сообразил, что имеет в виду Фарт. Ведь если Ленка послала подарок родителям, то же самое вполне могла сделать и Вероника. — А что за подарок?

— Да вроде она там что-то в буфете купила. На шипе. Ну там сам понимаешь. Кофе, конфеты. Сигареты для отца фирменные.

²⁴ «Грюны» — доллары.

²⁵ «Взятый» — ворованный.

²⁶ «Рысак» — рысаками в Одессе называют пассажирские суда, стоящие на внутренней круизной линии Одесса — Батуми — Одесса.

Черт, подумал Миша, как же он сам об этом не догадался раньше. Ведь вся Одесса знает, что буфеты на рысаках сбывают оставшийся после загранички дефицит. Вот она, байка. В самую жилу.

— А насчет Вероники они ничего не говорили? — спросил Миша.

— Ничего. Но думаю, что и Вероника могла что-нибудь послать.

Фарт человек понятливый. Кажется, с байкой наконец все решено.

— Ладно, Саня. Если что новое узнаешь, звони.

— Обязательно.

Положив трубку, Миша встретил настороженный взгляд Луки.

— Фарт? — спросил Лука.

— Он. Ленка сегодня, послала своим родителям подарок. С шипа.

— Ну и что?

— Ничего. Думай головой. Ведь Вероника могла сделать то же самое.

Некоторое время Лука сидел, разглядывая стену. Вздыхнул:

— Считаешь, мы можем нести бабуле подарок от Вероники? А если она ничего не послала?

— Еще неизвестно, что лучше: послала она или не послала.

— Это еще почему?

— Если она послала, она могла описать человека, с которым послала. Правда, здесь можно выпутаться. Сказать, что этот человек передал посылку нам.

— Д-да... — Лука помолчал. — Значит, нужно набрать все это? То, что она могла ей послать?

— Ничего не нужно. Возьмем коробку, положим туда что угодно, перевяжем. И все. При нас смотреть, что мы принесли, бабушка не будет. Насколько я знаю, она бывшая оперная певица. То есть дама интеллигентная. А если и будет... — Миша поиграл желваками. Обговаривая налет, они с Лукой решили: мочить бабуку они будут лишь в самом крайнем случае. Но сейчас, представив на миг, как они попадут в эту квартиру и останутся с глазу на глаз с Любовью Алексеевной, Миша понял: от мокрухи им не уйти. Особенно если Любовь Алексеевна начнет проверять посылку. Впрочем, кончить бабуку они будут вынуждены в любом случае. Иначе их рано или поздно заметут. Подумав об этом, Миша закончил: — А если и будет, придется поставить ей заглушку, в завал. Понял?

— Чего тут не понять. — Лука встал. — Ну что, давай искать коробку?

К дому на Бережковской набережной они подошли пешком. С собой они взяли лишь наполненную пустыми бутылками и тряпьем картонную коробку из-под обуви. Коробка эта, несколько раз перевязанная шпагатом, вполне могла сойти за посылку, посланную бабушке заболливой внучкой. Все остальное, что могло бы пригодиться, а именно вольны, ножи и кастеты, пришлось оставить в квартире на Кутузовском. Ведь если им удастся войти и начать все уже в квартире, они в любом случае обойдутся без вольны. Если же им не повезет и их заметут раньше времени, просто из-за того, что бабука поднимет панику на лестничной площадке, милиция может впасть им срок за одни только вольны.

Остановившись у телефона-автомата, Миша посмотрел

на знакомое окно. Створки раскрыты, значит, хозяйка дома. Что ж, пока все как будто складывается. Да и время в самый раз, пол-одиннадцатого.

Лука вытащил сигареты, спросил, закурив:

— О чем думаешь?

— О том, что хорошо бы бабушка позвала нас двоих.

— Ясное дело. А если не позовет?

— Если не позовет, я пойду один. Видишь то окно?

На третьем этаже, у второго подъезда?

— Вижу.

— Когда я пойду к ней, на всякий случай стой там.

— Понял. Буду стоять. Давай поддержку коробку.

— Держи. — Передав ему коробку, Миша опустил монету. Прислушался к себе. Он знал: сейчас, именно в этот момент, он должен быть абсолютно спокоен. Если его сейчас выдаст голос, старуха сразу же все поймет.

Набрав номер, Миша прислушался. Гудок. Еще гудок. Черт, наконец трубка щелкнула. Голос, явно принадлежащий старой женщине, сказал:

— Алло?

— Простите, можно попросить Любовь Алексеевну? — Кажется, он сказал это спокойно.

— Любовь Алексеевна слушает.

— Здравствуйте, Любовь Алексеевна. Это говорит знакомый вашей внучки Вероники. Она просила передать вам посылку.

— Да, да, слушаю вас... Вы говорите, посылку?

— Да, из Ялты. Мы с ней вместе плыли на теплоходе «Украина». Но потом сошли. Она собрала вам посылку, ну и мы ее привезли. — Повторив все это про себя еще раз, Миша прикинул: был ли прокол? Нет, кажется, не было. Это подтвердил голос, сказавший после некоторой паузы весьма дружелюбно:

— Очень любезно с вашей стороны. Простите, как вас зовут?

— Саша.

— Саша, вы москвич?

— Нет, мы с другом здесь проездом. Сегодня уезжаем.

— Сегодня... А когда бы вы могли передать мне посылку?

— Мы сейчас около вашего дома.

— Ах, даже так, вы около дома... — Голос помолчал. — Хорошо, Саша, поднимайтесь. Вероника дала вам адрес?

— Да. Бережковская набережная, дом... квартира... Второй подъезд, третий этаж. Правильно?

— Правильно. Код двести пять. Только вот не знаю, может, вы подниметесь один? А ваш друг подождет?

— Как скажете, Любовь Алексеевна.

— У меня не очень убрано, вы уж извинитесь перед ним, ладно?

— Хорошо, Любовь Алексеевна. Тогда я сейчас поднимаюсь?

— Поднимайтесь.

Повесив трубку, Миша посмотрел на Луку. Тот спросил:

— Ну и что?

— Позвала. Но говорит, чтоб я поднялся один.

— Почему? — Лука несколько раз быстро затыкнулся. — Бойтся?

— Не знаю.

— Д-да... — Лука облизал губы. — Вообще-то она как, одна в квартире?

— Тоже не знаю. Сказала, у нее не убрано. А там пойдй пойми.

— Ну и что? — Лука посмотрел в упор. — Пойдешь?
— Пойду, что спрашивать. А ты... стой, где договорились.

— Хорошо.

Взяв коробку, Миша двинулся к подъезду. Войдя в тамбур, набрал код, затем, поднявшись на лифте на третий этаж, нажал кнопку дверного звонка. Почти тут же дверной глазок потемнел. Еще через секунду дверь открылась.

В проеме стояла женщина в атласном халате, которую Миша при всем желании не мог бы назвать «старушкой». Она держалась прямо, на изрезанном морщинами лице, несмотря на отсутствие косметики, еще сохранились следы красоты, к тому же от нее исходил запах хороших духов. При всем этом хозяйке квартиры наверняка было далеко к семьдесят.

Увидев Мишу, женщина приветливо улыбнулась:

— Саша?

— Да, Любовь Алексеевна, я Саша. Вот, посылка для вас. — Сказав это, Миша подумал: наверное, лучше всего ей подошло бы определение «пожилая дама». Но в любом случае эту пожилую даму ему придется замочить.

— Да входите, же, входите, не стойте. Посылку поставьте... Ну хотя бы вот сюда, на тумбочку.

Войдя и поставив посылку, Миша услышал за спиной щелчок дверного замка. Проскользнув мимо, Любовь Алексеевна сказала с улыбкой:

— Саша, я хочу предложить вам чаю. Вы ведь с дороги. Надеюсь, вы не откажетесь?

— Не знаю даже. — Миша изобразил колебание. — У меня ведь внизу друг.

— Ах да, вы же с другом. Я забыла.

— Может, я спущусь и предупрежу?

— Сашенька, зачем же. — Любовь Алексеевна тронула его за руку. — Не нужно никого предупреждать. Зовите вашего друга.

Вот это действительно везение, подумал Миша.

— А это удобно?

— Удобно. В квартире я более-менее прибрала. Чай готов. Зовите, зовите его. А я пока накрою.

Выйдя из квартиры и спускаясь по лестнице, Миша как-то отстраненно подумал: что, если она сейчас проверит посылку? Вообще-то такого быть не должно, ну а вдруг? Нет, вряд ли. Дама вроде Любви Алексеевны такого себе не позволит. Если же и позволит, это все равно уже ничего не изменит.

Он выглянул из подъезда. Лука стоял в двух шагах от двери: увидев его, спросил:

— Не впустила?

— Впустила. Зовет нас выпить чая. Пошли.

Уже в лифте Миша пояснил:

— В квартире кто-то должен оказаться у нее сзади. И шарахнуть по голове чем-нибудь тяжелым. Только так. И не забудь, тебя зовут Антон.

— Не забуду.

Как только Любовь Алексеевна открыла дверь, Миша облегченно вздохнул: коробка в целости и сохранности лежала на тумбочке. С порога представил Луку:

— Любовь Алексеевна, это Антон, мой друг.

— Очень приятно. Входите, молодые люди. Проходите вот сюда, в столовую. Чай готов.

В столовой Миша сразу оценил обстановку. На накрытом крахмальной скатертью столе стояли подносы с бутербродами и печеньем, вазочки с черной и красной икрой и маслом, фарфоровые чашки. По одной этой комнате

было ясно: квартира богатейшая. Сервант и горка были забиты фарфором и столовым серебром, на стенах висели два огромных холста в золоченых рамах, от расставленной повсюду мелочи вроде серебряных фигурок и филигранной эмали рябило в глазах. Да, подумал Миша, что взяты здесь хватает и без алмазов шаха.

Войдя в столовую, Любовь Алексеевна поставила на стол чайник. Кивнула:

— Ребята, берите хлеб, масло, икру, делайте бутерброды. Давайте чашки, я налью чая. И расскажите, как там мои.

Миша сразу же понял: чем дольше они будут сидеть вот так, попивая чай и отвечая на вопросы Любви Алексеевны о Веронике и дочери Вероники, тем труднее им будет начать.

Наконец, решившись, Миша отодвинул чашку:

— Любовь Алексеевна, я хотел бы ненадолго выйти. Можно?

— Да, да, Саша, конечно. То, что вам нужно, около кухни. Думаю, вы найдете.

— Прощу прощения. — Выйдя из-за стола, Миша прошел на кухню. Он стремился поскорей найти небольшой тяжелый предмет. В конце концов, выбрав шипцы для колки орехов, зажал их в правой руке. Постою немного, примерился и, войдя в столовую, без раздумий, сразу же ударил Любовь Алексеевну по виску. В удар он вложил всю силу. Тем не менее Любовь Алексеевна не отключилась, больше того, начала поворачиваться к нему, схватившись за висок. Повернуться до конца она не успела: Лука, перегнувшись, ударил ее в висок с другой стороны. От движения Луки на пол полетели посуда, что-то грохнуло сзади, но Миша этого уже не замечал: вместе с Лукой он начал беспорядочно наносить удар за ударом, стараясь попасть по виску или затылку.

Остановились они, лишь когда стало ясно: тело с трудом удерживается на стуле. Хозяйка квартиры была или мертва, или в глубокой отключке.

Некоторое время оба стояли, тяжело дыша. Из столбняка их вывел шум мягко сползшего на пол тела. Надо сделать что-то еще, подумал Миша, чтобы быть уверенным в ее смерти. Вот только что. Ударить по голове чем-нибудь тяжелым? Перерезать горло?

Лука все еще с трудом переводил дыхание. Посмотрев на него, Миша сказал хрипло:

— Тащи нож с кухни. Надо ее добить. Живой оставлять нельзя.

Лука ушел. Почти тут же раздался телефонный звонок. Миша вздрогнул, но сразу же взял себя в руки. Пусть звонят. Хозяйка квартиры вполне могла выйти на улицу. Будто ответив его мыслям, телефон смолк.

Наконец вернулся Лука. В руке он держал длинный острый столовый нож. Оба присели рядом с телом. Посмотрев на Мишу, Лука оскалился и полоснул ножом в том месте, где кончался закинутый подбородок. Вверх брызнула кровь; увернувшись, Лука полоснул еще. Протянул нож Мише:

— Камень, помоги...

Взяв нож, Миша не глядя, с силой провел несколько раз по тому же месту. Бросив нож, встал. Покосился: кровь из огромной раны на горле сочилась еле-еле. Старуха мертва, сомнений в этом теперь нет.

Не стовариваясь, оба отошли к окну, явно бессознательно, чтобы не видеть тела. Миша все еще не мог прийти в себя. Лука, судя по его виду, тоже был в трансе. Наконец Лука сказал:

— Посмотри, на мне нет крови?

Миша всмотрелся: на светлом галстуке Луки виднелось несколько бурых пятен. Все остальное, куртка, брюки и рубашка, было чисто.

— Галстук, — сказал Миша. — А на мне?

— На тебе нет. Только руки. Пойдем помоем?

— Пойдем.

Пройдя в ванную, они вымыли руки. Сняв галстук и спрятав его в карман, Лука предложил:

— Может, завернем ее в ковер? А то смотреть на нее... не очень.

— Давай, — согласился Миша. Пройдя в столовую, они закатали тело в ковер. Отодвинув сверток к стене, встали.

подозрительных местах они даже отковыряли филенку с мебели. Всем этим шмоном они занимались около четырех часов. Тщетно — главного, семнадцати «алмазов шаха», о которых Фарт слышал от Ленки, они так и не нашли.

Наконец, убедившись, что искать дальше бессмысленно, Миша посмотрел на часы. Шел третий час дня. Выругался про себя, понимая: как ни велико его желание найти «алмазы шаха», риск, что их засекут, давно уже превзошел все разумные пределы. Телефон в квартире звонил уже пять или шесть раз. Звонки могли ничего не значить, но если допустить, что знакомые Любове Алексеевны встревожатся и обратятся в милицию,

Снова раздался телефонный звонок; подождав, пока трели стихнут, Лука сказал:

— Камень, давай быстрее сматывать.

— Мы пришли за камнями.

— А вдруг кто-то придет?

— Как придет, так и уйдет. Начинаем искать.

Разбив квартиру по комнатам, они начали методично проверять места, где, пусть даже в теории, могли бы быть оборудованы тайники для хранения «алмазов шаха». Они проверяли, просматривали и простукивали буквально все: от шкафов и сервантов до антресолей и стен. По очереди, не снеха они осмотрели дальние углы, взломали замки у шкафулок и отделений сервантов, перерыли белье и одежду, вскрыли два зазора в стене. В некоторых

их с Лукой не спасет уже ничто...

Будто угадав его мысли, Лука мотнул головой:

— Мишаня, уходим. Берем что есть и сваливаем.

— Черт, куда она их дела...

— Не думай, глухой номер. Берем что есть. Иначе сгорим.

— Ладно, уговорил, — сказал наконец Миша. — Только решим, что брать.

— А что решать? Найдем у нее сумки и сложим, что есть.

— Сумок мы брать не будем. — Поймав настороженный взгляд Луки, пояснил: — Мы должны выйти, как есть.

— В смысле?

— В смысле без всяких сумок. И обязательно по одному.

— Боишься шухера?

— Боюсь. Если нас засекут с сумками, нас в этом доме любой срисует не раз. И мы в очке²⁷. Согласен?

Лука оглядел комнату:

— Жаль. Товара здесь хватает.

— Самому жаль. Но для дела надо свалить без шухера. Сначала давай сотрем пальцы. Доставай платок.

Вытащив носовые платки, они тщательно протерли все поверхности, на которых могли остаться следы их пальцев. Затем, сложив найденное в квартире на одном из столов, бегло просмотрели добычу. На взгляд Миши

Лука двинулся вниз по лестнице. Довольно скоро Миша услышал хлопки входных дверей: сначала первой, потом второй. Тут же кто-то с верхнего этажа вызвал лифт. Дождавшись, пока кабина проползет мимо, Миша не спеша пошел вниз. У выходных дверей никого не было, открыв их, Миша сразу же повернул направо, в сторону от вокзала. Этот участок набережной по прошлому приезду он знал неплохо. Пройдя немного вдоль дома, перешел проезжую часть и остановился прямо у троллейбусной остановки. Примерно через минуту подошел троллейбус. Войдя в полупустой салон, Миша вздохнул с облегчением.

Следующей остановкой был Киевский вокзал. Сойдя

самым ценным из нее были пасхальные яички, образки, крестики и другие поделки с клеймом Фаберже. Всего таких предметов набралось около тридцати. Были здесь также золотые украшения и чеки Внешпосылтора примерно на четыре тысячи рублей. Рассовав все это по карманам, остальное из-за громоздкости решили оставить.

Подойдя к входной двери, Миша прислушался. На лестничной площадке было тихо. Кивнул Луке: идем.

Выйдя из квартиры и захлопнув за собой дверь, они прислушались. Ни души. Пригнувшись к уху Луки, Миша сказал одним губами:

— Жми к вокзалу. Встречаемся у пригородных касс.

с троллейбуса, Миша сразу же увидел Луку, прохаживающегося около пригородных автоматов. Подойдя, спросил:

— Как у тебя?

— У меня тихо. А у тебя?

— И у меня тоже. Пошли.

Утром двадцать седьмого мая в 25-м отделении милиции Москвы раздался звонок. Женщина, назвавшаяся С-вой, сообщила, что обеспокоена пропажей своей близкой приятельницы, Любови Алексеевны Ларионовой. По словам С-вой, Ларионова, с которой они твердо условились вчера встретиться, в назначенный день, то есть

²⁷ «Мы в очке» — в этом контексте — «нам плохо».

вчера, двадцать шестого мая, ни на один ее телефонный звонок не ответила. Озабоченная этим С-ва сегодня утром подъехала к Ларионовой домой, но на ее звонки в дверь также никто не отозвался. Учитывая преклонный возраст своей приятельницы, С-ва опасалась самого худшего.

На квартиру Ларионовых были посланы участковый и приданный ему в помощь дежурный оперуполномоченный. Вскрыв квартиру в присутствии понятых, работники милиции обнаружили в одной из комнат завернутой в ковер труп хозяйки. У покойницы было перерезано горло, на голове виднелись следы многочисленных ударов. Все в квартире было перевернуто вверх дном. После осмотра квартиры у работников милиции не осталось сомнений: хозяйку убили с целью ограбления.

К месту происшествия была вызвана следственно-оперативная группа. Был проведен тщательный осмотр места происшествия. После осмотра и опроса свидетелей выяснилось: в числе прочих ценностей из квартиры Ларионовой было похищено семнадцать уникальных алмазов, принадлежавших наследникам Петра Ларионова — Любви Алексеевне Ларионовой и ее приемной правнучке Веронике.

В тот же день руководитель группы следователь Юрий Железняков по постановлению районного прокурора возбудил уголовное дело по факту убийства пенсионерки Л. А. Ларионовой и ограблению ее квартиры.

Проснувшись, Миша понял: он в квартире на Кутузовском. Еще секунда ему понадобилась, чтобы осознать: он лежит на тахте одетый. Рядом на двухспальной кровати сопел Лука. Лука лежал на спине, опухший, с растрепанными волосами, и тоже одетый. Попытавшись вспомнить, какое сегодня число, Миша наконец сообразил: двадцать восьмое. Точно, сегодня двадцать восьмое мая. Старуху они замочили позавчера, двадцать шестого. И с тех пор весь вечер двадцать шестого и весь день двадцать седьмого пили вглухую, беспробудно.

Последнее, что помнил Миша из вчерашнего, был какой-то кабак в полуподвале на Новом Арбате. Они пришли туда после бани, решив сначала только поужинать. Но в конце концов не выдержали и снова надрались в лоскуты. Непонятно только, как они ухитрились добраться после этого домой...

Ощувив тупую боль в затылке, Миша поднялся. Прошел в ванную. Здесь, оглядев себя в зеркало, открыл кран и долго стоял, подставив затылок под холодную струю. От ледяной воды затылок в конце концов заломило, но боль прошла.

Заварив крепкий кофе, Миша примерно с час просидел на кухне. Постепенно он понял: сейчас, на третий день, он чувствует себя нормально. Во всяком случае, его уже не тянет непрерывно возвращаться мыслями к тому, как они завалили старуху. И вообще, поразмыслив, он пришел к выводу: его жизненный горизонт сейчас выглядит более-менее чистым. Конечно, слегка портит настроение то, что они так и не нашли в квартире «алмазы шаха». Но поскольку каждая из вещей Фаберже, взятых им с Лукой, тянет не меньше, чем на полтинник²⁸ — этот удар судьбы можно как-нибудь пережить. К тому же все прошло тихо. И, конечно, утешает то, что у них в Москве есть идеальные клиенты, Гурген и Ильяс.

С которыми они уже имели дело и которые, что очень важно, не знают их настоящих имен.

Вскоре на кухню вышел Лука. Мельком взглянув на Мишу, взял чашку, налил себе кофе. Сделав несколько глотков, сказал, глядя в потолок:

— Б...ь... Башка болит, хоть стреляйся. А у тебя?

— У меня в норме. Прими душ или сходи в баню. Пройдет.

— Ладно, обойдусь. — Закурив, Лука несколько раз с наслаждением затянулся. — Какие планы?

— Планы у нас одни: сдать товар. Причем поскорей.

— Гургену и... этому второму?

— Да. Сделать это нужно сегодня. Прямо сейчас.

— Так давай сделаем? — Лука покосился.

— Давай. — Разыскав в записной книжке телефон мастерской, Миша подтянул к себе аппарат. Набрал номер, услышал:

— Мастерская...

— Простите, можно попросить Гургена?

— Гургена? — удивленно переспросил голос. — А... кто его спрашивает?

— Коля из Приморья. Передайте Гургену: у меня к нему есть дело. Срочное.

— Хорошо. Вы можете подождать у телефона.

— Жду.

Трубку положили. Некоторое время Миша прислушивался к отдаленным голосам. Наконец раздался голос Гургена:

— Слушаю вас?

— Гурген?

— Да... Коля?

— Боля. Гурген, хотелось бы встретиться. Как вы, если прямо сейчас?

— Прямо сейчас... — Гурген помолчал. — Что, по тому самому делу?

— Не совсем. Но близко. Хочу кое-что показать.

— Н-ну... — Гурген вздохнул. — Хорошо, давайте встретимся. Где?

— Знаете скверик у гостиницы «Украина»? Между «Украиной» и «Сантехникой»?

— Знаю.

— Давайте там через полчаса. Мы будем ждать вас с Антоном. Как?

— Хорошо. Через полчаса я туда подъеду.

В антиквариате Миша разбирался неплохо, поэтому для начала решил показать Гургену пять вещей Фаберже. После некоторого раздумья он выбрал пасхальное яичко, два нательных крестика и два овальных медальона с надписью вязью то ли на арабском, то ли на персидском языке. Медальоны были выбраны специально с расчетом на Ильяса, который, по словам Гургена, был подданным И... Ходовая цена за каждую из этих вещей по последним сведениям колебалась от семидесяти до ста тысяч рублей. Значит, Гурген, с учетом риска, может предложить им сейчас от тридцати до сорока.

Отобранные вещи Миша положил в карман куртки. Затем, взяв с собой на всякий случай пистолеты, они с Лукой вышли в скверик у гостиницы «Украина». Ждали они недолго; минут через пять к скамейке, на которой они сидели, подошел Гурген. Отсюда, из скверика, хорошо была видна его «девятка» — которую он поставил сразу за оградой. В «девятке» сидел кто-то еще, но кто, Миша разглядеть не смог.

Усевшись, Гурген посмотрел на Мишу:

— Будете показывать?

²⁸ «Полтинник» — в этом контексте — пятьдесят тысяч рублей.

— Конечно.— Достав из кармана пасхальное яичко, Миша протянул его Гургену. Взяв яичко в руки, Гурген внимательно осмотрел вещь. Достал из кармана лупу, стал изучать клеймо. Наконец сказал:

— У вас есть что-то еще?

— Сначала я хотел бы знать цену за это.

Некоторое время Гурген сидел, разглядывая яичко.

— За это... Ну, допустим, двадцать.

— Не пойдет.— Встретив взгляд Гургена, Миша улыбнулся: — Не пойдет, Гурген. Давайте вещь, и расходимся.

— Хорошо. Сколько вы хотите?

— Сорок, без торговли.

— Сорок много. Я рискую.

— Мы тоже рискуем.

— Хорошо, готов дать тридцать, но это последняя цена.

— Гурген, давайте так: или мы говорим реально, или разбегаемся. Без обиды.

Гурген стал разглядывать видневшуюся за деревьями набережную. Наконец сказал скучным голосом:

— Хорошо, Коля, допустим, я согласен. Но хотелось бы посмотреть, что у вас есть еще.

Спрятав яичко в карман, Миша сделал вид, что долго выбирает. Наконец, нащупав крестик и медальон, протянул:

— Вот. Еще пара вещей для затравки.

Положив оба предмета на ладонь, Гурген покосился:

— Все?

— Если мы сойдемся, могу найти для вас еще один крестик. И еще один медальон.

Гурген явно колебался. Улыбнувшись, Миша взял у него пацки.

— Думайте, Гурген. Учтите, мы сегодня уезжаем.

— Сколько же вы хотите за все?

— За все, то есть за пять вещей — пять по сорок.

Итого двести.

Пожевав губами, Гурген выдавил:

— Прайсы крутые. Боюсь, у меня с собой таких бабок нет.

— Нет на все — возьмите, на что есть. Или ничего не берите.

— Ладно, ребята, — Гурген встал. — Подождать можете?

— Подождем, куда ж мы денемся.

— Схожу за Ильясом, он в машине. Без него говорить все равно бессмысленно.

Открыв дверцу «девятки», Гурген посмотрел на Ильяса. Оба были ворами в законе, занимавшими примерно равное положение и понимавшими друг друга с полуслова. Изучив взгляд Гургена, Ильяс спросил:

— Есть маза?

— По-моему, есть. У них пять вещей Фаберже.

Ильяс взгляделся в сторону скверика. Коля и Антон сидели отсюда метрах в пятидесяти. Кажется, кроме них в этот час в скверике никого не было. Заметив взгляд Ильяса, Гурген добавил:

— Мне показалось — под ними дымит²⁹.

— Дымит... — Ильяс помолчал. — Насчет Фаберже — уверен, что подлинники?

— Уверен. Но для точности посмотри ты.

— Посмотрю, — согласился Ильяс. — Они что, сдают все пять?

— Все пять? Считаю, для мазы все вещи нужно брать прямо сейчас. Без разговоров.

— Нужно, значит возьмем. Сколько они хотят за пять?

— Двести тонн³⁰. По сорок за вещь.

Ильяс посмотрел на свой кейс:

— По-моему, бабок хватит. В кейсе двести сорок. Ладно, пойдем посмотрим. Вопрос в том, что это за вещи.

Взяв кейс с деньгами, Ильяс вместе с Гургеном прошел к сидящим на скамейке Коле и Антону. Усевшись, сказал с улыбкой:

— Добрый день, Коля. Привет, Антон.

Оба кивнули. Выждав для вежливости, Ильяс спросил:

— Вроде у вас есть интересные пацки?

— Вроде есть. — Коля покосился. Гурген прав, подумал Ильяс, оба слегка не в себе. Еще раз убедившись, что вокруг никого нет, Коля, сунув руку в карман, протянул пасхальное яичко: — Посмотрите.

Покрутив яичко, Ильяс нашел клеймо. То, что это подлинник Фаберже конца девятнадцатого века, было ясно сразу. Тем не менее он сказал, изобразив что-то вроде сомнения:

— Штучка забавная. Но вполне может быть фуфелем.

Снова покосившись, Коля процедил:

— Фуфелем, значит, фуфелем. Если есть недоверие, разбегаемся. И пацка остается у нас.

Переигрывать опасно, подумал Ильяс. Ребятишки тертые, и похоже, под ними в самом деле дымит. Настолько дымит, что ребята могут испугаться и свалить с вещами. В таком случае они с Гургеном кинут сами себя, упустив солидный навар. В Европе за такое яичко сейчас могут сразу же дать около двухсот тысяч долларов. Если же пацку удастся выставить на аукцион, она принесет еще больше. Конечно, вещь явно взятая, но ведь с его возможностями риск можно свести к минимуму. Так что рискнуть стоит. Сказал негромко:

— Коля, не нужно спешить. Не нужно.

— Я не спешу. Решайте. Да — да, нет — нет.

— Гурген сказал, у вас есть что-то еще?

— Есть.

Заметив настороженный взгляд Саши, Ильяс вернул яичко: — Пожалуйста. Вот ваша пацка. Читайте, насчет нее мы договорились.

— В смысле?

— В смысле мы даем за нее сорок, — вступил в разговор Гурген. — Как вы просите. Но есть один момент.

— Какой? — спросил Коля. Говорил один он, Антон все время молчал.

— Такой, что, надеюсь, законы вы знаете. Или нет?

— Знаем.

— Если заболете³¹, не дай, конечно, бог, язык в хвост. Никто никого не видел. Иначе... сами понимаете. Найдем на дне.

— Само собой. Как и вы. Хотя пока болезни у нас не предвидится.

— Тогда все в порядке, — сказал Ильяс. — Сколько у вас еще пацек?

— Четыре. — Поискав в кармане, Коля протянул овальный медальон. — Посмотрите это. Потом покажу остальное.

²⁹ «Под ними дымит» — (жарг.) — им грозит опасность, могут вот-вот арестовать.

³⁰ «Тонна» — (разг.) — одна тысяча рублей.

³¹ «Болеть» (вор. жарг.) — быть арестованным.

Взяв медальон, Ильяс тщательно изучил его. Нет, ошибки быть не могло, он держал сейчас в руках «Овал каджаридов». Всего таких медальонов по заказу шахского дома Каджаридов фирма Фаберже изготовила в начале двадцатого века около ста. Такими памятными бляшками последний из каджарской династии, Мамед-Али Шах, награждал особо отличившихся перед тронем приближенных. Вещь уникальная: отделанный драгоценными камнями и эмалью медальон с надписью по центру на фарси — «Нижайшему рабу раба Аллаха». Вещь надо брать, и брать без звука. Посмотрел на Колю:

— Это тоже берем. Что, так и будем смотреть по одной?

— Да нет. Вот, глядите, — Коля выложил на его ладонь еще три предмета. Ильяс еле сдержался, чтобы не выдать волнения: перед ним лежали два изумительных по работе нательных крестика. И еще один «Овал каджаридов» — чуть отличающийся от первого. Изучив клейма и убедившись, что вещи подлинные, Ильяс сказал сдержанно:

— Хорошо, Коля, мы берем все. По вашей цене. Я правильно понял: вы хотите за пять цацок двести штук?

— Правильно.

— Где проведем ченч? Здесь? Или в машине?

— Если деньги у вас с собой, давайте здесь. Вокруг как будто тихо.

— Как скажете. — Положив кейс на колени, Ильяс осторожно приоткрыл крышку.

Деньги Коля считал не спеша. Наконец, разорвав и проверив последний брикет, закрыл крышку.

— Все в порядке.

Гурген предложил:

— Хотите подвезем? Если куда нужно?

— Спасибо, Гурген. Мы еще посидим, подышим воздухом.

— Я так и понял. Тогда чаю. Если что новое будет, звоните. Пока.

— Пока, — сказал Коля. Не проронивший за все время ни слова Антон кивнул.

Гурген и Ильяс захлопнули за собой дверцы. «Девятка» отъехала. Проследив, как она заворачивает за угол, Миша посмотрел на Луку:

— Как?

— Никак. — По виду Луки было ясно: он тоже все еще не может поверить, что терка³² прошла удачно.

С минуту оба молчали, откинувшись на спинку скамейки и переживая только что закончившуюся сдачу товара. Наконец, разглядывая тянущиеся вверх этажи «Украины», Миша осознал: сейчас, вот здесь, в этом кейсе, лежат живые двести штук. Живые, теплые, наличманом. Раньше он не мог и представить, что когда-то будет держать в руках такие бабки. Тем не менее эти бабки сейчас здесь, у него.

Будто угадав его мысли, Лука спросил:

— Бабки точно не фуфель?

Покосившись, Миша открыл крышку кейса:

— Проверь.

Взяв из кейса пачку сторублевок, Лука бегом перелестал купюры:

— Вроде все в норме.

— Все и должно быть в норме. Они ведь не дураки.
— Ты прав, они не дураки. — Достав сигареты, Лука не спеша прикурил. Спросил после нескольких затяжек: — Что делаем?

— В смысле?

— Ну... Может, позвоним девчухам? Лизе и Гале?

Сейчас Миша очень хотел бы позвонить Гале. И, естественно, увидеть ее. Подумал: может, так и сделать? Нет, тут же сказал он сам себе. Никто не должен знать, что они были в Москве и именно в эти дни. Выдавил, пересилив себя:

— Никаких девчушек. Сейчас звоним хозяевам, что квартира больше не нужна. И сваливаем в Одессу.

— Жаль... — огорченно протянул Лука. — Никто ведь не узнает.

— Узнает, не узнает, неважно. Подставляться нам с тобой ни к чему. Позвоним девочкам, как только окажемся в Одессе. Ну и вызовем их, и тогда уж раскрутимся на всю катушку. От души. Чтобы была полная натура. А сейчас идем за шмотками. И в кассу.

Вечером они благополучно сели в вагон «СВ» фирменного поезда «Черное море» и через тридцать часов вышли на одесский перрон.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

³² «Терка» (жарг.) — обсуждение условий сделки.

Владимир
ГЛОТОВ

ЗВЁЗДА БУДЕТ БОЛЬШЕ

Я — биолог, пока еще живое существо, и не мыслю себя без окружающего меня Мира, связан с ним тысячами зримых и незримых нитей. Без людей, без Земли меня не может быть. Без чертовски сложной системы, которая называется обществом, и которая меня, как и всех остальных, не совсем устраивает, и которую я хотел бы видеть несколько иной.

Но и я сам необычайно сложно устроен. Одних только клеток во мне — сто тысяч миллиардов, что примерно равно числу галактик в наблюдаемой Вселенной. А каждая моя клетка — сложнейшее устройство, завод-гигант, по количеству функционирующих единиц (станков, конвейерных линий и т.д.) превосходящий, скажем, АвтоВАЗ. В каждой клетке содержится громадное количество больших и малых, сложных и простых молекул. Каждая молекула — это атомы и атомы. Почти вся таблица Менделеева. А каждый атом — это совсем еще непонятная система кварков — очарованных и странных, глюонов и фотонов, нейтрино и мюонов... И несть числа того, что мы не знаем. Хотя что мы знаем?

В детстве книжки мне читал отец. И однажды меня поразила фраза, примерно, такая: «Сережа думал, что не может быть такого: змея и яблоко состоят из одних и тех же атомов. Он думал, что учитель ошибается, ведь змея и яблоко — такие разные...»

Я спросил отца: «Папа, а откуда писатель узнал, что думал Сережа? Неужели и ты знаешь все, что я думаю?»

Отец удивился: «Видишь ли, сын, не все, конечно, но в основном...»

Так впервые в мое сознание вошла удивительная способность некоторых людей читать чужие мысли. Но тогда я воспринял это как нечто само собой разумеющееся. А самое главное — я был счастлив, что состою из атомов, это придавало мне ощущение собственной значимости. Но это продолжалось недолго: я узнал два новых и страшных для меня слова — **бесконечность** и **никогда**...

Интуитивно я полагаю, что мы знаем еще очень мало «сущностей», что те законы природы, которые нам известны, — лишь кусочек смальты в огромном мозаичном панно Вселенной. И хотя, поднимаясь на крыльшках наших сегодняшних знаний, мы видим все новые и новые кусочки смальты и, возможно, мозаики, которые начинают для нас складываться в нечто прекрасное и гармоничное, быть может, мы уже начинаем различать образ некоей космической Джоконды... Но когда и сможем ли мы в нашем сегодняшнем физиологическом и организационном состоянии постигнуть всю сложность мозаичного панно Вселенной? Не знаю...

Думаю, что нынешние математика, физика и химия имеют свои пределы, и лишь биология даст нам возможность переступить в некий новый мир, где будут новые и математика, и физика, и химия. Довольно нелепое и

странное явление. Я это понимаю. Но в дальнейшем попытаюсь это обосновать.

Итак, что же было до нашей Вселенной? Этот «проклятый вопрос», по выражению астрофизика Шкловского, по мнению одних исследователей, не имеет смысла. По мнению других, Вселенная — это своего рода вечный двигатель, данная нам физическая сущность материи, благодаря которой мы существуем. Возникла она совершенно случайно, и возможны иные физические константы материи, которые вовсе исключают существование нас с вами.

А может быть, Вселенная, которую мы наблюдаем, есть бесконечно малая часть некоего такого, чего мы просто не в состоянии вообразить? И здесь возникает понятие — **бесконечность**.

Не счесть людей, задумывавшихся над этим страшным понятием — **бесконечность**. Поэтому я сделаю отступление. Странно, но когда я представлял себе **бесконечность**, у меня возникали живые и достаточно образные картины. Я... чувствую свое «я» как-то смутно, я что-то вроде парашютиста, с нераскрывшимся парашютом падаю в звездную бездну, мои руки и ноги странно расплываются, увеличиваются, становятся полупрозрачными, медленно вращаются, а мимо меня с громадной скоростью проносятся мириады звезд. И я мчусь, мчусь, и у меня странная уверенность, что это никогда не кончится...

Я — в абсолютной темноте. Ни один фотон не касается сетчатки моих глаз, ничто не касается меня, все органы чувств передают только внутренние шумы, из них самый сильный — биеение сердца... Но я отчаянно прислушиваюсь, вглядываюсь, внохиваюсь и чувствую, что стремительно уменьшаюсь. Вокруг меня бесконечность мрака и ужаса, я становлюсь точкой, еще что-то испытывающей, а потом сознание исчезает, кроме какого-то малого «стороженого пункта», которому уже все равно, насколько простирается мрак...

Я — в море... Низкие, спокойные волны медленно и мерно раскачивают суденышко. Низкие сплошные облака закрыли небо... Тускло. И опять бесконечность...

Задаю себе вопрос: а не придумали ли мы, люди, себе бесконечность? Может, без нас и нет никакой бесконечности? Может, ее надо не вычислять, а представлять, чувствовать?

Потом я узнал, что к такому же выводу куда ранее меня пришел Иммануил Кант.

Мне понятны слова Давида Гильберта: «Ни одна проблема не волновала так глубоко человеческий дух, как проблема бесконечного, ни одна идея не влияла на разум так возбуждающе и плодотворно, как идея бесконечности, но, однако, ни одно понятие не нуждается так сильно в выяснении, как понятие бесконечности».

Но все же, что же было, когда ничего не было? Глубокий вопрос, но он есть.

Напомню читателям основные сегодняшние представления. Был вакуум — абсолютный, глухой. Можете себе представить? И никто не знает, почему 17 миллиардов 819 миллионов 13 тысяч и 28 лет тому назад вакуум этот прохрустел и возникла перзичная материальная точка с бесконечной плотностью и температурой. Возник так называемый Фольшой Взрыв — Биг Бенг.

Первыми из-под пресса вакуума и гравитации вырвались фотоны — стремительные, горячие. Они заполнили объем уже Вселенной, остыли и стали влачить мрачное существование в виде так называемого реликтового излучения.

Потом возникла материя в виде кварков, «шкварков» и лептонов. Очень скоро кварки образовали наши родимые протоны, нейтроны и, наверно, что-нибудь еще. А потом образовались первые атомы — водорода, гелия и кое еще чего.

Спустя 96708 лет Вселенная представляла собой, если глядеть со стороны, океан света. Одно громаднейшее светило продолжало расти во всех измерениях. Росло оно очень быстро, но пишут, что температура была приемле-

мая, примерно такая же, как на поверхности Солнца. Примерно через сто миллионов лет случилось грустное событие — светило погасло, и Вселенная представляла собой темную первобытную амебу.

И тут спохватились силы тяготения. Они не смогли остановить расширение, но использовали флуктуации в распределении материи и стали формировать первые протогалактики. Сначала бесформенные, они потихоньку уплотнялись, разогревались, закручивались и раскручивались... И спустя примерно миллиард лет Вселенная состояла из 100000 миллиардов (это точно) галактик, сиявших белыми и голубыми звездами.

Через еще миллиард-другой лет в силу того, что термоядерное топливо в недрах звезд выгорало, начали синтезироваться тяжелые элементы, особенно почему-то железо.

Некоторые звезды перед смертью давали праздничное представление: они становились «сверхновыми», взрывались, разметывали в пространство свое вещество, свои отходы производства — тяжелые элементы. А тяготение продолжало работать: формировались все новые и новые звезды — уже желтые, спокойные и стабильные «карлики». Вокруг этих звезд стали формироваться и протопланеты. Уплотняясь, они превратились в планеты с их спутниками. И в нас с вами.

Но чем все-таки это дело кончится? Или Вселенная разлетится в неизвестно какие стороны и «выродится»? Или в один прекрасный миг расширение прекратится, и сначала медленно, а потом все быстрее Вселенная начнет сжиматься в точку и истребит «мыслящий дух»?

Вот такой сценарий. Он мне не нравится. И потому я придумал для личного пользования теорию мерцающей Вселенной. И потому я невзлюбил постоянную Хаббла, реликтовое излучение и — грех какой! — общую теорию относительности. И если мне попадались какие-нибудь сведения, противоречащие теории относительности, Хабблу и реликту, я их собирал в особую папку. И сейчас я познакомлю вас с некоторыми «экспонатами» своего досье.

Начнем с Биг Бенга и постоянной Хаббла. Оказывается, известные галактики, явно физически связанные между собой и находящиеся от нас на одинаковом расстоянии, но имеющие при этом существенно различающиеся (иногда в 13 раз) «красные смещения».

Спиральные галактики имеют всегда большие «красные смещения», чем эллиптические, находящиеся от нас на тех же расстояниях. То есть получается, что в разных направлениях скорость расширения Вселенной неодинакова. Отчего бы это?

А реликтовое излучение? Считалось, что это единственная пространственная система координат, относительно которой можно измерить движение галактик относительно друг друга. Но оказалось, что скорости галактик относительно фона реликтового излучения очень малы. Они измеряются не тысячами и десятками тысяч км/с, а всего лишь тремя сотнями. Это явно противоречит теории расширяющейся Вселенной.

Скорость света... Общая теория относительности поставила предел, и мы не знаем явлений, кроме геометрических, где бы она превышалась. Но вот в феврале 1976 года советские и американские исследователи осуществили интересный эксперимент. Радиотелескопы Крымской и Хайпектской обсерваторий в этом опыте играли роль «глаз» испанского радионинформатора, а расстояние во много тысяч километров между этими обсерваториями было его базой. Так как база была очень велика, и космические радиообъекты наблюдались с разных континентов, достигнутая разрешающая способность оказалась поистине фантастической — одна десятитысячная доля дуги! Под этим углом виден с Земли на Луне и след космонавта.

Позже к этим экспериментам присоединились и австралийские ученые. Астрономы «взглянули» на космические радиостанции сразу с трех континентов. Результаты оп-

равдали затраченные усилия: в ядрах галактик и квазаров обнаружены взрывные процессы необычайной активности, причем в ряде случаев наблюдаемая скорость разлета космических облаков в квазарах превышала скорость света.

Другой пример. Если на пути кванта поместить экран с двумя отверстиями, то квант, как любая другая волна, будет проникать сразу через два отверстия и давать интерференционную картинку, которую удастся наблюдать даже на космических расстояниях. Но если за отверстиями расположить приемники — регистраторы квантов, то квант заставит сработать только один из них. Естественно, что если квант поглотится в одном месте, то он не может одновременно поглотиться где-нибудь еще.

Спрашивается, как второй приемник «узнал» со сверхсветовой скоростью, мгновенно, что сработал первый?

Физики выдвинули релятивистскую теорию гравитации. В самом деле, в общей теории относительности очень многое зависит от точки отсчета, от выбора системы координат. Но вот цитата из статьи ректора Московского университета Логунова: «...было установлено, что выбор системы отсчета позволяет вообще уничтожить гравитационное излучение, что с точки зрения физики очень странно выглядит. Материя, которую можно уничтожить выбором системы координат, — нелепость какая-то!»

В основе релятивистской теории гравитации лежит принцип относительности Пуанкаре. Он был выдвинут как всеобщий принцип для всех физических процессов: «Законы физических явлений будут одинаковы как для покоящегося наблюдателя, так и для наблюдателя, находящегося в состоянии равномерного поступательного движения, так что мы не имеем и не можем иметь никаких средств, чтобы различить, находимся в таком движении или нет».

Выводы Логунова радуют. По Фридману существует три типа расширяющихся Вселенных — два бесконечных, а третий — замкнутый, но без границ. По Логунову Вселенная бесконечна, расширяющаяся, но «плоская», трехмерная часть которой — знакомая нам Евклидова. И наконец-то исчезают «черные дыры»...

Таким образом, очень даже логично вытекает опровержение гипотезы о том, что в центре галактик идет сжатие вещества, заканчивающееся образованием «черной дыры». Видимо, все же нет никакой «черной дыры», а, наоборот, идет бурное звездообразование и действуют силы не центроостремительные, а центробежные, значительно превышающие гравитационные.

И еще одно важное соображение против общей теории относительности и реликтового излучения. В настоящее время известно множество космических объектов, свет от которых идет к нам многие миллиарды лет. И несмотря на это наблюдаются они в видимой части спектра электромагнитных излучений. Возраст же реликтового излучения немногим более, но излучение такое же, как если бы его испускало черное тело. Выходит, что время существования одних источников излучения отличается от возраста других примерно в 5—10 раз, а длина волны в десятки тысяч раз.

Налицо явное несоответствие в темпах «охлаждения» излучений, исходящих от реальных объектов Вселенной, и гипотетического Большого Взрыва. И несоответствие особенно заметно, если исходить из того, что температура этого взрыва, судя по расчетам, составляла миллиарды (!) градусов, а температура даже в ядрах самых горячих звезд значительно меньше.

Кстати, что это за зверь такой — температура? По моим школьным понятиям — это скорость перемещения частиц относительно друг друга, скорость, с которой они сталкиваются. Но интересно, что за скорость должна быть у частиц при миллиардах градусов? Световой или сверхсветовой?

И, наконец, существуют математические расчеты, кото-

рые просто опровергают общую теорию относительности и Большого Взрыва. Так, физики полагают, что гравитационные волны представляют собой предельные колебания упругого физического вакуума, распространяющиеся в миллиард раз быстрее электромагнитных полей. Ученые подсчитали, что не все галактики могут собраться к моменту нового Большого Взрыва, и... иными словами, вероятно, что во время прошлого (нашего) Большого Взрыва, такие счастливые галактики тоже были.

Таким образом, я полагаю, что теория мерцающей Вселенной лучшим образом описывает великую сущность, чем иные теории.

Правда, остается еще красное смещение, но его можно объяснить, не опираясь на эффект Доплера. Просто квант не бессмертен. Пройдя какой-то путь, он вырождается, теряет энергию, становится все более длинноволновым. Что же касается вопроса — куда уходит энергия кванта, то все просто. Киньте камешек в пруд и внимательно смотрите на круги воды, им образуемые. Вы увидите, что высота волн будет закономерно уменьшаться от эпицентра.

Следовательно, наша Вселенная — это трехмерная, живущая во времени система, материя которой возникает в результате превращения неизвестных нам еще состояний вакуума. И, закономерно пройдя путь развития от водорода до тяжелых ядер, материя потихонечку распадается до квантов реликтового излучения.

Что с ним, с этим реликтом будет дальше? Полагаю, то же, что с водной рябью в пруду. Но совершенно не исключено, что во все эти космические процессы может вмещаться новое качественное состояние материи — жизнь. Но это уже другая тема.

Леонид ЩИПКО

Радетель Сибири

Имя Александра Михайловича Сибирякова довольно широко известно в нашей стране. Кажется, мы найдем о нем множество публикаций. Но, увы! О Сибирякове — при его жизни и после — писали крайне мало. Да и писали не многим более того, что изложено в Большой Советской энциклопедии.

Популярность имени Сибирякова объясняется видимо тем, что оно присвоено нескольким географическим объектам, в частности, большому острову на севере Енисейского залива, а особенно тем, что его носил ледокольный пароход, прославившийся в Арктике. В тридцатые годы экипаж парохода прошел за одну навигацию весь Северный морской путь, чего ранее не бывало, а в годы Великой Отечественной войны сражался с тяжелым гитлеровским крейсером «Адмирал Шеер» и тем самым навечно вошел в героическую летопись нашей страны.

Начинаю искать публикации, в которых хотя бы упоминалось имя Сибирякова. Больше всего о нем рассказывается в книге красноярского автора С. Попова «Берега мужества», изданной в 1982 году, — почти целая страница. С. Попов утверждает, что А. М. Сибиряков умер в 1933 году в Ницце, в то время как в БСЭ написано — в 1893 году.

Связываюсь с С. Поповым. Он объясняет, что о смерти А. Сибирякова прочел в старом бюллетене Арктического института. Кому же верить?

Продолжаю поиск. Фамилия примечательная. Скорее всего, она из клички. Деда и прадеды жили в Сибири, знали ее законы, и когда с запада приходили переселенцы, они с уважением говорили: Сибиряки... Сибиряковы...

Наш край в те времена был суров, и люди, жившие в нем, тоже суровы и предприимчивы. Такими были и Сибиряковы. Ф. Кудрявцев в «Истории бурят-монгольского народа» писал о них: «Сибиряковы держали в руках весь Иркутск, а через него всю Восточную Сибирь. Они занимали должности городских голов Иркутска и заставляли трепетать обывателя».

В первые годы XIX века семья Сибиряковых уже достигла расцвета, построила в Иркутске самый большой и красивый дом. Местные жители называли его «белым домом», в противовес окружающим его темным деревянным. Позднее в этом доме разместилась резиденция генерал-губернатора.

26 сентября 1849 года в семье одного из Сибиряковых, Михаила, и его жены Варвары, в девичестве Трапезниковой, родился сын, которого назвали в честь деда Александром.

Мальчик был не без способностей. Успешно окончил Иркутскую гимназию, а для продолжения образования родители отправили его за границу, в Цюрихский политехникум.

Затем он жил не только в Швейцарии, а и в Германии, Франции, Швеции и других европейских странах.

В Швеции он близко сошелся с Нильсом Норденшельдом. Сибирякову в то время было двадцать пять лет, он увлекся планами своего нового друга по изучению Северного морского пути, ибо они были созвучны его собственным интересам.

Сибиряков финансирует первые плавания Норденшельда через Карское море. Благодаря этой поддержке в

1875 году впервые в истории Норденшельд на парусном судне «Превен» прошел из Норвегии на Енисей.

Из книг Норденшельда мы узнаем, что Сибиряков помогал шведскому ученому не только деньгами, что само по себе немаловажно, а так же богатой информацией о Сибири, которую собрал изучая историю плаваний в водах арктических морей за многие годы.

Молодому Сибирякову было совершенно ясно, что сибирское бездорожье не дает возможности развиваться богатейшему краю. Перевозки товаров удорожают их в десятки раз. Большинство населения занимается хлебопашеством, а продавать хлеб некому, нет выхода на внешний рынок. Продукция сельского хозяйства в Сибири баснословно дешева, а вот промышленные товары, железные изделия непомерно дороги. Три железодельных завода на всю Сибирь не могли удовлетворить и десятой доли ее потребности.

Увлеченный своими планами, Сибиряков передает Русскому географическому обществу семь тысяч рублей для исследования Ангары, обществу для содействия промышленности и торговле — пять тысяч на изучение низовьев Оби и Енисея, Академии наук — десять тысяч рублей на премии за лучшие работы по истории Сибири. Однако самым крупным был его вклад в развитие Томского университета (1888 г.) — первого в Сибири высшего учебного заведения. На учебные пособия студентам, на вспомогательные учреждения он израсходовал почти 170 тысяч рублей!

Сумма для университета значительная. А что она значила для самого Сибирякова? Точного ответа на этот вопрос мне найти не удалось. А вот приблизительно... Младший брат нашего героя Иннокентий Михайлович, известный московский книгоиздатель, в 1890 году пожертвовал свое состояние — 420 тысяч рублей — на создание фонда имени Михаила Сибирякова — для оказания помощи присысковым рабочим, а сам ушел в монастырь. Как известно, перед богом не лгут: отдал все, что имел.

А братья Сибиряковы незадолго перед тем разделили одно наследство, доли их не должны очень отличаться. И можно предположить, что вклад Александра Михайловича в Томский университет равнялся, примерно, трети его наличности. Не случайно он, наряду с видными учеными, в 1904 году был избран почетным членом Томского университета. Его роль в организации сибирской науки трудно переоценить.

Но как же быть с датой смерти, которую дает БСЭ, если в 1904 году Сибиряков становится почетным членом университета? Выбирают посмертно? Или это первый сигнал о неточности? И тут возникает мысль: если Сибиряков так много сделал для Томска, то не выступал ли он там в местной печати? Предположение оправдалось. В 1901 году он издает в Томске книгу «О пути из Якутска к Охотскому морю», а в 1903 году в газете «Сибирская жизнь» публикует статью «О пути с р. Колымы к Охотскому морю и Якутску (Ола, порт Колымского края)». В ней Сибиряков приводит потрясающие сведения о дороговизне продуктов в Колымском крае, куда доставка каждого пуда груза обходится в десять рублей, а пуд муки продается за... 40 рублей. Сибиряков предлагает организовать доставку грузов не через Якутск, а по Охотскому морю через поселок Ола. «Образование порта на Оле и снабжение товарами из него по Ольско-Колымскому пути, всего Колымского края, — пишет Сибиряков, — помимо улучшения экономического положения населения последнего, поднимет и благосостояние населения ближайших к Оле местностей...» Это предсказание Сибирякова сбылось в тридцатые годы, когда был построен город и порт Магадан.

Однажды в одном журнале я прочел заметку о том, как русские люди искали путь в Сибирь через Урал. Упомянулся там и Сибиряков. Приведу один абзац: «Александр Михайлович нашел переход с Печоры на Обь... сидя

в кабинете. Рассматривая карту, он обратил внимание на названия некоторых рек, как-то: Торговая, Волоковая, Глубинка... Он подумал: «Не от того ли названия, что этими речками пользовались в прошлом?» Открытый таким образом путь окрестил Сибиряковским трактом. Шел он через леса и болота, по рекам и речушкам. В лесу рубили просеку, болота мостили деревьями. Каждое дерево — 30—40 сантиметров сухой дороги, дерево к дереву, и дорога-лежневка готова. По тракту было перевезено за несколько лет сотни тысяч пудов сибирского хлеба».

Эффектная картинка! В действительности было не так. В газете «Сибирская жизнь» за 28 января 1914 года я нашел рассказ самого Сибирякова об этой дороге. Приведу из него отрывок

«...К счастью моему, один довольно зажиточный оленщик-зырянин, имя которого, к сожалению, я теперь не помню, тоже собирался, ехать по Шугору в свой чум. Я с ним доехал по Шугору до Волоковки. Здесь он сказал мне, что я могу отсюда доехать в легкой нарте, т. е. без багажа, с его сыном в один день в Ляпино, т. к. до него остается менее ста верст.

...Поднявшись по Волоковке к вершине Урала, он стал переваливать через хребет, и я обратил внимание на сравнительную низменность и незначительность этого перевала, так как вскоре мы начали уже спускаться в верховье другой реки... Перевал этот я указал г. Врублевскому (доверенный Сибирякова — Л. Щ.), которому я поручил устройство этой дороги, несмотря на то, что он перед этим избрал другой перевал через Урал, а именно на реку Торговую, по которой уже сделал даже просеку».

Связь с Россией, Сибирью Сибиряков, живя за границей, поддерживал до 1914 года. Первая мировая война прервала эту ниточку. Затем революция... Ему уже перевалило за 65 лет, и на родину он более не возвращался.

Видимо, он так и не узнал о тех работах по освоению Сибири и Северного морского пути, которые начались в тридцатые годы. То, что в БЭС дата его смерти неверна, сомнений уже нет. Но верна ли она у Попова?

С помощью педагогов кафедры французского языка Красноярского пединститута пишу мэру города Нишцы. И вот ответ:

«Мсье, имею честь сообщить, что Александр Сибиряков, родившийся в Иркутске (Россия), скончался в Нишце в больнице Пастера 2 ноября 1933 г.

...Вы найдете приложенную к письму копию свидетельства о его смерти...

Заместитель генерального секретаря
отдела обслуживания населения
А. Фэраут».

Судя по этой копии, можно предположить, что умер Сибиряков в бедности и одиночестве, т. к. документ о его кончине оформляли не родственники, а шофер Луи Эретье.

А все же, откуда взялась дата смерти — 1893 год? Иркутские рассказывают, что Александр Михайлович не только не пользовался симпатиями своих сограждан — купцов и предпринимателей, — но его, мягко говоря, не любили. Он не участвовал в купеческих загулах и прочих развлечениях городских обывателей. Их интересы не совпадали. И когда в Иркутске готовился городской справочник, якобы, чтобы досадить Сибирякову, и записали в нем, что он умер.

Все же, думается, дело обстояло проще. Сибиряков потерял связь с Иркутском, примерно, с того времени, как в Томске был открыт университет (1888 г.), он стал больше тяготеть к первому университетскому городу Сибири, в который вложил так много средств. А в Иркутске, не имея сведений о Сибирякове, решили, что он умер. Впрочем, как бы там ни было, а печатная ошибка, обычно, весьма живуча. Сколько ни печатай поправок — ничего не поможет. Того и гляди выползет, как змея из щели. Вот если бы была книга о Сибирякове... А книги о жизни и делах славного русского патриота еще никто не написал.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ КОПЕЙКИ

Александр
ШИШКИН

Как известно, в Екатеринбурге с 1727 по 1876 год (с некоторыми перерывами) действовал монетный двор, чеканивший медные монеты общероссийского типа, снабженные буквами Е. М. (екатеринбургская монета), имевшие хождение по всей стране, но в основном на территории Урала и Сибири.

У симферопольского коллекционера С. А. Чолака хранится екатеринбургская копейка 1805 года с крупной надчеканкой на гербовой стороне. Эта надчеканка, закрывшая собой русский герб, состоит из круглой рамки, внутри которой помещено слово из арабских букв, окруженное растительным орнаментом. Хотя надпись четкая, но особенности арабского письма вызывают затруднения в ее прочтении и интерпретации. Дело в так называемых «диакритических знаках» (надстрочных знаках), от количества и места которых зависит прочтение той или иной буквы. В клейме шесть точек, но четыре из них связаны с орнаментом, а две расположены отдельно. Однако и из числа «орнаментальных» точек некоторые могут оказаться диакритическими знаками для той или иной буквы. Букв три или четыре — четвертая похожа на изыск резчика клейма, стилизовавшего конец слова. К этому надо еще добавить, что в письменностях, пользующихся арабскими буквами, краткие гласные не обозначались, а произношение зависело от так называемых «знаков огласовки», которые в надписях на монетах обычно не проставлялись, и произношение слов, написанных одними и теми же буквами, на разных языках звучало по-разному. Кроме того, одно и то же слово на одном и том же языке иногда имело несколько значений.

Учитывая все сказанное, предлагаю несколько прочтений, из которых наиболее вероятными могут быть два.

1. Буквы ФТР, прочтение: ФИТ-РУН (по-арабски), ФЭТР (по-персидски) — разговение, прекращение поста.

2. Буквы КТБ или ГТБ, прочтение: КУТБУН (по-арабски), ГОТБ (по-персидски) — выдающийся человек (арабск.), или человек, достигший духовного совершенства.

Итак, это не название города, в котором могла обращаться клей-

менная монета, не номинал и не название восточной монеты. Скорее всего, это превращение русской копейки в своеобразную восточную «медаль».

Этот тип русской монеты чеканился с 1797 по 1810 год — 16 рублей из пуда меди. По манифесту от 29 августа 1810 года монеты стали чеканиться на 24 рубля из пуда меди. Был введен новый тип, а старые монеты изъяты из обращения, переплавлены и перечеканены. А наша копейка екатеринбургской чеканки, оказавшаяся где-то на востоке, была использована по другому назначению.

Где это произошло и какова цель надчеканки, можно только предполагать.

В коллекцию С. А. Чолака монета «пришла» из Закавказья, по-видимому, пройдя до этого через руки нескольких собирателей.

Русские монеты могли попасть в любую из областей с мусульманским населением. В конце XIX и начале XX века в восточных бекствах Бухарского эмирата (Кулябское, Бальджанское, Дарвазское, Каратегинское) русские медные монеты встречались на местных базарах «мешками и грудами», причем не только как металл для изготовления ремесленниками медной утвари, но и в обращении по курсу 12—13 монет (независимо от номинала) за 1 бухарскую серебряную теньгу¹. Однако о надчеканках очевидцы (русские офицеры и чиновники) не упоминают, и, по-видимому, для обращения монет клейма на них не выбивались.

С какой же целью была сделана надчеканка на екатеринбургской копейке 1805 года?

Если читать надчеканенное слово как «разговение», то можно предположить в клейменной монете своего рода сувенир или амулет, связанный с окончанием мусульманского поста, и праздником, называвшимся по-арабски «ид аль фитр», а по-тюркски «ураза байрам». Этот праздник сопровождался сбором пожертвований («зябет альфитл» или «фитр садака») и выдачей милостыни — по-арабски «фитратун».

Если читать надпись как «выдающийся человек», или «человек, достигший духовного совершенства», то можно предполагать в клейменной монете своего рода «школьную медаль» — знак, которым отмечались лучшие ученики мусульманских духовных училищ (медресе). Будет уместно привести еще одну выдержку из статьи Ш. Юсупова: «По свидетельству Илиаса Алкина, город Бухара привлекал в свои духовные медресе студентов из различных уголков России. Эти студенты оставляли и значительные суммы монет в Бухаре».

Вот так родившаяся в 1805 году в Екатеринбурге копейка проделала путь в одну из областей мусульманского мира, превратилась там в амулет или в знак отличия и через много лет пришла в коллекцию крымского нумизмата.

¹ Ш. Юсупов. «Из истории появления русских монет в Восточной Бухаре» — Пролог Средней Азии. Душанбе, 1987, с. 225—230.

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастика),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистика,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в доставочные
предприятия связи
по месту жительства,
в отделения и предприятия
«Союзпечати».

Бракованные экземпляры отправлять
в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 05.10.91.
Подписано к печати 26.12.91.
Формат бумаги 84×108/16.
Бумага типографская № 1.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 14,14.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 460 000.
(1-й завод: 1—200 000).
Заказ 433.
Цена 5 руб.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

НАРОДНОЕ ПОГОДОВЕДЕНИЕ

Георгий
РЫЖЕНКОВ

ГРОЗА, ЛЕТУ НЕ СТЫД

Гром зимою — к сильным ветрам.
С первым громом земля растрескивается и принимает в себя воду, стоящую дотопе в лужах.

До первого грома (грозы) лягушки не квакают.

До первого грома змея не жалит.
Если гром прогремит при нетронувшемся льде на реках и озерах, то после холодной весны наступит грозливое и бурное, но урожайное лето.

Если первый гром застанет рыбу под льдом, будет хороший улов.

Если первый гром прогремит утром, лето будет умеренное, если в полдень и с южной стороны — теплое и плодородное, под вечер — теплое, но осень холодная.

Если после первого грома холод, то и лето будет холодное.

Если ранней весной сверкает молния, а грома нет — лето будет сухое.

Ласточки прилетели — скоро гром загремит.

Первый гром весной — признак наступающего тепла.

Первый гром при северном ветре — холодная весна.

Первый гром при восточном ветре — сухая и теплая весна, а при южном — ждать лета теплого, западном — мокрая весна, но перейдет в жаркое лето.

После первого грома улитки вылезают.

Больше гроз — больше грибов.
Дорожная пыль встает маленькими смерчами — быть грозе.

Душное марево — предтеча грозы.
Когда гроза застала в поле — садись на землю.

Когда гроза приходит с севера — выходи на работу (после грозы будет день ясный).

Летом солнце сильно парит и лучи его темнеют — к сильной грозе.

Молоко в грозу скисает.
Муравьи прячутся в гнезда — к грозе.

Надвигается гроза, однако пчелы не прячутся в улей — значит, дождя не будет.

Ночная гроза — к хорошей погоде.

Перед грозным дождем сом из глубин поднимается выше.

Почуввав грозу, плотва уходит на дно.

Птицы приумолкли — жди грозы (птицы перестают петь за три часа до грозы).

Туман не образуется, роса слабая или совсем не выпадает — возможны гроза и ливень.

Уклейка выпрыгивает из воды за комарами — к грозовому дождю.

Утки надрывно кричат, хлопают крыльями и ныряют — грозу кличут.

Утренние грозы опасны, от них можно ожидать града.

Где гром (гроза), тут и ведро.

Глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий, взрывной — к ливню, непрерывный — к граду.

Гром в июне веселит крестьянское сердце — предсказывает хороший урожай.

Гром в сентябре — ожидай долгую теплую осень.

Гром гремит долго и не резко — к ненастью, а если отрывисто и продолжительно — будет ясно.

Если гром непрерывно гремит — будет град.

Если гром гремит осенью — зима не скоро настанет.

Если летом при холодной дождливой погоде гремит гром, ожидай длительной прохладной погоды.

Октябрьский гром — зима бесснежная.

Если молния красная, огненная, то это предвещает ветры и бури.

Если летом много молний — быть благоприятной зиме.

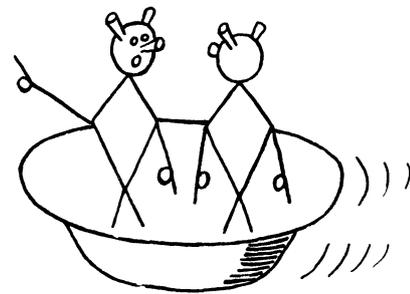
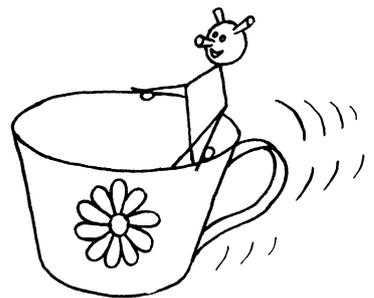
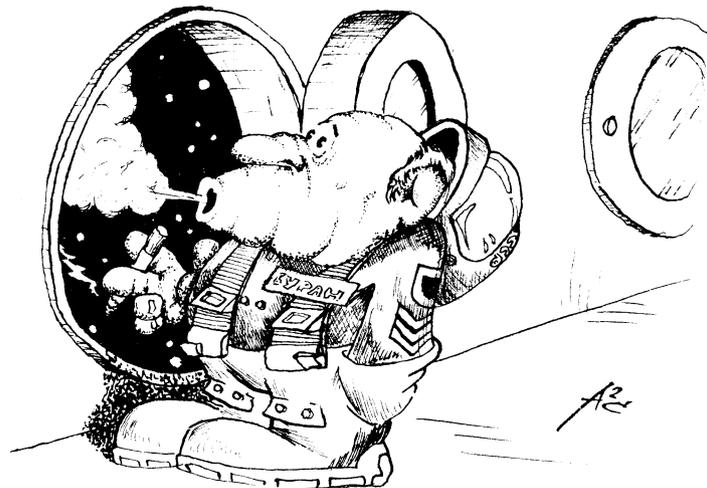
Если после дождя сухая молния заблещет, будет ясно.

Появление грома и молнии с запада предвещает дождь, а с севера — сухую погоду.

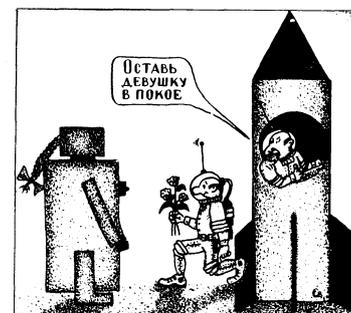
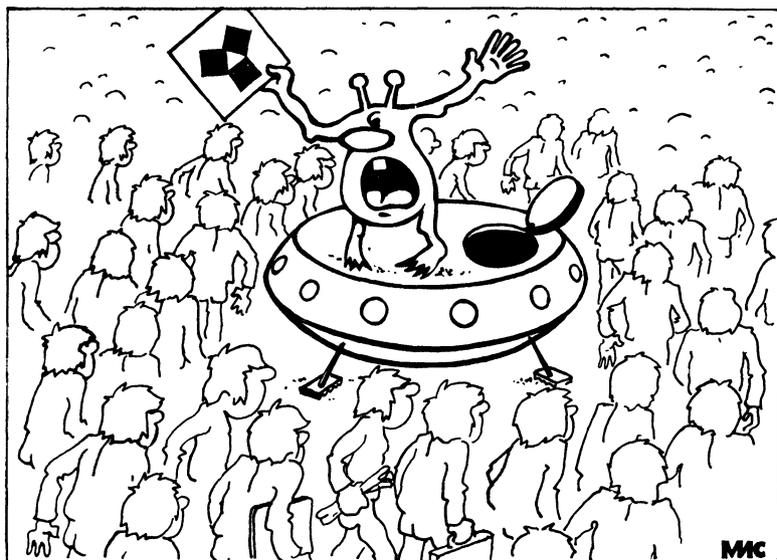
Если в июне частые зарницы, будет хороший урожай.

Если зарницы появляются в засуху, то к пушей засухе.

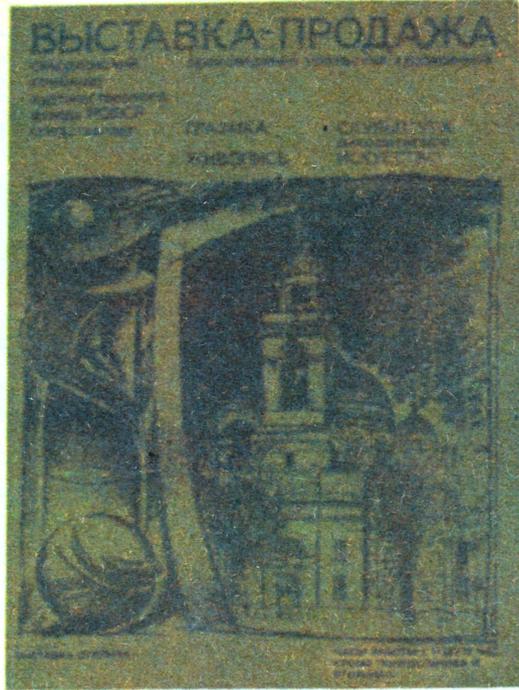
Как сполохи заиграли, значит, погода переменится.

— А этот, как всегда, хочет выделиться.

Рисунки С. АШМАРИНА (г. Екатеринбург),
В. ГРАЖДАНКИНА (г. Самара), М. СЛОБОЖАНИНА (г. Пермь),
А. СМЕЛОВА (г. Верхняя Тура), В. СТАРАДЫМОВА (г. Новоси-
бирск)

Художник художников

В Екатеринбурге демонстрируется совершенно невероятное творение уральских литейщиков — Каслинский чугунный павильон. Перед главным входом в него — скульптура «Россия» работы Н. Лаверецкого. Легенда гласит: спас чугунное чудо от продажи в 1900 г. на Парижской выставке царь, сделав замечание: «Россия не продается».

В последнее время символическая боевая «Россия» возвращается в духовном смысле России — она стала, например, знаком фестиваля неигрового

кино, ее можно увидеть в титуле одной из газет, ей посвящен календарь, афиши, разлетевшиеся по стране. Их выполнил екатеринбургский художник Вячеслав Вишняков, который сейчас, как говорили в старину, ставит дело — шелкографическую мастерскую. Десятки афиш создал Вячеслав, посвященных выставкам своих коллег. И мы решили: не пора ли сделать «афишу» и самому Вишнякову (смотри снимок), художнику, всегда остающемуся в тени других художников.